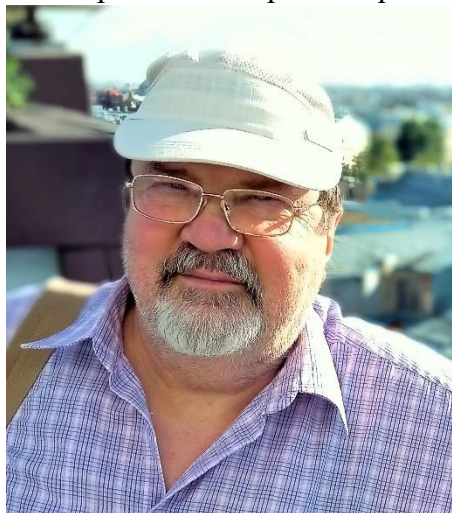

Сведения об авторе

Алексей Константинович Платонов родился и вырос в историческом центре Ленинграда в обычной для пятидесятых годов прошлого века коммунальной квартире. С детства он много читал и хотел путешествовать, видеть разные страны и континенты. Эта мечта привела его в Ленинградский гидрометеорологический институт на океанологический факультет. Еще будучи

студентом, в 1973 году, Алексей Платонов впервые побывал на Крайнем Севере, где проходил практику на гидрографическом судне. После окончания института Алексей работал на судах промысловой разведки на Дальнем Востоке, затем занимался гидрологическим обеспечением промерных работ в Гидрографическом предприятии ММФ, а также изучением динамики полярных вод, программированием в ИВЦ предприятия, пройдя путь от простого инженера до начальника группы и главного специалиста – гидролога Комплексной арктической гидрографической экспедиции. Удалось ему побывать и за границей, в том числе в странах Центральной и Южной Америки, Западной Европы, где он занимался научной деятельностью. В последние годы Алексей Константинович работал ответственным секретарем информационно-

аналитического сборника «Российские полярные исследования», издаваемого Арктическим и антарктическим научно-исследовательским институтом и Росгидрометом. Алексей Константинович автор и соавтор более пятидесяти научных и научно-популярных печатных работ. В настоящее время — пенсионер.

Алексей Платонов

По морям, по волнам...

Содержание

Большая перемена

Дом полярников
Архангельск — город контрастов
Вахты у Карских Ворот
Прощай, Вайгач

Люди, море, судьбы

Карточный домик
Праздники, отдых, хобби
Опять на краю света — Чукотка
Как мы искали «Челюскин»

Рассказы коллег и всякие байки — производственные и не только

Другие миры

Кубинские впечатления
Месяц в стране тысячи озер

Иллюстративный блок

Алексей Платонов

По морям, по волнам...

Со светлым будущим проблемы,
придётся славным прошлым жить

В. Поляков

Большая перемена

Дом полярников

В годы учебы в институте (ЛГМИ, 1970–1975) мы с женой и маленькой дочкой жили в Ленинграде в Доме полярников. Их несколько; тот, о котором я пишу, находился в конце ул. Восстания совсем близко от станции метро Чернышевская. Здание это было серым и мрачным, типичный образец сталинского домостроя 1935 года. До войны тут жили с семьями работники Главсевморпути, курсанты и преподаватели будущего училища им. Макарова и прочих «северный полярный люд». В нашей пятикомнатной коммунальной квартире из старых довоенных жильцов проживала только одна семья — мать с семьей взрослого уже сына. Эта уже весьма пожилая женщина до войны работала на невысокой должности на какой-то кафедре в училище им. Макарова и вышла замуж за одного из преподавателей. В общем-то, поэтому она с сыном и получила комнату в этом доме. Мало того, она жила в нем и в блокаду и говорила, что только благодаря металлической дровяной плите, стоявшей на кухне, они с сыном и выжили. До самой смерти нашей блокадницы мы — соседи — не решались убрать эту плиту из кухни, хотя она и была совсем ни к чему — уже был проведен газ. Как-то Антонина Васильевна, так звали нашу соседку, рассказала мне, что курсанты училища уважительно и тепло относились к ее последнему мужу, ценили как преподавателя и ученого и после его смерти где-то в 50-х годах обещали ей назвать какой-нибудь географический объект его именем. Я в то время отнесся как-то поверхностно к ее словам, особого дела мне до этого и не было. И вот, спустя много лет, когда я начал писать эти заметки, я вспомнил ее рассказ и решил проверить, выполнили ли свое обещание бывшие курсанты училища. И что вы думаете? Нашел-таки географический объект в Антарктиде, названный в честь мужа нашей соседки: гора Терлецкого расположена приблизительно в 150 км от южного берега моря Лазарева и русской полярной станции Новолазаревская (Земля Королевы Мод, берег Принцессы Астрид, горы Орвинфьелла) в точке с координатами 71° 50,0' ю.ш. 10° 31,0' в.д. Так что полярники-макаровцы свое слово сдержали, что в наш век пустых слов и обещаний на самом высоком уровне очень ценно!

Жили в свое время в этом доме и другие замечательные личности. Например, квартиру на четвертом этаже с 1936 года занимали Войцеховские — семья знатного полярника, исследователя Арктики, геодезиста — Георгия Анастасьевича Войцеховского (1900–1942). Полярники того поколения настолько «болели» Арктикой, что и дома в Ленинграде не могли обойтись без привычных элементов своей полевой жизни за Полярным кругом. В предвоенные годы в семье Войцеховских жила огромная лайка по кличке Моряк, которую хозяин впрягал в маленькие нарты и по утрам по льду Невы отвозил в университет свою жену, а затем сам по заснеженным улицам (или покрытым льдом и снегом каналам?) ехал на работу в Арктический институт, располагавшийся на набережной Фонтанки. Полярник скончался в блокадном Ленинграде в Первом морском госпитале. Известно, что похоронен он был на Серафимовском кладбище. Моя мама дружила с вдовой Георгия Анастасьевича — Ниной Владимировной — она тоже работала в Доме детской книги на набережной Кутузова. Я с мамой бывал у нее в гостях, но в силу нежного возраста совсем не интересовался её мужем-полярником и делами давно минувших дней.

Еще ходили слухи, что в однокомнатной квартире на первом этаже Дома полярников жил бывший радист знаменитого революционного крейсера «Аврора», того самого, что сейчас стоит напротив Нахимовского училища. Якобы этот радист получил телеграмму из Смольного с приказом сделать известный выстрел. Не берусь обсуждать правдивость этих сведений, а высокого старика с

первого этажа я помню: он носил большие потрепанные усы и выходил гулять днем по нашему дворику в одно и то же время.

На третьем этаже в нашем парадном жил еще один весьма замечательный человек — гидрограф, доктор технических наук, академик Академии транспорта РФ, почетный полярник Всеволод Ильич Пересыпкин (1931–2018). В 60-е, 70-е и 80-е гг. он был главным инженером, а затем и начальником Гидрографического предприятия ММФ, много сделал для развития предприятия и СМП в целом. Из всего послевоенного руководства он был, пожалуй, единственным начальником ГП, пользовавшимся искренним уважением всех сотрудников. Как говорили о Всеволоде Ильиче: «Он умел сказать “нет” и никого при этом не обидеть». Великолепный знающий специалист, человек с ярко выраженной харизмой; под его руководством предприятие не скатилась бы до уровня малозначащего учреждения, как это произошло впоследствии, когда Пересыпкина московское начальство направило в конце 80-х директорствовать в ЦНИИМФ.

Но вернемся к нам и нашим соседям — рядовым гражданам-ленинградцам. Жила наша семья в «Доме полярников» весьма стесненно и со всеми «коммунальными» радостями: по утрам толпились в туалет и ванную, на кухне «терлись попами» во время готовки (кухня и была-то метров восемь квадратных, да еще две плиты газовых стояло и довоенная дровяная плита), убрали места общего пользования согласно расписанию, натерли паркет и даже делали вместе косметический ремонт: красили стены и белили потолки. Самым «зрелищным» местом нашей «вороньей слободки» был длинный коридор, куда выходило семь дверей. Причем все они почему-то открывались из комнат наружу в коридор, что иногда приводило к падениям и травмам жильцов, следовавших мимо. Стены коридора были покрашены масляной краской до половины высоты, дальше — побелены мелом. На массивных крюках, вбитых в стены выше человеческого роста, висело несколько пар лыж, эмалированные тазы, детские ванночки и санки, а в конце коридора у наглухо заставленного запасного выхода из стен торчали черные цилиндры электрических счетчиков — по одному на комнату. Когда в какой-либо семье появлялись дети, коридор заполнялся пеленками, сохнувшими на длинных веревках, тянувшимися из одного конца коридора в другой. Иногда пришлые люди останавливались в недоумении, едва переступив порог нашего «ковчега»: их удивляло, как же можно так жить? А мы жили, и весьма неплохо: делились с соседями пирогами, студнем, стульями и посудой, когда приходили гости, «стреляли» трешку или пятерку до зарплаты, вызывали врача страждущим и бегали за лекарством в аптеку. Свадьбу с первой женой мы играли в этой квартире, причем в комнате соседей, которую они нам любезно предоставили: столы поставили во всю длину помещения, на стулья положили доски, и все застолье — человек тридцать гостей — лихо кричали «горько» чуть ли не до первых петухов.

Интересно, что почувствовал бы средний американец, попав в нашу коммунальную «слободку»? Испуг, удивление, замешательство? Ведь по «заграничным» понятиям люди в нашей квартире жили вполне себе обеспеченные: почти все работали, а если нет, то получали пенсию или стипендию (как я с женой). Почему же мы жили, как негры где-то в нью-йоркском Гарлеме: скученно, бедно и без надежды на лучшее? То есть надежда была, что кому-то из соседей лет через 5–10–15 удастся построить кооператив и съехать. Тогда его комната достанется кому-то из нынешних жильцов. Так и происходило, но... и сейчас, по прошествии 50 лет, эта квартира так и остается коммунальной. Только жильцы сменились.

Архангельск — город контрастов

Умные (вернее — ушлые) мои однокашники-студенты готовились к большой морской практике после третьего курса заранее: искали знакомых, которые могли помочь устроиться на хорошее место, «трясли» родственников, если таковые имелись, рвались на престижные должности в комсомольское бюро или партком факультета или института. А цель была одна: попасть на заграничный рейс какого-либо исследовательского судна в качестве техника-практиканта. Это давало возможность и посмотреть что-то, и заработать. Во всяком случае привезти настоящие фирменные джинсы, кроссовки, да блок сигарет «Мальборо». Платили на судах заграничания, если я не ошибаюсь, «невысоким чинам» центов 60 в день, так что особо не разгуляешься. Но все равно, рейс в загранку — это была единственная для нас возможность чуть-чуть прикоснуться к «западной жизни», красшком глаза ее увидеть. Например, поглазеть в магазинах на фирменную

радиотехнику, сходить на эротический фильм и, может быть, купить пластинку супермодного в то время ансамбля «Битлз». Пределом мечтаний было попробовать «Кока-колу» и привезти домой в виде сувениров несколько ярких фирменных полиэтиленовых пакетов. Может быть, я несколько утрирую, но в принципе так и было.

Поэтому большинство моих однокашников правдами и неправдами старались попасть на научные суда, которые шли в заграничку. Но дело это было не простое: таких пароходов было не так много, на всех студентов никак не хватало. Во всяком случае мне не удалось устроиться на такой заграничный рейс, хотя и виза была, и учился я более-менее без хвостов, да еще и проформом группы был (за что мне повышенную стипендию платили — не 35, а 40 руб.). И пришлось мне довольствоваться рейсом на гидрографическом судне на Север. Судно принадлежало Гидрографическому предприятию ММФ. В принципе, если отбросить мечты об иностранных портах и тропиках, рейс в полярные широты обещал быть интересными и относительно денежным: платили северные надбавки, командировочные, кормили бесплатно, дорогу оплачивали. Ну и белых медведей, моржей и китов был шанс увидеть. Что ни говори, а такая возможность не каждый день и не каждому предоставляется, а нам было, на минуточку, 20 лет. Тем более, что в тот же рейс шли и мои приятели — курсанты из училища Макарова, так что думалось — скучать не придется.

В Архангельск мы прибыли в первой половине июня. Стояла редкая в тех краях жара, так что близость полярного круга совсем не чувствовалась. Город удивил нас встречавшимися на его окраинах деревянными дощатыми мостовыми, главным проспектом со странным названием — Павлина Виноградова, и старым, времен иностранной интервенции, английским броневиком, установленным на пьедестале в самом центре. В городских столовых не было ни одного мясного блюда на второе, только жареная треска с макаронами, а в магазинах, кроме венгерского сала с красным перцем и ужасно невкусного джина, отдававшего еловой шишкой, предложить покупателю было нечего. Архангелогородцы отличались светлыми волосами, голубизной глаз и милым оканьем (особенно девушки), которое я без улыбки не мог слышать, пока не привык.

Определили нас — троих курсантов и меня, студента — на новое гидрографическое судно финской постройки. Не помню точно, как оно называлось: то ли «Степан Малыгин», то ли «Дмитрий Стерлегов». Суда архангельской гидробазы стояли на собственном причале в районе под названием Соломбала на острове в дельте Северной Двины с одноименным названием. Остров этот соединялся с городом большим Кузнечевским мостом, по которому, если я не ошибаюсь, в центр ходил трамвай.

Почти новенькое судно финской постройки «попахивало» свежей краской, еще в наличии были все ключи от кают (и дверные замки, которые члены экипажа-архангелогородцы потом снимали для установки на двери своих квартир). Также еще был цел фирменный набор судовой посуды, включая супницы и кружки для чая с названием судна (их потом тоже растащили на сувениры). Интересно, из какого материала были сделаны предметы этого финского сервиза: они не бились при падении, а если уж разбивались, то в пыль? Наверное, какая-нибудь пластмасса «под керамику», не иначе.

Наша «курсантская» каюта находилась ниже центральной палубы, где располагался камбуз и столовая команды/кают-компания. Иллюминаторы были выше уровня воды метра на полтора-два, и надо было не забывать заdraивать их при свежем ветре и волне, иначе забортная вода заливала каюту, что и случилось пару раз позже уже в открытом море.

В соседнем кубрике жили матросы и боцман. В первую же ночь, когда мы после ужина сошли на берег посплозяться по городу, кто-то своровал весь наш одеколон, оставленный по незнанию без присмотра в туалетном шкафчике над раковиной. На следующее утро пришел с покаянием один уже достаточно взрослый матрос (оказалось, что он бывший боцман, разжалованный в простые матросы за пьянство). Этот бедолага плакал, слезы катились по небритым щекам, он просил прощения за кражу одеколona (он его выпил) и... умолял дать ему еще чего-нибудь опохмелиться, иначе он умрет. Надо сказать, что к вечеру все члены экипажа, находившиеся на борту, были, мягко говоря, сильно «под мухой». Потом, когда мы вышли в море и спиртное кончилось, оказалась, что вся судовая команда состоит из весьма достойных работающих моряков: они целыми длинными днями (стояли белые ночи) занимались судовыми работами, с энтузиазмом помогали членам экспедиции, участвовали в высадках на пустынные берега и таскали тяжеленные ящики с экспедиционным грузом в прибое, не жалуясь и не ругаясь. Но дома, в Архангельске, это были просто зомби.

Хуже всего, что при подготовке к экспедиции не хватало матросов на всякие погрузо-разгрузочные работы. Часть их была на вахте, часть дома на берегу в отпусках и отгулах, а часть «лыка не вязала». А подготовительных работ было много: кроме промерных работ в Карском море и снабжения наших радионавигационных береговых станций, судно должно было идти в Восточный сектор Арктики и везти груз для расположенных там гидробаз (северных «опорных пунктов», подчинявшимся головному предприятию, расположенному в Ленинграде). Руководству экспедиции ничего не оставалось делать, как «сбросить» все эти погрузочные работы на курсантов ЛВИМУ, студентов-практикантов и работников экспедиции помоложе. Иногда чуть ли не целый день, а то и часть ночи, благо что ночи были белые, мы грузили в трюм ящики, мешки и коробки с продуктами, экспедиционные грузы, ГСМ в бочках и пиломатериалы: доски и огромные листы фанеры. Что-то нам начальство экспедиции обещало заплатить за сверхурочную работу, но, по-моему, так это и не сделало: к моменту окончания экспедиции через четыре месяца все эти наши «трудовые подвиги» были забыты. Как-то начальник нашей «Первой экспедиции» Павел Михайлович Р-в вышел на палубу глянуть, как идет погрузка очередной партии бочек с соляжкой. Посмотрел на нас, уже плохо двигавшихся от усталости практикантов, «мутным взором» (а дело было ночью, правда «белой»), «сделал ручкой» и ушел нетвердой походкой обратно к себе в каюту. Кстати сказать, и его, и капитана судна мы увидели на обеде в судовой кают-компании только через несколько дней после выхода в море. Все они от возлияний не могли отойти, пока запасы спиртного не закончились.

Справедливости ради надо сказать, что «авральные» работы нас настигли только в последние перед выходом в море дни, а так мы шлялись по городу, некоторые особо ретивые курсанты и на танцы успевали бегать, и подраться с местными, и в милицию попасть. Правда, это, последнее, относится к судовому составу. Нас, практикантов, чаша сия миновала. Июнь в тот год выдался непривычно жарким, так что мы, как только выдавался свободная минутка, бегали на близлежащий пляж загорать и купаться. По вечерам в основном сидели на пароходе, во всяком случае я. Как-то ночные приключения меня не прельщали.

Архангельск по части хулиганства и всяких стычек на улице, наверное, занимал не последнее место в списке неблагополучных городов Советского Союза. А что ожидать: город портовый, пришлого народа много, да и свои местные жители особой культурой не отличались. Плюс любимое городское развлечение, чуть ли не единственное, — пьянка. А за ней и ругань, и мордобой, и преступления. Один студент из моей группы служил до института в ВМС в Архангельске. Так рассказывал, как один раз, будучи в увольнении, «попал под раздачу» компании местной шпаны и незнакомая девушка-архангелогородка(!) пробила ему голову «шпилькой» снятой с ноги туфли-лодочки. Так что приключений на свою голову найти тут ничего не стоило, было бы желание.

А дни бежали; в трудах и судовых заботах прошли, наверное, недели полторы и настало время выходить в море.

Вахты у Карских Ворот

День выхода в море ничем не отличался от других: так же ярко светило июньское солнце, чайки с криками кружили над верхней палубой, и мелкая волна Северной Двины разбивалась о борт судна.

Белое море встретило нас свежей погодой и просто лазурного цвета водой. Судно стало ритмично покачиваться, и я почувствовал первые признаки морской болезни: муторное состояние, подташнивание и прочее. Только в койке становилось несколько легче. В эти первые сутки я ничего не ел, валялся в каюте и даже читать не мог.

Слава Богу, через день-два начал привыкать: стал выходить на свежий воздух на палубу, появился аппетит, а там мы уже подошли к цели нашего первого перехода — северной оконечности острова Вайгач. На этом весьма негостеприимном берегу (тундра, черные каменистые десятиметровые откосы, переходящие в галечно-песчаный пляж) и предстояло мне прожить в палатке полтора-два месяца в компании трех незнакомых людей: двух специалистов-радионавигаторов и механика — работников радионавигационной станции РНС. О том, что я буду делать и как вообще организуют быт на таком «осколке цивилизации», я имел весьма слабое представление.

Вайгач — это остров примерно 50 на 100 км между архипелагом Новая Земля и материком на стыке двух морей: Баренцева (на западе) и Карского (на востоке). От материка остров отделяет пролив Югорский Шар, а от Новой Земли — пролив Карские Ворота.

Самой северной частью острова Вайгач является мыс Болванский Нос или Ямалсаля. На протяжении тысячелетия остров считался «священной землёй» северных народов, где обитали сотворившие мир боги. Сегодня на острове зафиксировано более двухсот объектов культурного наследия — деревянные и каменные тотемы. На мысе расположена полярная гидрометеорологическая станция им. Е.К. Фёдорова, а поодаль, в четырех-пяти километрах от нее, несколько домиков летней погранзаставы. «Летней», потому что пограничники несли там службу только в период навигации, когда пролив Карские Ворота освобождался ото льда и становился судоходным.

Еще ночью судно стало где-то в километре от берега, а рано утром заскрипели крышки открываемых трюмов и ржавых тросов в блоках — это рабочую баржу спускали с борта судна на воду, чтобы перевозить нашу группу со всем ее хозяйством на берег. А хозяйство было не малым: несколько десятков тяжелых ящиков с радиоаппаратурой и бытовым хозяйством, части дизельной электроустановки и радиомачты, а также мотки тросов для ее крепления, металлические ящики аккумуляторов по 12 кг, разобранные части брезентовых палаток, листы фанеры, мешки с углем, печка-буржуйка, газовые баллоны и кухонная печь, раскладушки, спальные мешки и ящики с продуктами, чемоданы с личными вещами. Мало было переправить все это имущество на сушу, еще надо было помочь нашему маленькому отряду организовать приемлемые условия для автономной жизни и работы на этом безлюдном берегу: установить шатровые палатки, дизельную, поднять и укрепить высоченную антенну.

С первой же баржей наша команда из четырех человек отбыла на берег с грузом. Выгрузка проходила спокойно, но легкой ее было никак не назвать: приходилось таскать на себе тяжеленные ящики в прибое, и холоднющая волна нет-нет да и заливала раструбы поднятых чуть не до пояса высоких резиновых сапог. Работали целый день, благо погода благоприятствовала, курсанты и матросы с судна нам активно помогали, и часам к шести вечера жилая палатка и брезентовый навес для дизельной были установлены, антенна укреплена растяжками, радиоаппаратура заняла своё штатное место в самом удобном и сухом «углу» палатки-шатровки. Баржонка совершила последний рейс и отвалила к судну. Между тем механик наладил дизеля, и под их весьма громкое тарыхтение, но зато с электрическим светом (!) «новые робинзоны», то есть наша группа из четырех человек, приступили к первому ужину в нашем новом доме — шатровой палатке площадью метров 12 квадратных. Пока еще у нас все было: хлеб с судна, картошка в ящиках, тушенка, даже квашеная капуста в трехлитровых банках. Плюс начальник нашей группы Владимир Анатольевич — мужчина лет пятидесяти — достал спирт, предназначенный для протирки контактов приборов, развел граммов триста с водой и выставил на стол.

Праздничный ужин получился на славу: вареная картошка, тушенка, какие-то рыбные консервы, банка овощей венгерской фирмы «Глобус». Может быть, даже что-то свежее нам досталось с парохода: репчатый лук, чеснок, огурцы, помидоры, а самое главное — десяток буханок серого хлеба последней судовой выпечки.

Только мы разложили всю эту снедь на импровизированном столе — огромном ящике из-под приборов, налили по 50 граммов в металлические кружки, как у входа в палатку появилась невысокая фигура в военной форме: «К-хе-хе..., здравствуйте, разрешите на огонек?»

А что делать? Надо приглашать к столу.

— Конечно, заходите.

— Разрешите представиться: старший лейтенант Евсеев. Прошу предъявить документы.

Оказалось, что наш гость — командир (фамилия изменена) небольшого местного пограничного гарнизона. Под его началом было около десятка солдат срочной службы. Располагалась эта мини-часть в нескольких небольших домишках километрах в двух-двух с половиной от нас. Начальство их находилось в поселке Амдерма, откуда служивых и забрасывали вертолетом на все светлое время в Арктику «караулить» проходящие Карскими Воротами суда. Отвечал старший лейтенант и за все происходящее на этом пустынном побережье, так что его просьба проверить наши документы и разрешения на пребывание в этой пограничной зоне была вполне обоснована.

Когда все формальности были закончены, мы опять сели за импровизированный стол теперь уже с нашим соседом-пограничником и наконец-то выпили первые пятьдесят граммов разведенного спирта за новый дом и место! «С новосельем», так сказать.

Сосед поделился местными байками и новостями о полярниках на станции, живших километрах в четырех от нас. Рассказал и про свою службу. Все его подчиненные были первогодками, кроме одного старослужащего старшины. На нем все их небольшое хозяйство и держалось. Старшина и кашеварил, и трактор водить умел, и дизельной (а это свет, электричество) заведовал. Рядовые солдаты были в основном городскими парнями, так что в тундре чувствовали себя не очень-то уютно. Тут тебе и гнус с комарами, и медведи, да и оторванность от мира. В то время видеоманитофоны и спутниковое телевидение еще не появились в Арктике, так что из развлечений и было, что баня раз в неделю да радиоприемник.

Служба у них заключалась в дежурствах на «посту бдительности» — в деревянной будке, установленной метрах в двухстах-трехстах от нас на небольшом поднятии берега рядом с геодезической триангуляционной вышкой. Солдаты с помощью мощной телескопической трубы наблюдали за проходящими судами и записывали в журнал название судна и время прохождения им пролива. Службу они несли в полной форме и с автоматом. Оружие действительно было нужно, так как белые медведи нет-нет да и «топали» мимо со стороны материка к проливу. Там они бросались в воду и плыли на Новую Землю через пролив (километров 60). Осенью, наверное, их миграция проходила в обратную сторону. Медведь — зверь осторожный, так что и наши палатки, и геодезический знак с будкой косолапые хозяева здешних мест обходили, но ожидать от них можно было что угодно, тем более что случаи нападения этих животных на солдат в караулах, наблюдателей на полярных гидрометеостанциях и просто случайных людей случались регулярно. Чтобы отпугнуть любопытных гостей и был нужен автомат. Хотя стрелять по медведям было категорически запрещено, разве что в крайнем случае для защиты своей жизни.

В первый же вечер нашей «робинзонады» и выяснилось, что делать мне нечего. То есть все члены нашей маленькой группы были специалистами в своей области и имели персональные обязанности: радисты несли вахту по восемь часов и обеспечивали работу радионавигационной станции, механик следил за работой двигателей, генераторов и выработкой электроэнергии, и только я должен был вести метеорологические наблюдения и вести журнал отсчетов уровня моря. Но все эти наблюдения качественно и в полной мере осуществлялись специалистами полярной гидрометеостанции, серые домишки которой были хорошо видны в окно-«иллюминатор» нашей жилой палатки КАПШ-1 (каркасная арктическая палатка Шапошникова, вариант 1; такая палатка предназначена для использования в арктических условиях в качестве переносного жилого и рабочего помещения). Руководство нашей экспедиции заранее по радио договорилось с полярниками о необходимых данных, и моя задача состояла только в том, чтобы сходить на полярку и скопировать нужные сведения в конце экспедиции. Так что получалось, что я вроде как до конца работы нашего судна в море и остался не у дел, и был самым свободным (и самым молодым!) человеком в нашей «наземной» группе. И как-то так все повернулось, что кроме меня «на хозяйство» и поставить было некого. Так я не по своей воле, но в силу объективных обстоятельств и стал и поваром, и завхозом, и водоносом, и истопником нашей команды.

Для начала надо было обеспечить коллектив двумя вещами: туалетом и питьевой водой. С туалетом обошлись просто: выкопали полуметровый ров метрах в пятидесяти от наших палаток, обнесли его несколькими дюралевыми трубами-кольями и закрепили на них брезент метра в полтора высотой. Внутри соорудили что-то вроде невысокой скамейки, заменявшей унитаза. Вот и весь «арктический» санузел — без крыши и продуваемый ветрами. Рядом на столбик повесили дачный пластмассовый рукомоЙник голубого цвета — стало чуть-чуть уютней.

С колодцем тоже было ненамного сложнее: в другой стороне, в низинке, подальше от туалета мы выкопали яму метра в полтора-два глубиной, и через час-полтора она наполнилась талой водой. Местность была болотистой, да и вечная мерзлота давала себя знать. Правда, вода была мутной, но со временем отстаивалась и после ее фильтрации через несколько слоев марли вполне годилась для питья, хотя особым вкусом и не отличалась. Конечно, мы ее пили и употребляли для приготовления пищи только после кипячения. Опасность таилась совсем в другом: в возможной радиоактивной зараженности всей этой местности.

Оказывается, как я узнал много позже, километрах в пятистах к северу от места нашей дислокации, чуть дальше пролива Маточкин шар на Новой Земле, располагался военный полигон (мыс Сухой Нос), где начиная с 1955 года было проведено несколько десятков атмосферных, наземных, надводных и прочих испытательных ядерных взрывов. В том числе знаменитый взрыв термоядерного устройства «Кузькина мать» в октябре 1961 года (50 мегатонн тротилового эквивалента) на высоте 4000 метров от поверхности земли. Тогда огненный шар при взрыве превысил радиус четыре километра. Облако, образовавшееся в результате взрыва, достигло высоты 67 километров, а диаметр купола из раскаленных продуктов — 20 километров. Взрыв был такой силы, что сейсмическая волна в земной коре, порожденная ударной волной, три раза обошла вокруг земного шара. Вспышка была видна на расстоянии более 1000 километров. В заброшенном поселке, расположенном на расстоянии 400 километров от эпицентра, были выбиты стекла и снесены крыши домов. И хотя испытания проводились в дни, когда господствовал северный перенос воздушных масс, т.е. когда дули ветры южных румбов, вероятность радиоактивного заражения северной части Вайгача, а может быть, и всего острова за столько лет была вполне реальной. Но мы, уж не знаю к счастью или к несчастью, ничего не знали об этом. Да и дозиметров со счетчиком Гейгера, чтобы определить остаточную радиацию, в экспедиции не было, хотя, по уму, должны были бы быть.

Потихоньку наша береговая жизнь в тундре начала налаживаться. Готовить я совсем не умел, так что первую неделю «варганить» еду мне помогал радист-начальник — старый и опытный полярный волк, которого мы все звали по отчеству «Анатольевичем», сокращая до «Анатолич». Утром требовалось только вскипятить чайник да открыть пару банок консервов или достать палку полукопченой колбасы и головку сыра на завтрак. В обед мы готовили какой-либо суп (из свежего мяса, пока оно было в первые дни, или из консервов — мясной тушенки или рыбных). Употребляли и суповые концентраты. На второе варили кашу или макароны (вермишель, рис). В ужин доедали, что оставалось от обеда, или готовили какое-нибудь простое второе блюдо — допустим, омлет из яичного порошка. Некоторые запасы с судна: буханки хлеба, масло, свежее мясо, соленая треска из Архангельска, свежая картошка, лук, капуста, свекла, морковь — это все было и выручало нас первые две-три недели. Свежие продукты не так быстро портились, так как мы их хранили «на льду» — в пещерке-леднике в вечной мерзлоте. Одну палатку-шатровку мы приспособили под камбуз. В ней и стоять можно было во весь рост, и столик небольшой поместился для готовки. Кроме того, в ней разместилась и двухкомфорочная газовая плита с баллоном, и ящики с сухими продуктами — в основном с бакалеей (сахар, кофе, макароны, конфеты, крупы и прочее).

Конечно, первые дни было тяжело: я не успевал, второе было готово раньше, чем первое, омлет и оладьи подгорали, а картошка никак не хотела жариться. Но мало-помалу и с помощью моего учителя «Анатольевича», я освоился, научился рационально использовать время, и самым неприятным занятием для меня стала не готовка как таковая, а мытье посуды — мыл я ее, как правило, морской водой и песком на берегу под солеными брызгами прибоя и порывами студеного ветра.

Надо сказать, что песчаный берег пролива, особенно во время отлива, представлял собой великолепный (и ровный!) «променада» для прогулок — вода уходила, и по обнаженному и довольно твердому песчаному пляжу можно было шагать и шагать сотни метров, а то и километров. Уходить от наших палаток далеко мы не рисковали: настоящие хозяева здешних мест (кроме духов предков) — медведи — нет-нет да и достаивали нас своим появлением. Правда, обходили они наш лагерь стороной, но что им может взбрести в голову — никто поручиться не мог. У нас, правда, было два «средства» против медведей (вернее, даже три). Это фальшфейеры — сантиметров 20–25 круглые алюминиевые «пеналы» с отвинчивающимся колпачком, который скрывал тонкий белый шнур. Фальшфейер надо было направить вверх, дернуть за подрывной шнур, и в небо вырывался огненный заряд красного, зеленого или красного цвета. Он подлетал метров на 100–150 вверх, описывал дугу и падал на землю, где быстро гас, шипя и чадя. Считалось, что огонь, необычный звук и шипенье сигнала должны испугать хозяина полярных просторов.

Следующим защитным средством были ракетница и ракеты-патроны разного цвета. Рекомендовалось при встрече с белым медведем направить ракетницу в его сторону и произвести выстрел. Инструкции утверждали, что хозяева северных просторов, как дворовые щенки, разбегутся, напуганные невиданными огнем и звуком. Позже я встречал полярников, которые

говорили, что лично видели медведей, которые своей огромной лапой из любопытства «прихлопывали» догорающие на земле ракеты, как окурки, и несколько их не боялись.

Самым радикальным «антимедвежьим» средством нам должен был служить обычный военный карабин 1943 года выпуска. Наверное, это была знаменитая «мосинка» образца 1898 года. Все автономные радионавигационные партии и водомерные посты, находившиеся на безлюдных северных берегах, снабжались тогда такими раритетами Великой Отечественной или револьверами системы Наган 30-40-х годов выпуска.

Конечно, это весьма серьезное оружие было выдано еще в Архангельске начальнику нашей партии — Анатольевичу, но он милостиво отдал его и штук 30 патронов в мое ведение — хранить, чистить, смазывать и держать, так сказать, «в боевом состоянии». Вот тогда мне мои спортивные навыки стрельбы из «мелкашки» игодились: в принципе этот карабин немногим от нее отличался принципиально. Так что я все два с лишним месяца нашей береговой жизни им и занимался: разбирал, чистил, смазывал. Ну, стрельнул пяток-десяток раз, чтобы проверить боеспособность оружия и его кучность. Защищаться от медведей с помощью карабина, слава Богу, не пришлось.

Надо сказать, что, по словам опытных полярников, убить белого медведя, даже из нарезного оружия, весьма сложно: лобовая кость и грудь животного настолько крепки, что пули не наносят ему вреда — просто рикошетят. Охотники бьют медведя сбоку, стараясь перебить пулей хребет, но попасть куда надо — великое искусство. Кстати, от хозяина тундры не убежать: бегают он чуть ли не быстрее собаки, да и по льду по три метра перепрыгивает шутя. А поскольку естественных врагов у медведя нет, он никого и не боится, наоборот — часто проявляет не страх, а любопытство. Бывали случаи, когда медведи забирались в гремющую дизельную и лапой останавливали вращающиеся части двигателей. Эти звери обладают поразительным чутьем. Так, например, мой однокашник по институту работал в свое время техником на полярной станции, куда частенько наведывались медведи. Он рассказывал, что полярники как-то провели нехитрый эксперимент: бросали мишке две совершенно одинаковых банки консервов без этикеток. В одной был консервированный зеленый горошек, а в другой — молочная сгущенка с сахаром. Так вот, не было случая, чтобы медведь ошибся — он всегда выбирал сгущенку, одним ударом расплющивал банку и жадно слизывал содержимое вместе со снегом. Получалось, как мороженое. А банками с горошком, понюхав раз, больше не интересовался. И хотя полярники проводили подобные опыты не один год, медведи никогда не ошибались. Вот как они сквозь жуть чувствовали свое любимое лакомство?

Возвращаясь к нашему «променаду» — пляжной полосе. Можно сказать, что это было наше любимое место прогулок. Кроме удобства ходьбы по просторному, почти совершенно гладкому и достаточно твердому песчано-галечному покрытию пляжа, это место отличалось тем, что на нем можно было найти много интересных, а иногда и полезных вещей. Особенно после штормов, наката и ветра северных и северо-западных румбов: все, что несло течение по Баренцеву морю в Карские Ворота, выбрасывалось на наш берег. Это были стеклянные и пластмассовые рыбацкие поплавки-кухтыли, обрывки синтетических сетей и концов, пластмассовые ящики и сломанная мебель, коробки и бутылки для стиральных порошков и различных жидкостей, непарные шлёпки-вьетнамки, цветные пластмассовые части каких-то крепежных устройств, обломанные ветки деревьев, целые бревна, горбыль, доски и рейки из дерева. Но больше всего было больших и маленьких полиэтиленовых пакетов с разными надписями, картинками, товарными этикетками и знаками. Поскольку в 70-е годы всяких иностранных (да и своих тоже) полиэтиленовых пакетов был дефицит, мы с увлечением подбирали эти мешки, полоскали их в воде, демонстрировали друг другу и пытались разобрать нанесенные на них надписи на немецком, английском и прочих языках.

Иногда случались и настоящие «открытия». Наш «Анатолич» как-то притащил в жилую палатку странную округлую литровую бутылку из зеленого стекла, найденную им на берегу. Бутылка была запечатана сургучной печатью, а внутри, при ближайшем рассмотрении, мы обнаружили, что она частично заполнена чем-то твердым. Увы, когда мы осторожно вскрыли печать, извлекли пробку и потрясли горлышком вниз сосуд, из него показался не джинн из сказки о старике Хоттабыче, а скрученный в трубочку листок плотной бумаги. На нем на английском языке было написано, что нашедшему эту бутылку и заполнившему формуляр, находящийся на обратной стороне сего послания, будет выплачен гонорар в размере 2-х фунтов-стерлингов в любом почтовом

отделении Объединенного королевства Великобритании или аналогичном на континенте. Естественно, при предъявлении настоящего документа. Также был указан и адрес отправителя «морской почты»: одна из океанографических исследовательских организаций Великобритании. Формуляр документа содержал несколько вопросов: где была найдена бутылка (координаты, название места), когда (дата), кем (имя и адрес). Вроде бы и все вопросы. В общем, это был «маячок»-поплавок английской океанографической службы изучения течений с помощью так называемого «метода Лагранжа». То есть слежения за тем, куда и за сколько времени попадет «поплавок».

Наш начальник ужасно возгордился своей находкой, и, сколько я его ни упрашивал отдать мне бутылку для научных целей (я хотел принести ее в институт и отдать на кафедру динамики течений), ничего не получилось. Я предлагал даже бутылку водки, что по местным понятиям в тундре было настоящим сокровищем, но всё бесполезно. Уж и не знаю, куда «Анатолич» дел потом свою «научную находку»; не думаю, чтобы его домочадцы уж так заинтересовались этим необычным сосудом. Может быть, кто-то из знакомых «Анатолича» и получил позже за границей эти два фунта стерлингов. Наши-то почтовые отделения уж никак не были связаны с Королевской почтой Великобритании.

Кроме всякой всячины, с берега можно было встретить и любопытных лахтаков — морских зайцев. Эти тюлени отличаются довольно большим телом (за два метра) и круглыми, как будто вечно удивленными глазами. Идя по берегу, частенько можно было увидеть их округлые головы, торчащие над морской поверхностью, как рыбацкие кухтыли.

А однажды я забрался на нависавший над прибойной полосой пригорок и с вниманием стал рассматривать морской горизонт в бинокль — вдруг появится какое-либо судно. Сверху в прозрачной воде между белыми гребешками волн хорошо были видны и каменистое дно, и стайки рыбок, и подводные кочки с темными водорослями. Вдруг меня словно ударила волна страха, и я замер: откуда-то из глубины, извиваясь всем телом полуметрового диаметра, на берег к урезу воды ползло... нечто буро-зеленое. Бока этого «чуда-юда» поблескивали под определенным углом неярко светившего северного солнца, как чешуя рыбы или... шкура змеи. На какую-то долю секунды меня охватила паника: «Змей! Морской змей!» — пронеслось в голове. Но тут освещенность как-то изменилась, благодаря нашедшей на солнце тучке, и страшное тело «морского змея» превратилось в длинный пук спутанных водорослей морской капусты, колебавшийся туда-сюда под действием волн в прибрежной толчее. «У-ф-ф..., ведь померещится же такое, а!?» Вернувшись в нашу жилую палатку, даже никому не стал рассказывать о моем наваждении и испуге — побоялся, что засмеют меня коллеги.

Спустя какое-то время я получил поручение от начальника экспедиции сходить с кем-нибудь из нашей группы на полярку посмотреть, как работники станции выполняют необходимые нам наблюдения и сделать копии уже полученных данных. Выполнить такое ответственное задание (смеюсь) вместе со мной вызвался радист Лёва — опытный работник, не раз сам зимовавший на наших объектах в Арктике. Ему было лет сорок; он отличался доброжелательностью и легким веселым нравом — любил и шутку, и соленный анекдот.

И вот выбрали мы как-то день посветлей (через день лил дождь) и направились «напрямки» через тундру, озерца, болотины и пригорки к полярной станции. По прямой-то путь к домикам полярников казался коротким — километра три-четыре, но в действительности, обходя все препятствия, мы шли гораздо дольше. Еще и довольно бурный ручей пришлось нам преодолевать. Правда, Лёва, даром что человек отзывчивый и настоящий полевик, пожалел студента: сам разделся и перетащил меня на спине на другой берег. Иначе и мне пришлось бы форсировать эту водную преграду по пояс в холоднющей воде. А смысл мокнуть обоим?

С небольшими приключениями часа через полтора-два добрались мы до наших соседей — полярников. Встретили они нас доброжелательно, но сдержанно. Видно было, что их покой довольно часто нарушают пришлые люди, во всяком случае летом. Узнав, что ни у нашей береговой группы, ни на экспедиционном судне свежих овощей-фруктов на продажу (или в виде презента) не имеется, «аборигены» совсем потеряли к нам интерес. Во всяком случае, мне так показалось, хотя, может быть, это была своеобразная защитная реакция маленького коллектива людей, живущих месяцами в отрыве от общества. На станции в тот момент только и было четверо специалистов: одна семейная пара метеорологов среднего возраста, один специалист-гидролог, жена которого улетела

на Большую землю делать какую-то операцию, и один молодой и холостой метеоролог. Наверное, ему и было одному трудней всех на этой станции, а ведь он пробыл здесь только первые полгода из трех лет, что должен был отработать на Севере. Вообще, молодым одиноким мужчинам (да и женщинам, похоже) живется в такой оторванности от мира нелегко. Семейные люди еще как-то поддерживают друг друга, вместе проводят свободное время, а одиноким приходится рассчитывать в основном только на себя. Ведь и до преступлений доходит: семейные мужчины, бывает, ревнуют до такой степени, что караулят с ружьями своих жен у дверей в баню. Лишний взгляд, неверное слово могут спровоцировать драку, а то и преступление. Я слышал о случае, когда один молодой специалист ушел на лыжах навстречу вездеходу, везшему его сменщика. И прошел он не один десяток километров, так горячо было его желание скорее покинуть опостылевшую ему станцию и не видеть больше окружавших его там людей. Не хочу сказать, что подобное происходит на каждой полярной станции, но что всякое тут случается — это точно.

А сама станция на Болванском Носу представляла собой несколько домиков и сараюшек, плюс главный жилой дом, где жили сами полярники и гостей принимали. В нем находился камбуз, кают-компания, библиотека (кстати, весьма приличная — думаю, не одна тысяча томов) и комнаты личного состава. Нас с Лёвой после осмотра станции и переписи нужных нам данных полярники даже пригласили пообедать с ними. Вот тогда-то я и попробовал дичь — полярных уток. Не могу сказать, что они мне очень понравились — утиное мясо сильно отдавало рыбой и тиной. Может быть, его надо вымачивать предварительно, но сами полярники ели этих уток не морщась, привыкли, наверное. В то время ни телевизоров со спутниковой антенной, ни интернета на полярных станциях, конечно, не было. Иногда имелся проекционный киноаппарат и несколько десятков алюминиевых коробок с кинофильмами, но и это удовольствие было не на всех станциях. Газеты и журналы прибывали сюда с оказией несколько раз в год. Обычная почта тоже. Так что из средств связи более-менее функционировало только радио. Жизнь, надо сказать, невеселая. Из развлечений только охота, рыбалка да баня. Так что не позавидуешь.

Хорошо, что ещё до выпуска из института мне удалось побывать на этой действующей полярной станции и увидеть ее жизнь воочию. Именно поэтому, когда после окончания ВУЗа у нас с женой появилась возможность подписать контракт и поехать работать вместе на полярную станцию, я наотрез отказался. Думаю, несмотря на приличную денежную сумму, что нам платили бы, пребывание на полярке обернулось бы для нас суровым испытанием наших духовных и физических сил. Конечно, человек ко всему привыкает, но пребывание в таких «медвежьих углах» не для каждого, и я до сего дня не жалею о сделанном выборе.

А в тот первый раз мы с товарищем отобедали у неулыбчивых полярников, забрали копии данных наблюдений и отправились восвояси. Преодолевать речку вброд больше не пришлось: свободный от вахты молодой сотрудник станции перевез нас на другой берег речки на лодочке-плоскодонке.

Время потихоньку двигалось, хотя в основном дни и были похожи друг на друга: я занимался готовкой, топил углем нашу печку-буржуйку в жилой палатке, мыл посуду, выполнял программу простейших метеонаблюдений (атмосферное давление, температура воздуха, видимость, облачность, явления погоды) и гулял по берегу. Мои «коллеги» стояли вахту у радиооборудования и следили за работой дизелей, вырабатывавших электроэнергию. В свободное время мы всей компанией «дулись» в преферанс (причем по 0,1 копейки за вист); иногда к нам присоединялся командир соседей-пограничников, заглядывавший «на огонек» (но солдаты — никогда). Служивые «при исполнении» с полным вооружением проходили каждые четыре часа мимо наших палаток к своей «будке» с телескопом, располагавшейся на пригорке у деревянного триангуляционного знака. Мы угощали солдат печеньем, конфетами-тянучками, иногда кружкой горячего чая или бочкового кофе. Нет, они совсем не голодали у себя, просто, когда каждый день одно и то же — все приедается и хочется чего-нибудь нового попробовать из еды (да и не только).

Иногда, после прогулки по берегу, я заходил в дежурную будку погранцов, угощал очередного постового солдата папиросой, расспрашивал о жизни на гражданке и в армии. Большинство из служивых жили на «гражданке» в северо-западном регионе России — в Карелии, Архангельске, Мурманске. Службу никто не любил, только и разговоров было о том, что они будут делать дома, когда вернутся. Но один из молодых солдат (явно было, что он служил первый год) как-то меня очень удивил своим рассказом. Родом он был из небольшой деревеньки, расположенной

на севере Архангельской области; белесый весь такой, блондин натуральный, глаза светло-светло голубые, словно прозрачные. Не помню, как мы «зацепились» за всякие «чудеса»: леших, ведьм и прочую лесную нечисть. И вдруг этот простой деревенский парень как-то посерьезнел и спросил без тени улыбки:

— А что, в ваших лесах их и нет совсем?

— Да кого? — говорю. — Леших, что ли?

— Ну да, — отвечает. — И кикимор всяких. Нечисти, одним словом.

Я посмотрел на его лицо — нет, не шутит, никакого подвоха.

— Да нет вроде. А у вас есть, что ли? — спрашиваю, пытаюсь сдержать улыбку.

— Да хватает. Вот идем мы с соседом Мишкой; лет уж пять с того будет, — рассказывает быличку, — по проселочной дороге идем, уж и крыши домов нашей деревни показались вдалеке, как нам навстречу старуха плетется. Такая обычная деревенская бабка. Незнакомая. Идет себе куда-то: в руке узелок или сверток с чем-то.

— Куда путь держите, соколики? — спрашивает нас, поравнявшись.

— Да к дому, бабушка, вот и деревня наша уже здесь, — отвечаем.

— А чего ж пешком-то? Притомились, небось? — бабка все не уgomонится.

— Ничего, — говорим, — уж близенько.

А старуха вдруг руки вскинула, как крестом, глаза ее сверкнули прямо огнем, и крикнула нам:

— А вот не догоните меня, не догоните!

И... превратилась в колесо огненное. Да то колесо покатилося быстро так под уклон по полю к ближайшему перелеску и пропало там. Только след, опаленный, на траве так и остался, да узелок ее на дороге пшикнул зеленым пламенем и пропал.

Мы ни живы, ни мертвы бегом домой. Потом спросили у стариков, что это было. Да, говорят, это кикимора с вами шутки шутила. Хорошо еще в лес не заманила.

— А вы говорите (этот паренек меня почему-то на «вы» называл), — обратился ко мне служивый. — Есть они, кикиморы эти, так и хотят над людьми поизголяться, а то и хуже того что сделать. Тут одно может помочь — крестное знамение!

И как-то задумался, замолчал, отвлеченно глядя на еле видимый горизонт.

Я не знал, что и ответить. Парень говорил так уверенно, так правдиво, что сомневаться в его истории мне и в голову не пришло. До сих пор так и не знаю, что и думать: то ли он выдумщик такой хороший был, то ли все это привиделось ему как взаправду, и он ни в чем не сомневался. Чудные дела, чудные люди нас окружают.

Приходилось бывать и «в расположении» пограничников. Их и было-то меньше двадцати человек: несколько рядовых, механик, радист, тракторист и старший группы — офицер. Даже врача не было. Сначала первый месяц командиром был старший лейтенант, затем его сменили и прислали капитана. Чуть не каждые десять дней к воякам прилетал вертолет: подкидывал свежие продукты, почту, иногда кинофильмы и людей. Офицеры приезжали без семей. Во-первых, дольше, чем на полтора месяца их не посылали. А во-вторых, жилищные условия даже для командного состава были более чем спартанские: командиру полагалась отдельная комната, но за стеной — солдатская казарма, туалет на улице, горячей воды нет. Выпить и то не с кем, не будешь же пить с подчиненными солдатами! Так что командировку на Болванский Нос офицеры воспринимались как наказание за какие-то известные им провинности.

Таких «постов бдительности», разбросанных по пустынным берегам северных морей, в летнее время хватало, и, конечно, всяких ЧП тоже: то пожар приключится, то в тундре боец потеряется или утонет на рыбалке. На нашем-то посту, по рассказам командиров, и то случались чрезвычайные происшествия. Один раз гусеничный трактор утопили в болоте: неопытный боец забрался в машину в отсутствие командира — хотел поучиться водить, — да не справился с управлением. Что-то заклинило в рычагах, и трактор на скорости пошел прямо в болото. Бедолага-водитель еле успел выскочить на ходу из кабины, а трактор так и ушел в воду по крышу. Скоро болото замерзло и все снегом замело. Воякам на следующий год прислали новый трактор, а полярники со станции с разрешения командира-пограничника вытащили следующим летом «утопленника», перебрали двигатель за зиму, очистили от болотной грязи ходовую часть и стали обладателями уже двух действующих машин, что на севере никогда лишним не бывает.

Как-то то ли на полярной станции, то ли у самих вояк кто-то погиб в море на рыбалке. Полярникам (и военным в том числе) категорически запрещается иметь плавсредства для рыбалки, так как их частенько уносит в открытое море, а помощь оказать некому. А с берега рыба, как правило, не ловится. Вот и прячут полярники свои утлые лодчонки куда подальше от всяких проверяющих комиссий и нет-нет да и нарушают приказ — выходят в море на рыбалку. А где море, там и несчастные случаи. Без них на Севере ни один год не обходится.

Нечасто, но происходят и трагические встречи с хозяином местных пустынных просторов — белым медведем. Как-то командир пограничников получил от своего начальства указание повысить бдительность и провести внеочередной инструктаж для подчиненных: на одном из береговых постов погиб солдат в наряде на «посту бдительности». Оказывается, он пытался «отбиться», как от собаки, от навесившего его пост медведя примкнутым к автомату штыком. Укол штыка только раззадорил животное, и оно бросилось на постового. Тот и выстрелить не успел — медведь его всего переломал. Ведь медведи бывают просто огромные. Как-то позже, в чукотском поселке Уэлен (?) в местном краеведческом музее я видел чучело большого медведя, стоявшего на задних лапах. Громадная голова его, размером с приличный казан, упиралась в потолок, а задние лапы, казавшимися короткими, оказались действительно подрезанными, по словам работника музея, так как иначе чучело вертикально и не помещалось в зал.

Не забывало нас и начальство с экспедиционного судна. Каждый день в десять часов утра по радио открытым текстом проходила планерка, то есть сеанс связи всех береговых станций с руководством. Таким образом мы узнавали местные новости, кто в чем нуждается, как выполняется план, получали весточки от близких и отправляли телеграммы домой. Конечно, ни о какой конфиденциальности и речи быть не могло: все шло открытым текстом, так что все всё про своих коллег знали.

Раз в десять дней — две недели наше судно подходило к берегу и снабжало нас свежим хлебом собственной выпечки. С помощью рабочей баржи доставляло нас на пару-тройку часов на борт помыться, сменить постельное белье, постирать собственное в стиральной машине и, если повезет, поесть на судне в кают-компании (на скатерти, из тарелок судового сервиза!). То есть руководство гуманно давало нам возможность немного отдохнуть от быстро надоедающей жизни робинзонов, попариться в судовой сауне, побыть намного в цивилизованной обстановке. Конечно, мы с удовольствием пользовались этой возможностью, и по два человека (всегда кто-то оставался на вахте следить за дизелями и приборами) ездили на судно. Эта пара часов в уюте и комфорте судна финской постройки поднимала нам настроение и заряжала энергией еще на полмесяца пребывания в «полевых условиях». Все удовольствия ярче ощущаются в контрасте. Какую радость приносит возможность после хождения по тундре скинуть надоевшие тяжеленные резиновые сапоги, ватник, треники и комбинезон и встать под теплый душ! Намылившись вкусно пахнущим чистотой и полевыми цветами мылом, смыть с себя пот и запах горелого угля, которым мы топили печку-буржуйку, затем сесть на полочку в сауне и изобразить буддиста, погруженного в самосозерцание. Когда пот уже начинает есть глаза и пощипывать кожу, наступает следующий этап — ныряние в большую ванну, наполненную морской забортной водой (мудрыми финскими строителями судна была предусмотрена такая возможность) температурой около 2–3-х градусов. После такой водной процедуры тело прямо «парило» в воздухе!

В «банный день» вечером уже дома в нашей жилой палатке «Анатолич» разводил немного казенного спирта, и мы после тостов чокались металлическими кружками с «огненной жидкостью». Гости обычно были за дом, за здоровье свое и домочадцев и за погоду, поскольку дожди и осклизлая грязь тундры быстро выводили нас из себя.

Как-то военный вертолет, прилетевший к пограничникам, оставил на взлетной площадке не только ящики с продуктами для служивых, но и невысокого роста бородатого мужчину с рюкзаком за плечами и каким-то плоским ящиком через плечо. Мы хорошо разглядели «заморского гостя» в мощный бинокль. Вертолет улетел, а незнакомец с командиром пограничников направился к жилому барaku военных. На следующий день странный мужчина появился и у нас: темно-карие глаза, несколько оценивающий взгляд из-под шапки густых волос, борода, располагающая улыбка.

Я — художник, — пояснил он, поздоровавшись. — Хотел бы нарисовать ваши портреты. Не возражаете?

Оказывается, наш гость жил в Архангельске, был членом Союза художников СССР (или РСФСР) и имел уже за плечами несколько персональных выставок. Манера письма у него была самая что ни на есть реалистичная. А тема очередного «проекта», как сказали бы сейчас, была «Современные покорители Севера». Проще сказать — люди, работающие на северных рубежах нашей страны: моряки, научные работники, полярники, военные, геологи. Он сказал, что уже несколько недель путешествует по побережью Карского моря, рисуя наброски и портреты встречающихся местных жителей, военных и командировочных вроде нас. Поделится планами: пробудет около недели здесь у пограничников, будет рисовать что понравится, дальше со следующим вертолетом отправится в Амдерму, а там, если повезет с попутным воздушным транспортом и погодой, полетит на побережье Баренцева моря. Из нашей группы он для своих художественных работ выбрал меня и механика. У меня уже к тому времени отросла небольшая жиденькая бороденка и приличная шевелюра на голове, и в летней одежде полярников — телогрейке и сапогах — я выглядел заправским «молодым покорителем Севера». Художник стал приходить к нам каждый день, и позировать ему нужно было около часа, что оказалось весьма нудным занятием. Да еще и гнус одолевал, а сидеть надо было на улице из-за света и не двигаться. Рисовал наш новый знакомый углем на больших листах картона. Результат мне понравился, но я на нем получился какой-то слишком мужественный, прямо-таки молодой герой-покоритель Арктики из довоенного кинофильма эпохи Папанина «Семеро смелых». Художник сказал, что так и надо, и ему важен образ, а не портретное сходство, что это значило, я до сих пор не понимаю. Также пригласил нас по окончании сезона на выставку своих работ в Архангельск, но в тот сезон мы не попали больше в этот город — улетали домой из посёлка Диксон.

Недели складывались в месяцы, белые ночи давно закончились, и по утрам вода в раковинке иногда покрывалась тонкой корочкой льда. Шел сентябрь, и море начало показывать свой крутой осенний нрав: сильные ветра и штормовая погода повторялись все чаще, а прибой заливал белой пеной и водой все пространство от уреза воды до обрывистого каменистого берега, лишая нас удовольствия пляжных прогулок.

Как ни странно, ни осенних ягод, ни грибов в тот год у Мыса Болванского в тундре не было. Обычно всегда в тундре можно было что-то найти: ягоду шикшу, например, или карликовую рябину и грибы-красноловики, как на Камчатке. А тут — пусто.

Ну да что делать, уже пришло время заканчивать экспедиционные работы и собираться домой. Начальство дало приказ такого-то числа выключить приборы и оборудование, а накануне меня командировали на полярную станцию сделать выписку необходимых гидрометеорологических данных.

Прощай, Вайгач

Рассчитывать на помощь кого-то из нашего отряда не приходилось — у всех было много работы по сворачиванию объекта. И вот накануне нашего возвращения на борт судна я оделся потеплей, взял карабин и пару запасных обойм и отправился в сторону полярной станции. Дорогу я, конечно, в точности не помнил, шел «в направлении» полярки, благо ее домики и верхушки антенн виднелись вдалеке. Но без приключений и тут не обошлось: пройдя примерно две трети пути и обходя очередной пригорок, я заметил внизу за большим камнем что-то похожее на спину большого животного и белую шерсть на ней. Шерсть шевелилась, и я решил, что это медведь трется боком о глыбу. Сердце мое ушло в пятки: до зверя метров двадцать-тридцать оставалось; если это медведь — он меня догонит, не убежишь. А стрелять (я снял карабин и, стараясь «не клацать», взвел затвор и послал патрон в патронник) страшно: а если звук выстрела не испугает «хозяина» здешних мест? А если стрелять на поражение — вдруг промахнусь? Или пуля не остановит медведя? О том, что медведей в Арктике нельзя бить, я в тот момент и не думал. Стараясь не шуметь, чуть ли не на цыпочках, я стал обходить стороной камень. Светлая шерсть на теле животного показывалась все больше и больше, и наконец я увидел всего «монстра» целиком: это был морской заяц — тюлень. Фу-у-у... Тело этого довольно крупного животного лежало неподвижно; зверь явно был мертвым, и не один день уже, но очень светлая шкура и колеблющаяся под действием ветра длинная шерсть создавали эффект движения, чего я так и испугался. Видимо, его сюда занесли воды мелкого залива, вдававшегося в этом месте далеко в сушу. Во время шторма поднявшаяся вода и занесла тело уже мертвого животного сюда. Конечно, с души словно камень свалился, и я пошел вперед

несколько успокоенный. Эмоциональный всплеск до конца не проходил, пальцы дрожали, и теперь чуть ли не за каждым пригорком мне мерещился медведь. На берегу уже знакомой речки, значительно повысившей свой уровень, я не выдержал и выстрелил несколько раз в воздух, привлекая внимание полярников. Кто-то из мужчин заметил меня, отвязал плоскодонку и вскоре уже подплывал ко мне.

— Чего шумишь, случилось что? — как мне показалось, недовольно крикнул полярник.

— Да нет, — отвечаю, — сворачиваемся мы, нужны ваши данные, да и забрать кое-что для хозяйства сможете у нас.

Мужик сменил гнев на милость:

— Ладно, садись, подвезу.

Вот уж, думаю, и на том спасибо.

— А что, — спрашиваю, — медведи появлялись у вас тут?

— Да шастают, — говорит, — чуть не каждый день, но станцию обходят стороной.

Полярники — люди хозяйственные: как только я закончил копировать данные, снарядили целую экспедицию с трактором и волокушами к нашему временному «стойбищу». Они хотели побыстрее забрать, что оставалось от лагеря: листы фанеры, деревянные брусья, рубероид, железные бочки с остатками ГСМ, деревянные ящики, что-то из продуктов по мелочи, а не то пограницы подсуеются, и ничего не останется. У тех тоже, как говорится, «не заржавеет».

И вот я, сидя на собственном ватнике, трясусь на волокуше (это такие зимние сани на полозьях, но применяются и летом в тундре), ползущей за трактором. В одной руке карабин, а другой прижимаю к себе тетради с копиями наблюдений. Страх встречи с медведем забыт, копии данных удалось снять, форсировать речку не надо, да еще и на транспорте, а не пешком добираюсь до своих. А завтра — судно, друзья-приятели, баня и сауна, уютное спальное место в каюте, белоснежное белье, и конец моимготовкам обедов и ужинов, а также мытью посуды — просто счастье! И почему-то вдруг становится жалко покидать эти дикие, но уже обжитые места: тундру, подкрашенную пастельными красками осени, огромный небосвод, похожий на опрокинутую круглую чашу с медленно плывущими низкими облаками, галечные пляжи с пенящимся прибоем и запахом водорослей — все это северное окружение, ставшее до боли привычным. А сколько здесь было пережито, передумано, услышано и увидено нового! Смешно сказать — даже готовить научился: и супы варить, и кашу, и архангельскую соленую треску запекать с картошкой в духовке, и макароны по-флотски с жареным луком и томат-пастой! То-то мои близкие удивятся. А главное на своем опыте понял, что нет непрестижных занятий и хорошо кормить людей — это непростая работа, требующая любви к кулинарному искусству, во всяком случае — позитивного настроения к готовке, иначе вкусного обеда никак не получится.

Ранним утром подошло наше судно; большого наката волны на берег не было, так что с помощью судовой баржи мы за несколько ходок забросили наш нехитрый скарб, антенное хозяйство, приборы и дизеля в судовые трюма. Приятели — курсанты из ЛВИМУ — встретили меня хорошо, и пустовавшая койка в их каюте снова обрела хозяина в моем лице. За те два с лишним месяца, что мы виделись только урывками, они тоже изменились: кто-то отрастил длинные волосы «под Битлз», кто-то бороды. Все это время ребята исполняли обязанности и специалистов-техников, и матросов, т.е. стояли ходовые вахты, когда не было гидрографических работ или промера.

Следующие две недели судно занималось погрузо-разгрузочными работами: снимало радионавигационные станции, располагавшиеся, как и наша, на берегах Карского моря, а также выполнило операцию по доставке груза на нашу постоянную станцию в районе поселка Харасавэй. Сейчас это значимый вахтовый поселок на западном берегу полуострова Ямал, а в то время и поселка-то никакого не было; только несколько жалких строений на берегу да два-три судна на рейде. По-моему, ни почты, ни магазинов там еще не наблюдалось.

Погрузки проходили успешно: нам повезло с погодой, да и участвовали все, даже начальники партий. Люди уже устали за сезон и хотели только одного: поскорее закончить работы и улететь домой к семьям в Ленинград. Но у всех не получалось: мои товарищи из Макаровки и хотели бы улететь домой, но их не отпускали. Судно с грузом следовало на Колыму в тамошнюю гидробазу, и матросов катастрофически не хватало (часть должна была списаться с судна в ближайшее время).

И вот наконец долгожданный порт и аэродром на Таймыре — поселок Диксон — легендарный логистический центр Северного морского пути и самый северный жилой поселок

РСФСР с постоянным населением в то время около четырех тысяч человек. Диксон делится на две части проливом. С одной стороны — остров с аэропортом и гидрометеорологической станцией, с другой — жилой поселок и морской порт. Я ожидал увидеть лес кранов, какие-то особые северные дома, чумы аборигенов и нарты с лайками в упряжке, наконец. Но нет, Диксон представлял собой черно-белое скопище одно-двух-трехэтажных бараков, грунтовые дороги с лужами и тянущиеся вдоль них деревянные короба с трубами отопления. Стаи бездомных шелудивых собак слонялись у продуктового лабаза и почты. Как, впрочем, и ужасного вида местные «бичи» (бич — бывший интеллигентный человек) — грязные, небритые, с синюшными лицами и трясущимися руками. Видя в нас «неместных», эти подобия людей несколько раз останавливали нас, когда мы с курсантами пошли прогуляться по поселку и зайти в магазин и на почту, и просили денег на выпивку. Уж и не знаю, где они доставали водку или вино, так как в единственном магазине ничего спиртного, по-моему, не продавалось до окончания навигации. Хотя, может быть, я и ошибаюсь.

Один из моих приятелей-курсантов вспомнил историю, которую ему поведал кто-то из моряков старшего поколения. Рассказчик, в то время еще юноша, будучи в компании таких же, как он, курсантов, был в этом поселке. Вместе они приобрели в магазине бутылку питьевого спирта (в то время он еще продавался) и стояли на улице в недоумении: купить бутылку-то они купили, даже открыли, а выпить из чего — не знали. Ну, не из горла же пить на улице! И тут из близлежащего короба появился местный бич (жили они там у теплых труб):

— Что, салаги, не знаете, из чего выпить? Хотите научу?

— Ну, научи, — опешили курсанты.

Призрак взял у них грязной рукой открытую бутылку, другой стащил с босой ноги страшного вида рабочий башмак с тупым носом, вылили в него половину содержимого бутылки и поднес его ко рту. Курсанты и глазом моргнуть не успели, как обжигающая жидкость исчезла в глотке бича.

— Вот так надо, поняли? — усмехнулся мужик, надел свой вонючий ботинок на ногу и исчез в коробе.

Занавес в виде северного сияния над головой.

Прогулка по поселку нам удовольствия не доставила: серый скучный день, грязь и черная угольная пыль на дорогах, унылые обшарпанные домишки местных жителей - никакой романтики. Где-то набрали на памятник первопроходцу и члену экспедиций Э. В. Толля и А. В. Колчака — Н. А. Бегичеву и сфотографировались у его подножия. Грустное осталось впечатление, одно было хорошо — начальство вплотную занималось авиабилетами, и через лень-два мы должны были улететь домой.

В зале ожидания диксонского аэропорта перед самой посадкой в самолет к нашей группе подошел человек с испитым небритым лицом, одетый в старую поношенную и грязную телогрейку и резиновые сапоги. Руки у него тряслись, а в глазах застыла тоска.

— Вы из Ленинграда? Помогите, пожалуйста, улететь домой, — обратился он к старшему нашей группы, показывая какие-то документы и бумажки.

Оказывается, этот бич был ученым-палеонтологом из какого-то ленинградского зоологического (или биологического) института. Кандидат наук, между прочим. Его направили на Енисей для исследования на месте недавно обнаруженных охотниками останков мамонта. Палеонтологический «объект» хорошо сохранился в вечной мерзлоте, и нужен был специалист, чтобы провести исследования останков на предмет их состояния и возможного вывоза для последующего изучения в институт. Специалист прибыл на Диксон, но дальше двигаться к цели своей командировки не смог — запил, пропил все деньги, одежду и какое-то оборудование. Длилось это его состояние месяц, и о продолжении командировки речи уже не шло. По его же словам, пару раз сердобольные друзья и родственники уже присылали ему деньги на билет домой, но до кассы Аэрофлота он дойти так и не смог — опять все пропивал.

Вот и обращаясь к нашей группе, он просил «кто сколько может», и не было никакой гарантии, что он не пропьет и эти деньги. Мы скинулись: кто дал рубль, кто пятьдесят копеек, набралось рублей двадцать пять, но на авиационный билет явно не хватало. Собранные деньги наш старший отдал несчастному командированному. Тот поблагодарил и мгновенно испарился, практически повторив мизансцену из фильма «Москва слезам не верит», когда экс-спортсмен и чемпион Сергей Гурин получает от бывшей жены (ее играет Ирина Муравьева) кукуую-то

небольшую сумму на опохмелку. Уж не знаю, что случилось с этим ученым и «бывшем интеллигентным человеком», мы сделали все, что могли. Нянчиться с ним у нас тоже ни у кого желания не было. А где-то ископаемый мамонт? Так и ждет до сих пор своего исследователя?

Новый с иголочки ленинградский аэропорт Пулково 1 встретил нас теплой погодой с температурой воздуха градусов 10–12 и слабым ленинградским дождиком. Все казалось немного странным и нереальным: и просторный зал получения багажа, и зеленые огоньки такси, и милые лица девушек, их покрашенные губы и глаза, и мужчины не в телогрейках и резиновых сапогах, а в элегантных плащах и ботинках-лодочках. Лужи на черном асфальте отражали свет уже зажегшихся уличных фонарей. Казавшийся теплым после Диксона влажный ветер с залива ерошил наши отросшие за три месяца волосы. Все, первое путешествие на край света закончилось! Да здравствуют цивилизация и родной город, я — дома!

Люди, море, судьбы

Карточный домик

Итак, свершилось, в начале марта 1977 года, будучи, по сути, еще молодым специалистом, я начал свою службу в Географическом производстве. Буду в дальнейшем называть свое новое место работы сокращенно — ГП. Находилось оно в историческом центре города около площади, где когда-то давно продавали фураж для лошадей, а теперь располагался продуктовый рынок, появилась станция метро и огромное число разных магазинов.

ГП имело в прошлом полувоенный характер, хотя об этом в конце 70-х напоминало лишь обилие в штате военных отставников, да крашенные масляной краской стены длинных коридоров. Сотрудники относились к своей организации с тем особым чувством, с которым коммунисты брежневских времен относились к партии: они ее и любили, и побаивались за строгость и дисциплину в то же время. Как правило, люди работали в ГП десятки лет, да ещё и своих родственников приводили, хотя какими-то особыми привилегиями и заработками эта организация не отличалась. Просто когда-то после войны там подобралась хорошая команда, и так, сохраняя благоприятный рабочий климат, она и держалась благодаря преданности и любви сотрудников к своей профессии. А занимался этот весьма сплоченный коллектив единомышленников весьма ответственным и нужным стране делом, а именно — созданием морских навигационных карт. Без этих бумажных «морских дорог» суда не могли бы ходить по Северному морскому пути и доставлять все необходимое для жизни в отдаленные поселки, на гидрометеорологические станции, рудники и в военные гарнизоны в Арктике. Жизнь сотен тысяч людей за Полярным кругом зависела от судов, привозивших с материка продукты питания, горючее, технику, приборы и оборудование — словом, практически все необходимое для существования человека в этой холодной враждебной среде. А суда и ледоколы прокладывают свои пути по навигационным картам, и у полярных капитанов должна быть уверенность, что они не очутятся на мели, что доставят груз людям в полной сохранности. Тем более, что морское дно не представляет собой неподвижную поверхность. В силу ряда природных причин, рельеф дна может меняться. Особенно это заметно в дельтах больших сибирских рек. Кроме того, тоннаж судов, бороздящих арктические воды, постоянно растет. То же самое касается и ледоколов: их осадка тоже увеличивается. Это означает, что надо постоянно искать новые маршруты с большими глубинами и более глубокие и безопасные подходы к берегу для новых судов. Я уж не говорю о военных задачах, значимость которых для арктических морей трудно переоценить, а также о добыче полезных ископаемых на шельфе.

Каждый сотрудник ГП занимался своим делом: более молодые и зимой, и летом ездили в Арктику на полевые работы, более опытные и пожилые, уже отъездившие свое, работали в камералке: обрабатывали полученные материалы, готовили их для составления новых карт и коррекции старых. Было много и других работ, но все они в основном были связаны с Арктикой и обеспечением безопасности мореплавания по Северному морскому пути. Летом часть работников, прикрепленных к морским экспедициям, уезжала на всю навигацию в Арктику и в морском «карточном доме» становилось малоллюдно; осенью люди возвращались домой и рабочие комнаты ГП заполнялись так, что порой и нового сотрудника посадить было некуда.

Ближе к концу зимы полевые (мужчины, конечно) начинали готовиться к зимним работам на льду: паковать коробки и ящики с необходимым оборудованием и материалами. Как только за Полярным кругом начинало проглядывать солнце, «зимние группы» уезжали, как говорилось — «на лед». И если летом измерения глубин проводились с помощью специальных электронных излучателей — эхолотов, то зимой все было гораздо трудней и примитивней: трактор (или гусеничный вездеход) в прибрежной зоне тянул за собой бурильную установку, которая «высверливала» небольшое отверстие во льду, а техник опускал в него лот (тонкий металлический кабель с грузом на конце) до дна, и таким образом измерялась глубина места *insitu*. Толщина льда могла достигать и пары метров, а температура воздуха — минус тридцати градусов. Снег слепил глаза, и рабочим приходилось в солнечные дни носить черные очки, иначе можно было ослепнуть или заработать глазную болезнь. Жила такая зимняя экспедиция (человек 30—40) в балках —

утепленных вагончиках на полозьях, топили печки углем или соляром, спали на двухъярусных койках. То есть обстановка и работы, и отдыха была довольно спартанская. Но в ГП были и любители зимнего промера. Их прельщал относительный покой (никакой качки, ночных вахт, как на судне на морских промерах), хорошее полноценное питание, размеренный образ жизни (четыре часа промера на улице, затем обед и отдых, а вечером четыре часа работы в специальном вагончике-камералке). Зато отпуск и отгулы у «ледовиков» приходились на летнюю пору; деньги они получали неплохие, опять же питание и зимняя спецодежда бесплатно. Так что персонал состоял в основном из людей, много лет занимавшихся этой работой, и текучки практически не было.

Необходимость такого рода зимних работ была связана с тем, что проводились они недалеко от берега, там, куда судно из-за малых глубин не могло подойти в период навигации, да и катерный промер по ряду причин был затруднен.

К морскому промеру сотрудники начинали готовиться ближе к весне, в то же время и ходили и в отпуска. В конце весны и в начале лета подготовительные работы уже кипели вовсю, а к концу июня все морские экспедиции отбывали кто в Архангельск, кто в Хатангу, Тикси или на Чукотку. Возвращались они уже в октябре, и на пару-тройку недель, пока писались отчеты и сдавались полевые материалы, жизнь в Управлении кипела, потом часть экспедиционников и командированных уходила в отгулы и в здании восстанавливались относительная тишина, покой и порядок.

Так волны зимней и летней экспедиционной горячки, как прилив и отлив на море, сменяли друг друга, принося то хаос, то относительное затишье в старое здание.

О морской составляющей жизни ГП я расскажу в отдельной главе, а сейчас мне хочется остановиться на буднях, проводимых работниками в камералке и в различных отделах организации, поскольку это представляет несомненный интерес в смысле знакомства с особенностями внутренней жизни предприятий такого типа в годы «развитого социализма».

Нельзя сказать, что рабочий день сотрудников Управления проходил в неге и бездельи. Наоборот, каждый должен был находиться на своем рабочем месте и мог покинуть его только по делу, для похода в туалет или на перекур. Причем в порядке вещей было замечание начальника типа: «Что-то вы долго курите, а работа стоит». Во многих группах/отделах, почти во всех, был производственный план работы сотрудников, составляемый ближайшим руководством. И план этот надо было выполнять, иначе могли лишиться премиальных, которые составляли примерно должностной оклад раз в три месяца. В какие-то годы была еще тринадцатая зарплата! И к государственным праздникам обычно давали особо отличившимся сотрудникам индивидуальные поощрения в виде денежных премий, почетных знаков отличия и грамот.

Рабочий день в ГП начинался в 8 ч. 30 мин. Хотя кто-нибудь да опаздывал каждый день. Многие добирались на работу издалека, с пересадками на автобусах и метро, затрачивая около часа на дорогу. Некоторые начальники отделов сами контролировали опоздавших, но таких «рьяных» было немного. Зато уж добравшись до своего рабочего места, можно было и чайку попить, и макияж поправить, и обменяться мнением с коллегами за соседним столом о новой серии вчерашнего телесериала. Некоторые сотрудники из «старой когорты» перед началом трудового дня одевали черные сатиновые нарукавники и домашние тапочки на войлочной подошве. Смотрелось это очень мило. Зимой было принято не оставлять меховые шапки в гардеробе, их брали с собой в группу. Объяснялось сие действие весьма просто: зимние головные уборы, что подороже, в неохраняемом гардеробе могли элементарно украсть. Даже мелочь из карманов пальто сотрудников нет-нет да и пропадала. Так что предосторожность эта не было лишней.

В те годы одевать джинсы или джинсовые платья на работу считались дурным тоном. Носить надо было мужчинам костюмы со светлой рубашкой и галстуком или форму командного состава судов ММФ; женщины имели более свободный стиль одежды, но тоже в определенных пределах. Причем никаких официальных регламентов не было, но какие-то неписанные правила внутреннего дресс-кода соблюдались.

Наверное, как предмет «рабочего быта», надо вспомнить и немногочисленные телефоны с городскими номерами, стоявшие в некоторых отделах и (иногда, как исключение) в коридорах на этажах. В отделах, как правило, аппараты помещались на столах начальников, так что конфиденциальности в разговорах сотрудников быть не могло: шеф поневоле все слышал и знал. Во всяком случае догадывался. А для телефона на этаже устраивали дежурство: одна группа — одна

неделя. Сотрудники дежурной группы целую неделю подходили по звонку к аппарату снять трубку и позвать коллег в соседних комнатах. И он (телефон) не замолкал целый рабочий день, так как приходилось на него человек так 30–40, а неотложные дела были у всех.

Сама по себе работа, во всяком случае во многих отделах, была порой весьма скрупулезной и утомительной, так что народ кто как пытался разнообразить свой рабочий день и вообще монотонность трудовых будней.

Самым распространенным способом как-то заставить рабочий день стать немного короче были перекуры. Курили служащие (и мужчины, и женщины) на всех площадках лестничных клеток. Там обычно стояли пара старых стульев или табуреток и большая пепельница для окурков, заполнявшаяся до краев к концу рабочего дня. Почти всегда в этих импровизированных курилках можно было увидеть двух-трех человек, живо обсуждающих вчерашний футбольный или хоккейный матч, а также новости «из-за бугра» — так в народе называли новостные передачи зарубежных «вражеских» радиостанций «Голос Америки», немецкой «Свободы» или английской «BBC». Женщины больше говорили о фигурном катании, о каком-нибудь чемпионате по художественной гимнастике или «мыли кости» начальству или коллегам. В камералке, где работало особенно много сотрудников (15–20), на перекуры (полуофициально) отпускалось 10–15 минут каждый час. Заодно открывали все окна и проветривали весьма скромные для такого количества сотрудников помещения.

На первом этаже около небольшого гардероба стоял бесплатный промышленный автомат с газированной водой. Такие, как правило, устанавливали на фабриках, в горячих цехах. Многие наши мужчины перед работой не брезговали выпить стаканчик-другой холодной газировки для «улучшения самочувствия после вчерашнего».

Даже существовал анекдот на эту тему: «Выписка из производственной характеристики рабочего цеха №3 Иванова В. А.: «В пьянстве замечен не был, но по утрам пил много холодной воды».

Обед в ГП длился всего полчаса, но при должной расторопности некоторые сотрудники успевали многое. Мужчины умудрялись сбежать кто в рюмочную к Технологическому институту, чтобы принять там 100 г «на грудь» и успеть, дымя сигаретой и почти на бегу, к концу обеда на рабочее место, кто в великолепную (когда голоден) котлетную на углу «три ступеньки» от Ленинградского мясокомбината, отстоять там очередь на 15 минут, потом за пять минут съесть две котлеты с поднимающей на ноги покойника самодельной горчицей «вырви глаз» и двумя кусочками черного хлеба, выпить стакан жидкого бочкового чая или (если повезет) бутылочку «жигулевского» и, удовлетворенно попыхивая сигаретой, вернуться в родное учреждение, а кто покупал свежайшую ватрушку в близлежащей булочной и съедал ее на работе, запивая крепким чаем и играя при этом блиц в шахматы с коллегой. Женщины успевали обежать если не все, то половину близлежащих продуктовых магазинов и запастись продуктами дня на два — на три, зайти померить пару понравившихся туфель в обувном и заскочить на рынок. Потом наши дамы прибегали, высунув язык, обратно на работу, быстро рассовывали добытое в очередях добро на полки единственного на этаже холодильника и, отдыхая от трудов своих, наконец-то садились на свое рабочее место обедать, под чем понимался стакан чая и бутерброд с «опустившим уши» тонким кусочком сыра, принесенным из дома. Кстати сказать, полчасовой перерыв был установлен администрацией по просьбе собрания трудового коллектива, так как все сотрудники хотели пораньше уйти с работы и поэтому не растягивали время своего обеда.

В учреждении была и столовая, вернее небольшой обеденный зал на втором этаже, куда из расположенной неподалеку общепитовской столовой шофер директора привозил повариху-бандершу и пяток кастрюль с двумя – тремя десятками порций салата или винегрета, первого блюда (какой-нибудь жидкий супчик) и второго (котлеты, биточки, рыба типа минтай). Кроме того, частенько «столовская тетенька» приносила на продажу дефициты: индийский или польский растворимый кофе в банках, индийский чай «со слоном», пачки вологодского масла, молочные сосиски, печенку, куру, сардельки и т.д., что продавалось после окончания обеденного перерыва. Минут за десять, а то и пятнадцать до обеда в столовую начинала выстраиваться очередь из голодных сотрудников. Но первым повариха обслуживала, естественно, помогавшего ей с

кастрюлями шофера, затем начальство, если оно появлялось: самого директора, главного инженера, кого-то из отдела кадров или бухгалтерии, а затем уж доходила очередь до рядовых служащих. Частенько через десять — пятнадцать минут ничего уже не оставалось за прилавком, и запоздавшим к началу праздника живота гражданам приходилось уходить «несолоно хлебавши». Но и в этом случае оставалась надежда на трехчасовой чай.

Чай в три часа дня в большинстве групп был доведен до статуса узаконенного ритуала; занимался им один человек — дежурный. Он устанавливался на неделю по списку, висевшему на видном месте в группе или отделе. Дежурный мыл заварной чайник (а то и два, в зависимости от количества сотрудников в группе), обязательно ополаскивал его кипятком и заваривал обычный чай. Желательно хороших марок: «Индийский» (с картинкой со слоном — он считался самым вкусным) или «Грузинский №36» — тоже весьма неплохой. Так называемого «зеленого» и всяких цветочных тогда и в помине не было. Также он кипятил большой чайник со свежей водой и отвечал за наличие кускового сахара, сушек или сухариков и прочих важных мелочей, без которых и чай не чай. Все необходимое дежурный закупал на общественные деньги, собираемые персонально по списку со всех сотрудников группы. Обычно укладывались в 2–3 рубля в месяц, а то и в полтора. Бывало, что «на шару» на чай в группу забегало и «среднее» начальство (отдела). Приходилось и его угощать как гостя. Трехчасовое чаепитие продолжалось около четверти часа, и считалось плохим тоном говорить во время этого священнодействия о текущей работе. Обычно обсуждались городские новости или какие-то телевизионные передачи, а также спортивные баталии. После чая курящая часть сотрудников дружно направлялась на лестничную площадку, на ходу еще в коридоре прикуривая сигареты и папиросы. Как приятна первая табачная затяжка после чашки горячего и крепкого «индийского» чая, знает только курящий человек!

Кстати сказать, в те достопамятные времена подавляющая часть молодых семейных мужчин типа меня, ходило на работу с рублем в кармане. Это были деньги на проезд (метро + автобус, 10–20 коп.), обед (до 50 коп.) и сигареты/папиросы (22–35 коп.). Да, да, молодые люди, с высшим образованием, ходившие в экспедиции и зарабатывавшие в среднем (я так думаю) где-то в полтора раза больше инженера, жившего постоянно в Ленинграде, или научного работника в НИИ, существовали вне дома на один рубль в день. Это было нормой, поскольку все жили небогато, и почти каждая молодая семья постоянно откладывала на что-нибудь: мебельный гарнитур, холодильник, телевизор, магнитофон, поездку летом на юг всей семьей или дачу на лето. Я уж не говорю о кооперативной квартире или автомобиле. Это была роскошь для молодых семей непозволительная.

Но вернемся к нашим «рабочим отдохновениям». Наверное, нужно вспомнить лотереи «Спортлото» и тотализатор с мизерными ставками на хоккейные турниры.

Лотереи вдохновляли отдельных азартных граждан, причем самых упертых. В азартные игры в виде лотереи государство играло с советскими гражданами целые десятилетия, хотя формально осуждало этот «буржуазный пережиток» в западных странах. Это были и лотереи с так называемыми денежно-вещевыми выигрышами (деньги, ковры, пылесосы, мотоциклы и даже автомобили) за 30 коп. билетик. Была еще лотерея ДОСААФ (пояснение для молодежи: ДОСААФ — «Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту»). Билетик той стоил дороже — 50 коп. Уж не знаю, какая разница была между ними, но принцип был один: покупаешь билет (их, кстати, частенько давали на сдачу в магазинах) и ждешь розыгрыша, потом в газетах печатали выигрышные номера и серии билетов. То есть сам покупатель повлиять каким-то образом на исход розыгрыша номеров билетов никак не мог.

Другое дело лотерея «Спортлото», в ней якобы все было по-другому: покупатель билета сам выбирал выигрышные номера, и одна половина денег, полученных от продажи билетов, шла на развитие спорта, а другая — на призы. Появлялся некоторый азарт, подкрепленный иллюзией «дежавю»: участник мог отгадать все пять чисел из предлагаемых 36 или все шесть из 49. Игроки составляли специальные выигрышные схемы выбора номеров, придумывали свои методы определения счастливых чисел. Билет стоил всего 30 коп., так что особого риска не было, если, конечно, не тратить на билеты всю зарплату.

В отделе, где я работал в самом начале своей карьеры в ГП, было много молодых инженеров. Они и стали «заводилами» коллективной игры в «Спортлото». Считалось, что при покупке нескольких билетов и выборе определенной комбинации чисел (или несколько), твой шанс на

счастливым результатом в разы увеличивается. Поэтому некоторые сотрудники объединялись, покупали несколько билетов вскладчину и отмечали казавшиеся им счастливыми номера. Выигрыш, если он был, делили пропорционально вкладу каждого игрока. Честно говоря, о выигрыше наших «лотерейщиков» суммы, превышающей 15 рублей, я не слышал. Зато сколько было обсуждений, предложений новых (верных!) комбинаций номеров, азарта!

Еще сотрудники того же отдела (мужчины) увлекались негласным тотализатором, который они сами организовывали на крупные соревнования по хоккею. На большом листе бумаги составлялась сетка встреч и регулярно отмечались все достижения команд, в том числе количество забитых и пропущенных шайб. Разыгрывали три первых места, кто угадает более правильный вариант и победителей, и результатов (забитых шайб), и лучших игроков. Ставки тоже были весьма скромными — по рублю. Так что никаких разорений, даже особо азартным участникам, этот «буржуазный пережиток» не приносил.

Руководство ГП, пользуясь какими-то одним им известными связями, иногда приглашало известных артистов, популярных исполнителей песен, спортивных комментаторов. Одним из последних был Виктор Набутов — человек-легенда, основатель династии спортивных комментаторов. Кроме таланта ёмко и объективно освещать спортивные соревнования, Виктор Набутов имел и другие, например, он и сам в молодости был хорошим спортсменом-футболистом и даже принимал участие в известных «блокадных» матчах в Ленинграде. Кроме того, у него был своеобразный интересный голос, и он великолепно исполнял песни в жанре городского фольклора, за что однажды чуть не был осужден, но артистизм, обаяние и популярность помогли ему избежать наказания. Умер он глупой смертью в 1973 году, поперхнувшись куском шашлыка. Так вот, выступал он перед публикой ГП с рассказами о различных интересных происшествиях с известными спортсменами, о значимых соревнованиях, коих он немало видел на своем веку. Потом эту традицию замечательного рассказчика и популяризатора спорта продолжил в своих выступлениях Геннадий Орлов, тоже известный ленинградский спортивный комментатор.

Обычно приглашенные спортсмены, комментаторы, артисты выступали перед публикой в зале в течение часа, может быть чуть больше. Потом официальная часть заканчивалась, большая часть работников, поаплодировав гостю, расходилась по домам, а «избранные» (3–5 близких к руководству сотрудников) звали «приглашенных» в какой-нибудь отдел, где уже был накрыт стол. Гостю выдавалось скромное вознаграждение рублей так в 25, выставлялась выпивка и закуска, и тут уж начинался непринужденный разговор по душам, где можно было услышать много чего интересного из жизни тогдашней артистической и спортивной элиты. Увы, я лично не был вхож в круг этой «начальствующей мафии», поэтому участие в этих, наверняка интереснейших посиделках с известными тогда на весь Союз людьми не принимал, к сожалению.

Одно весьма положительное дело можно ещё записать на счет молодежи нашей богатой на таланты организации - местный любительский театр. Молодые люди разыгрывали небольшие интермедии на тему известных спектаклей и сказок, проводили шутовские дефиле моделей, которых играли местные красавицы, и пр. Причем весь реквизит и костюмы мастерили сами артисты. Сценарий и оформление придумывались с помощью художественных руководителей коллектива.

Праздники, отдых, хобби

Традиция вместе на работе встречать основные советские праздники: Новый год, 23 Февраля (День Советской Армии — мужской праздник, даже если ты и не служил), 8 Марта — женский праздник, 9 Мая — День Победы в ВОВ, 7 Ноября — День Октябрьской революции) - поддерживалась и руководством, и самими сотрудниками ГП. Обычно накануне праздника дирекция собирала сотрудников на торжественное собрание; на сцене в актовом зале устраивали президиум, состоявший в основном из руководства и/или секретарей партийной и комсомольской организаций, председателя профкома. Директор или его заместитель «толкали речь», конечно, о достижениях ГП, выполнении плана и дальнейших трудовых обязательствах. Отмечали особо отличившихся коллег (иногда, наверное, просто по алфавитному списку), юбиляров премиями и почетными грамотами, то есть вызывали по фамилии на сцену и вручали награды. По окончании торжественной части мог быть концерт с участием приглашенных артистов или просто танцы: в зале сдвигались все стулья к стенкам и образовывалась танцевальная площадка. В отделах кипела подготовка к празднику: из дома приносили по договоренности всякие соленья и маринованные

овощи с дач, грибы, даже вареную картошку, сардельки; сбрасывались на выпивку (водку и вино) и торт к чаю. Все это выставлялось на сдвинутые столы, доставались имевшиеся в каждом отделе и группе ложки, вилки, стаканы и рюмки. И веселье начиналось! Иногда энтузиасты делали специальный выпуск настенной газеты с фото, шаржами и шутливыми стихами про коллег. Обычно за столом проводили полтора-два часа.

Да, иногда начальство в лице зама директора или какого другого руководителя обходило отделы и группы и лично поздравляло подчиненных. Порой, даже и рюмочку пригубить могло. Ну а рядовые сотрудники, если не хватало спиртного, доставали принесенные из дома домашние винные заготовки (настойки) или разводили казенный 96% этиловый спирт, применявшийся по техническим нормам в различных целях, для протирки электронного оборудования, например. Причем считалось, что для «правильного разбавления» в спирт надо добавлять воду, а не наоборот.

Затем часть публики, уже прилично подшофе, начинала собираться домой, а более молодая и энергичная часть устремлялась в актовЫй зал на танцы. Хотя подобные посиделки и заканчивались порой приводами в милицию или драками (уже за пределами предприятия), положительного в таких встречах было больше. Совместное «преломление хлеба» как-то сплачивало людей, объединяло, позволяло сгладить иногда возникавшие трения по работе, и в конечном итоге содействовало поддержанию товарищеских отношений между сотрудниками. А ведь в то время порой, кроме коллег, некому было и помочь семье с переездом на другую квартиру, косметическим ремонтом в квартире да дать в долг «десятку» до зарплаты, в конце концов, что было делом совершенно обыкновенным. Уж не знаю, как так получалось, но в те далекие «брежневские» времена иногда коллеги становились ближе родственников, с ними делились бедами и проблемами, занимали «десятку» до полочки, приглашали помочь с переездом, ездили вместе по профсоюзным путевкам в отпуск.

Хорошей молодежной традицией (можно сказать, комсомольского актива ГП) была и организация поздравлений, и доставка новогодних подарков детям своими родными Дедом Морозом и Снегурочкой. Обычно родители приносили подарки детям на работу, кто-то из автолюбителей вызывался помочь, и выбранные сотрудники ГП в костюмах Деда Мороза и Снегурочки в ближайшие к празднику день-два-три развозили подарки по всему городу. По опыту своей семьи могу сказать, что на детей эти «всамделишные» сказочные персонажи производили незабываемое впечатление. Нет, они, конечно, видели их на детских «ёлках», но так — дома и близко — никогда. Доставить радость ребенку, бывало, случалось не так просто и сотрудникам в костюмах: иногда морозы и масса снега, завалившего улицы города в канун праздника, создавали чуть ли непреодолимые препятствия. И тогда выручали молодые силы, настойчивость и желание сотворить маленькое, но чудо. Так моя дочь, а ей уже далеко за сорок, до сих пор помнит, как к ней, четырехлетней, чуть ли не в одиннадцать часов ночи приехал с подарком в лютый мороз холод Дед Мороз (Сергей Тегалев) и Снегурочка (Ирина Шубина — техник ИВЦ). Также добрые новогодние дела этих наших коллег наверняка помнят и другие тогдашние малыши.

Нельзя не вспомнить добром и экспериментально-исследовательскую станцию ГП. Находилась она за Зеленогорском на Черной речке и была предназначена для проведения натуральных экспериментов с оборудованием и приборами, а также для их отладки. Все это выполнялось по мере надобности, но территория была большая и служила еще и местом отдыха сотрудников ГП, за что, безусловно, надо благодарить тогдашнее руководство. На базе располагались старые щитовые дачные домики, а также относительно новые строения и модульные помещения для приема отдыхающих. Был оборудован пляж на озере, пирс, организована подвозка до станции железной дороги по выходным и поездка раз в неделю в Зеленогорск в магазины. Особенным благоволением и заботой об отдыхающих, вообще радением за вверенное ему хозяйство отличался начальник базы Смирнов. Летом профсоюз распределял жилые места согласно заявкам сотрудников и с учетом их материального положения. Стоили такие профсоюзные путевки весьма дешево и очень выручали сотрудников с небольшим доходом. Конечно, место это было не Сочи и не Ялта, но свежий воздух, лес, озеро, минимальный комфорт, а главное, дешевизна и доступность окупали все негативные с точки зрения быта и ленинградского климата стороны такого отдыха.

Кроме путевок на длительный период (один или два месяца), существовали и «путевки выходного дня»: сотрудники приезжали на субботу и воскресенье, останавливались (как теперь говорят) в альберге, купались на озере, жарили шашлыки, ходили в лес за грибами и ягодами.

Стоили такие путевки сушие копейки, а удовольствия людьми от возможности хоть ненадолго отвлечься от городской суеты доставляли много.

Зимой же, в период новогодних каникул, база принимала детский лагерь из 15–20 школьников разных возрастов. Конечно, это были дети сотрудников ГП. Были с ними и вожатые, и истопники, и повара — все коллеги из Ленинграда. В основном, дети проводили время на улице: катались на лыжах, играли в снежки; вспоминают они и старый пустующий дом номер 15 («Пятнарик»), стоявший несколько на отшибе, как ходили туда и придумывали про него всякие ужастики и небылицы. Не забыты и детские тетради с песнями и гаданиями, и веселые встречи Нового года. Вожатые в свою очередь не жалели сил и придумывали для школьников все новые занятия и забавы.

Питание в лагере, может быть, и не отличалось разнообразием, но по советским меркам было вполне приличным. Во всяком случае особых нареканий не вызывало, хотя у кого-то из школяров и были нелюбимые блюда, типа «ёжиков». Но, к нашему счастью, память лучше хранит приятные воспоминания, и наши дети, давно ставшие взрослыми, до сих пор с чувством благодарности вспоминают зимние каникулы на базе ГП.

В самом конце 70-х молодых специалистов ГП захлестнула волна увлечения автомобилизмом: люди стали ходить на курсы автолюбителей, сдавать экзамены на право вождения машины. Стоили эти курсы в то время относительно недорого: рублей 15-20 плюс какие-то небольшие деньги за бензин для практических уроков вождения (надо было на машине автошколы наездить часов десять с инструктором). Самое смешное, что у подавляющего большинства желающих получить водительские удостоверения и автомобиля-то не было, а только надежды его купить или (да, да!) выиграть в лотерею. С чем были связаны эти мечты — ума не приложу. Какая-то мода, охватившая молодую часть работников. Может быть, это было вызвано тем, что в Тольятти наконец-то наладили выпуск весьма современных европейских автомобилей «Жигули», и они сразу стали мечтой огромного числа советских граждан. Другой фактор — это некоторое повышение жизненного уровня людей. На руках стало больше денег, и появилась возможность что-то откладывать. Кстати сказать, автомобили в рассрочку тогда не продавались; только за полную стоимость.

Так вот, наши сотрудники стали ходить на курсы по вечерам; разговоры частенько крутились вокруг одной темы — управление автомобилем, правила движения, экзамены и билеты с вопросами (и ответами). Это, последнее, «доставалось» через «знакомых знакомых». Причем вопросы в билетах нет-нет да менялись, так что стопроцентной уверенности в их идентичности экзаменационным не было. Я сам сдал теоретическую часть экзаменов только после того, как «достал» и выучил наизусть ответы на все билеты. До этого два раза проваливался. Надо сказать, что вопросы в билетах были частенько построены так, что только путали экзаменуемого. Думаю, что это делалось специально, чтобы сложнее было сдать экзамен. Не секрет, что в те времена экзаменаторы наживались на курсантах, тем или иным способом принуждая их платить за успешную сдачу экзаменов. Теперь, конечно, это неблагоприятное явление изжито целиком и полностью, и в этом нет ну никаких сомнений!

Авто стремились покупать какие придется, за неимением желанных «Жигулей», на которые в ГП была очередь на несколько лет. К сожалению, в год их приходило 2–3 и «распределялись» они в основном при участии местного комитета профсоюзов, «победителям соцсоревнований», «отличникам труда», но, скорее всего, в той или иной степени «приближенным к начальству». А посему пострадавшие по «железной лошадке» сотрудники покупали и «Запорожцы», и «Москвичи» разных моделей. Эти марки автомобилей не котировались из-за своих весьма непопулярных потребительских качеств: они были ненадежны, часто ломались, запчасти можно было достать только на черном рынке с переплатой, да и сами машины были уже морально устаревшими. Так, основой поколения автомобилей ЗАЗ являлся сначала итальянский *FIAT 600* (разработки 50-х гг.), а затем американский *Chevrolet Corvair* и другие (европейские) модели. По сути, это был первый доступный автомобиль в СССР, который стоил 1800 рублей, дешевле любой другой модели. С «Запорожца» начались первые массовые автопутешествия. Можно вспомнить фильм «Три плюс два», где две девушки едут на нем в Крым. Как «хрущевки» в свое время должны были быстро решить вопрос с жильем для советского гражданина, так и «Запорожцы» должны были

быстро насытить автомобильный рынок. По ряду причин (или «хотели как лучше, а получилось как всегда») этого не произошло.

Автомобиль серии «Москвич» имел своего «предка» — немецкий *Opel Kadett K38* — машину разработки конца 30-х гг. И, хотя потом он многократно переделывался и улучшался, «конфетки» из него все равно не получилось.

Один из наших инженеров купил новый «ушастый» «Запорожец» и даже(!) умудрился съездить на нем куда-то на Черное море и вернуться.

У нескольких работников появился «Москвич», а кто-то умудрился «отхватить» и совсем дефицитную «Волгу». В частности, на приемке новой серии судов для организации (начало 70-х гг.), будучи на одной из верфей Финляндии, один из наших сотрудников приобрел старенькую «волжанку» с пробегом в 18 тыс. км. Несмотря на солидный возраст, мотор у автомобиля был в великолепном состоянии. Оказалось, «Волга-пикап» все эти годы «работала» в оранжерее: развозила ящики с рассадой по грядкам, поэтому и была как новенькая.

Несколько особняком от производственных и экспедиционных отделов, а также камералки стоял информационно-вычислительный центр ГП (ИВЦ). Возглавлял его Владимир Залманович Миролюбов — «локомотив» и душа этого сосредоточия передовых технологий обработки данных полевых наблюдений и самой современной компьютерной техники. На моих глазах три раза полностью менялся парк электронно-вычислительного оборудования и, соответственно, все программное обеспечение этого весьма самобытного отдела. Начинал центр с маломощной ЭВМ «Раздан», потом перешел на машины класса БЭСМ и систему индивидуальных рабочих мест — ближайших «предков» современных персональных компьютеров. Успешно внедрялись измерительные и графические комплексы западного производства. Сотрудники центра осваивали новую технику и адаптировали ее под наши стандарты измерений и обработки материалов. Причем дело доходило и до электронных комплектующих и новых приборов: все это (и замену запасных частей, и новые разработки) осуществляли талантливые инженеры-электронщики центра, сэкономившие государству десятки тысяч долларов и получившие за свой труд копейные премии да «листочки» со свидетельством об очередном рационализаторском предложении. Миролюбов имел завидную способность спланировать коллектив своими идеями, задором, находить и поддерживать молодых талантливых инженеров, создавать в центре особую созидательную атмосферу.

Иногда в центре случались и смешные происшествия. Как-то налаживать западный автоматический графопостроитель для планшетов приехали два специалиста то ли из Дании, то ли из Нидерландов. Всех наших поражало трудолюбие этих двух молодых мужчин: жили они чуть ли не в Европейской гостинице (весьма престижном месте, по нашим тогдашним представлениям), но все дни до глубокой ночи проводили в здании ГП, устанавливая и отлаживая оборудование. В результате закончили они свою работу значительно раньше срока, и по нашей традиции руководство центра устроило им «отвальную». Надо сказать, что денег на подобные мероприятия бухгалтерия ГП не выделяла, поэтому сам Миролюбов изыскал из своих средств 12 рублей на организацию импровизированного стола. Так как сумма эта и по советским меркам для подобного мероприятия была мизерной, гостям пришлось довольствоваться водкой да бутербродами с килькой и яйцом, но зато от всего сердца. Когда вся припасенная водка уже была выпита и по стаканам стали разливать разведенный казенный спирт, кто-то из сотрудников центра, расслабившись, поинтересовался у гостей, почему они так спешили закончить свою работу. «Да потому, что пребывание в вашем городе для нас равносильно ссылке в Сибирь: у вас же ни казино, ни публичных домов нету, погода отвратная (а дело было в ноябре), и пойти вечером абсолютно некуда», — ответствовали избалованные буржуазным образом жизни представители Запада. Надо сказать, что в тот вечер после некоторого употребления разведенного спирта наши приглашенные на отвальную сотрудники, по их же воспоминаниям, стали лучше понимать гостей, да и сами начали свободно изъясняться на английском. Так и укатили западные техники восвояси, оставив сотрудников центра в некотором изумлении своим ответом. Наши-то считали Ленинград, а не Москву «лучшим городом Земли», как пел Муслим Магомаев. А тут такой удар и негатив от супостатов.

Миролюбов представлял собой тот редкий тип человека и руководителя, который своим примером, деловыми и человеческими качествами заслужил любовь и уважительное отношение всех своих подчиненных. Даже спустя много лет его бывшие коллеги вспоминают Владимира

Залмановича теплым словом. Не в обиду будет сказано бывшим начальникам центра, пришедшим после Миролюбова, такой харизмы и уважения подчиненных и руководства, как Владимир Залманович, никто из них не имел. Правда, надо сказать, что период его плодотворной деятельности пришелся на пик роста всего ГП, его «расцвета», можно сказать: прибывала новая техника и оборудование, в Финляндии строились исследовательские суда, деньги на развитие организации текли рекой. Даже съемки вычислительного центра сотрудниками Первого канала государственного телевидения, организованные Миролюбовым, не казались чем-то экстраординарным.

После его довольно неожиданной смерти в результате тяжелой болезни и случившегося несколько позже ухода с «капитанского мостика» организации В. Пересыпкина, ГП начало рассыпаться как карточный домик, в силу и человеческого фактора, и весьма негативных веяний новых «перестроечных» времен.

Опять на край света. Чукотка

Пришло время рассказать о второй, может быть не такой заметной дома в Ленинграде, части жизни ГП — о морских экспедициях. В ней участвовала в той или иной мере чуть ли не вся молодежь организации и значительная часть «отцов – командиров». Экспедиционные группы из 20–30, а то и 40 человек вылетали в начале лета в районы работ и проводили там за Полярным кругом практически весь навигационный период до первого снега, то есть с июня по октябрь. В основном морские полевые работы проводились на экспедиционных судах и ледоколах, принадлежащих нашей организации и базировавшихся в наиболее значимых портах Северного морского пути.

Мне повезло — я попал в самую удаленную, но и самую интересную, с моей точки зрения, экспедицию, базировавшуюся на Чукотке в поселке Провидения. Суда нашей экспедиции летом работали в Беринговом, Чукотском и Восточно-Сибирском морях, а зимой уходили во фрахт проводить исследования в центральной и южной частях Тихого океана. Заказчиками являлись дальневосточные геологоразведочные организации.

К той самой первой моей экспедиции на Чукотку мы начали готовиться за несколько недель еще в мае. Это только кажется, что можно составить список необходимого в поле один раз и затем каждый год им пользоваться. На самом деле что-то всегда меняется, дополняется, и список корректируется. Так что процесс подготовки материалов и оборудования — дело весьма ответственное. Все нужное (канцелярию, карты, расходные материалы, приборы, руководящие документы) мы упаковывали в картонные коробки и ящики, обвязывали бечевкой, взвешивали. На какое-то время некоторые комнаты здания превращались в настоящие склады, заваленные тубусами с картами, картонными ящиками и пр. Ведь мы везли с собой даже первые портативные отечественные вычислительные машинки «Искра» размером с футляр для приличной механической печатной машинки.

Обычно наша экспедиционная группа вылетала аэрофлотовским рейсом в Магадан или Петропавловск-Камчатский. Там шедший с юга пароход нашей организации «подхватывал» нас и доставлял в пос. Провидения, где находилась подчинявшаяся ГП гидробаза, склады и другие суда.

Перелет из Ленинграда в Магадан с двумя или тремя посадками на дозаправку самолета занимал по времени больше десяти часов, до Петропавловска — на час или два больше. Так что само по себе такое долгое воздушное путешествие являлось большим испытанием, но молодость все скрашивала, и подобные испытания нас тогда не смущали.

Магадан как город мне ничем не запомнился, да, честно говоря, меня в то время мало интересовали места, связанные с его печальной историей как центра пересылки заключенных. Да и все эти мемориалы и музеи, посвященные мрачным страницам жизни города, появились только после перестройки в 90-х годах.

Как-то в один из приездов в столицу Колымского края мне пришлось посетить местное Управление гидрометслужбы, чтобы договориться о предоставлении нашей экспедиции некоторых данных, получаемых с полярных станций. Находилось управление в здании сталинской эпохи застройки города. Но не суть. Отдел, с начальницей которого мне нужно было переговорить, располагался в довольно просторном зале, все пространство которого было заставлено столами. Их занимали сотрудники отдела, в основном — женщины. Станный однообразный звук сливающихся «щелк-щелк, щелк-щелк» привлек мое внимание. Присмотревшись, я понял, что это женщины, склонившись над бумагами, одной рукой быстро передвигают круглые костяшки деревянных счет.

В те времена еще можно было встретить эти нехитрые счетные инструменты, но в основном в сельских магазинах, на складах, в бухгалтериях каких-то маленьких организаций в российской глубинке. Но чтобы в Управлении гидрометслужбы Колымского края сотрудники обрабатывали материалы наблюдений с помощью такой примитивной «техники», это было выше моего понимания. Ведь в нашей ленинградской организации все подобные отделы были обеспечены по крайней мере простыми настольными электронными счетными машинками «Электроника МК». Многого эти «электронные монстры» сделать не могли, но операции с четырьмя действиями с точностью чуть ли не до четвертого знака после запятой — пожалуйста. А тут — деревянные счеты, известные на Руси с XVII в., просто удивительно!

В другой раз мы добирались на Чукотку через Петропавловск-Камчатский. В Петропавловск — самолетом, а оттуда уже на нашем экспедиционном судне до бухты Провидения. В столице Камчатки мне представился случай навестить моих коллег — морских биологов, с которыми мы пару лет назад все лето ползали по заливам полуострова в поисках мифической «жупановской» сельди. Благо свободное время было, я направил стопы в Институт рыбного хозяйства. Своих бывших коллег я нашел довольно быстро, правда часть из них отсутствовала: полевые работы уже во всю шли на полуострове. К моему удивлению, камчадалы меня встретили так, как будто мы расстались несколько дней назад. А уж когда я достал принесенную бутылку водки, а один из сотрудников привычным жестом открыл шкаф и извлек несколько граненых стаканов и нехитрую закуску: пару соленых огурцов, кусок копченой нерки и четвертинку хлебного «кирпичика» — беседа пошла совсем непринужденно. Надо отметить, что в таких удаленных уголках нашей огромной страны чувствуется несколько иная, отличная от нашей ментальность местных жителей. Их мало интересовали события, происходившие на «Большой земле» в европейской части страны. Видимо, они (эти события) совершенно не влияли на жизнь аборигенов. Разговоры крутились вокруг сугубо местных происшествий: проиграли в футбол в товарищеском матче с коллегами из института вулканологии, пришла очередная книжка по подписке «Мир приключений», недавно на работника института, находившегося в экспедиции, напал медведь.

Спустя лет десять после этого визита на Камчатку мне снова довелось побывать проездом в Петропавловске. Город мало чем изменился за эти годы, разве что показался еще более запущенным и необихоженным. Зато со мной за эти годы произошло достаточно много коллизий: я несколько лет прожил на Кубе, освоил испанский язык, а потом здесь, дома, перешел на работу в другой отдел — ИВЦ. И вот пришла мне в Петропавловске мысль послать телеграмму на Кубу моему приятелю-кубинцу и поздравить его с днем рождения. Что ни говори, а получить телеграмму из такой отдаленной точки земного шара, почти с Аляски, случай для жителя Острова Свободы исключительный. Окрыленный этой идеей, я отправился на городской Главпочтамт, находившийся в центре города в большом грязно-сером здании сталинской постройки. Полчаса у меня ушло на составление текста и адрес, и вот я уже протягиваю телеграфный бланк в окошечко «Прием телеграмм». Пышнотелая местная почтовая служащая с лицом, похожим на блин, и глазками-щелочками, посмотрев на текст, властно приказала:

— Перепишите, я ничего не понимаю!

— Так вам и не надо понимать, текст написан по-испански, — пытаюсь возражать.

— Буквы латинского алфавита, как и полагается в международных телеграммах. Что еще надо? — продолжаю.

— Нет, я должна понимать, что за текст принимаю. Пишите по-русски латинскими буквами.

У меня чуть ли не кровь закипела. Ну не глупо ли посылать в испаноязычную страну телеграмму с русским текстом, составленным из латинских букв? Мне вдруг стало стыдно за нас, за наши советские порядки, за нескончаемую подозрительность, за унижения, и я не стал составлять такую тарбарщину. Что там на Кубе подумают обо мне? Что я не могу двух слов поздравления написать на испанском? Зная по опыту, что спорить у нас с представителями нацменьшинств бесполезно, особенно если они «начальство», что имело место в данном случае, я отступил. В конце концов, не сама же эта телеграфистка придумала эти нелепые правила. Здесь явно чувствовалась «твердая рука» приснопамятного ведомства Лаврентия Павловича: «Лучше пере..., чем недо...». А вдруг этот текст содержит шпионское донесение? «Не пущать!»

А служащая, видимо, почувствовав мое бешенство и бессилие, с усмешкой вернула мне бланк телеграммы. Ее самолюбие «маленького человека во власти» было удовлетворено — унизила этого выскочку: «По-испански он пишет... Фи...».

Поселок Провидения (важный перевалочный центр на Чукотке): несколько кучек хаотичных построек, состоящих из двухэтажных деревянных бараков, блочных «хрущевок», каких-то складских помещений, пакгаузов и торчащих черных труб котельных. Одна асфальтовая дорога, переходящая в грунтовую и тянущаяся через весь поселок дальше вокруг бухты к поселку Урелики и аэродрому. Черная от угольной пыли и сажи земля, разбитые пространства между домами, мутные стекла окон и висящие на них «хвосты» копченой рыбы на веревках дополняют царящую здесь атмосферу вечного неуютта. Портовые сооружения: причалы, краны, емкости с горючим, трубы — довершают в общем-то унылый вид этого форпоста советского типа цивилизации на самом восточном полуострове страны.

Поселок окружают высокие сопки с неким подобием травяной растительности летом. Никаких деревьев, даже карликовых, здесь и в помине нет — голая тундра. Обширную чашу бухты украшают стоящие на рейде суда и даже иногда подводные лодки. Зимой, когда все завалено снегом и бухта покрывается льдом, белый покров отчасти скрывает неприглядность поселка. Это по словам местных жителей, сам-то я зимой в тех местах никогда не был.

В конце 70-х гг. в поселке жило чуть больше 5 тыс. человек. Были какие-то небольшие производства, почта, сберкасса, два магазина, баня; основная часть населения была связана с портом как с перевалочным пунктом грузов для северных поселков.

База, принадлежащая нашему ГП, занималась устройством и сохранением всевозможных сооружений, обеспечивающих безопасность мореплавания: бакенов, знаков, оборудования для маяков. Также к базе относились и экспедиционные суда, использовавшиеся для морских исследовательских работ. Это были гидрографические и геологические работы, геофизические исследования, проводившиеся всю навигацию.

Весь год сотрудники базы, как, впрочем, и весь поселок, жили ожиданием прихода лета, навигации. Зимой было темно и скучно, да еще и из-за ветра и холода носа на улицу было иногда не высунуть. А в конце мая-июне в бухте и в порту начинали появляться первые суда, а на берегу — новые люди. Для местных жителей это был большой праздник — увидеть новые незнакомые лица. Своих-то местные почти всех знали в лицо, и каждый свежий человек был в диковинку. Нашу группу уже поджидали работники базы и «разбирали» в гости по ранжиру: начальство приглашало начальство, а рядовые сотрудники — своих коллег рангом пониже, тем более что многие были знакомы еще по учебе в училище Макарова в Ленинграде. Так что весь подготовительный к навигации период, а он длился как минимум неделю — дней десять, по вечерам мы ходили в гости или сами принимали гостей на судне.

Надо сказать, что период навигации был еще связан со временем отпусков: каждые два года полярникам и членам их семей оплачивали билеты на самолет до места отдыха (туда и обратно), а поскольку полеты были весьма дорогим удовольствием, люди летали «на материк» раз в два года бесплатно. Вот эти-то «отпускники» жадно и выпытывали у нас, что сейчас носят в европейской части России, что читают, кто из артистов и певцов «в моде» и прочее. Естественно, все это они уже знали более-менее и до нас, но «стать причастным» здесь и сейчас к столь желанному миру заслуженного отдыха было непреодолимым желанием. Что ни говори, а подавляющее большинство людей на севере работало в тяжелых условиях исключительно ради денег, заработать которые честным путем на «материке» в те советские времена не представлялось возможным. Были, конечно, и настоящие полярники — работники гидростанций, моряки, рыбаки и охотники, геологи, золотодобытчики, которые любили Север, его бескрайние просторы и суровую красоту. Но таких романтиков было подавляющее меньшинство. И когда случилась перестройка в начале 90-х, многие честные труженики-полярники оказались в том же поселке Провидения совершенно в пиковой ситуации: их многолетние накопления, отложенные с таким трудом и терпением для приобретения жилья на «материке», в считанные дни превратились в фантики. Доходило до того, что им не хватало денег, чтобы вывезти на материк контейнер с мебелью и домашней утварью. Ну да это все случилось гораздо позже, можно сказать «в другом времени», а пока к нам на суда приходили гости (и парами, и поодиночке) понежиться в судовой финской сауне, где наряду с сухим

паром можно было насладиться и купанием в ванне с заборной (морской) водой, что давало ощущение лёгкости и бодрости.

Семьи сотрудников нашей базы, как и все население поселка, жило весьма по-разному: кто в пятиэтажных «хрущевках», кто в бараках. Как-то я был в гостях у одного недавнего выпускника мореходного училища в Ленинграде. Приехал он на Чукотку с молодой женой и маленькой дочкой всего несколько месяцев назад, и поселили их, пока не освободится более приличное жильё, в деревянный барак. Двери частных комнат (а их было не меньше десятка) выходили в огромный коридор, заканчивавшийся общей кухней. У них была одна или две комнаты в этой «вороньей слободке». На кухне стояла пара газовых печей, да на стене висел умывальник с подведенной холодной водой. На кран была намотана марля, позволявшая хоть немного фильтровать желтую воду, текшую из крана. Уж не знаю, какую воду пили жители этого барака, так как в то время в магазинах питьевую воду в пластмассовых ёмкостях еще не продавали, тем более на Чукотке. Так они и жили, но жаловались в основном не на условия быта, а на скуку. Все их мысли были направлены в то время на выбор будущего жилья и очередь на покупку кооперативной квартиры в Ленинграде, благо деньги здесь на севере стали появляться. К сожалению, мечте этой молодой семьи так и не суждено было сбыться: через несколько лет жена, узнав об измене своего супруга, покончила с собой. Не знаю статистики, но думаю, что эта удаленность, невозможность отвлечься, побыть с близкими людьми, в какой-то степени «скученность» большой деревни, иногда толкали людей на такие трагические поступки. А мужчины часто просто элементарно спивались. Ведь, насколько я помню, ни спортивного комплекса, ни бассейна, ни даже церкви в то время в поселке не было.

Подготовка к рейсу всегда была довольно напряженной: надо было собрать и проверить все необходимое оборудование, включая береговые группы. А это значит, что нужно подготовить и палатки, и кухню, и продукты, и топливо, и одежду на два-три месяца автономной работы на берегу.

Тем не менее, несмотря на плотный рабочий график, иногда удавалось сделать и что-то незаурядное. Например, в какой-то выходной день почти весь научный состав экспедиции во главе с начальником О.Ф. М-вым совершил восхождение на одну из близлежащих сопок. Погода нам благоприятствовала: был теплый солнечный день, что вообще-то большая редкость на Чукотке, где хмурое небо и морозящий дождик служат чуть ли не постоянным атрибутом местного ландшафта. Не знаю, что уж нас так сподвигло на это восхождение, но мы — человек 10–12 — упорно лезли вверх по крошащейся и сыпавшейся из-под ног земле, покрытой редкими травинками и лилипутскими цветами тундры. Поднимались мы, наверное, больше часа. Устали до чертиков, и кое-кто уже был совсем не рад, что ввязался в это мероприятие: снизу сопки не кажутся такими уж высокими. Но подъем стоил того: на вершине открылся совершенно замечательный и необычный вид на чашу бухты, гребни окаймляющих ее сопки и тянущиеся за ними голубые небесные просторы с низкими облаками. Домики поселка казались спичечными коробками, неровно поставленными детской рукой, а гигантские цистерны с горючим — наперстками из корзинки с бабушкиным рукодельем. Маленький жук-грузовичок медленно полз по дороге, огибающей бухту, волоча за собой шлейф пыли; портовые краны, словно собранные из детского конструктора, тянули тоненькие руки-стрелы к небу, а стоявшие у причалов суда казались щепками, брошенными к своим ногам сопками-великанами. В какой-то момент пассажирский самолет, снижавшийся с нашей стороны в направлении аэропорта в поселке Урелики, оказался ниже нас и превратился в блестящую алюминией детскую игрушку на фоне темных вод бухты.

Любуясь всей этой окружавшей нас лепотой, мы расстелили на земле взятую с собой пару клеенок, расставили бутылки с вином и водкой, какую-то немудреную закуску, и веселье началось.

Пробыли мы на вершине сопки не так и долго — часа полтора-два, затем с некоторым трудом спустились по крутому и осыпающемуся под ногами склону и вернулись на судно отдохнуть от трудов своих. Запомнился нам всем этот подъем надолго, но больше повторить его мы не пытались — одного раза хватило с лихвой.

Некоторым образом сумбурная береговая жизнь с гостями, возлияниями, шатаниям по чужим квартирам и подготовкой к рейсу заканчивалась почти сразу же по выходе судна в море. Еще день-два слышались из кают отзвуки «праздника жизни», потом спиртное у всех заканчивалось и начиналась обычная экспедиционная жизнь с ежедневными вахтами четыре через восемь, без выходных и праздников. Климат и летом северян не радует, так что солнце мы практически и не

видели. Обычная погода: градусов 10–12 температура воздуха, ветер до 5 м/с, серое небо, затянутое тучами и волнение 2–3 балла. Работали мы в основном в Чукотском и Восточно-Сибирском морях; в Беринговом достаточно редко. Когда судно прихватывал шторм, уходили в битый лед (он гасит волнение) или прятались за какой-нибудь мыс, так как при сильном волнении промер проводить нельзя по техническим условиям, а это занятие (измерение глубин эхолотом) и было основным нашим делом. Но до начала проведения промера в море надо было выставить три координирующие станции; принимая их сигналы, приемник на судне мог указывать его местоположение с высокой точностью. Береговые радионавигационные станции были импортными; наших советских, работавших с такой же точностью, тогда не было в распоряжении, во всяком случае, гражданских служб. Каждую станцию обслуживало как минимум четыре человека: трое радистов и один механик, занимавшийся дизельной электростанцией. Операции по высадке этих станций и после окончания работ их эвакуации, были, пожалуй, самым сложным делом в экспедиционных логистических работах. Мало того, что их приборы и оборудование вместе с разобранным антенным хозяйством составляли целую кучу разнокалиберных ящиков и тюков, порой очень тяжелых, станцию надо было оборудовать примитивными жилыми и хозяйственными постройками, снабдить их питанием как минимум на месяц и топливом для печек (уголь) и дизельным топливом в железных бочках для электростанции. Никаких причалов, кранов и тракторов не существовало. Все операции производились вручную с помощью судовой баржи: это плоскодонное плавсредство, загруженное «в навал» грузами и сверху людьми, подходило к берегу, тыкалось тупым носом в линию уреза воды, открывалась аппарель, и члены экспедиции по колено (а то и по пояс почти) в прибойной полосе хватили ящики, тюки и коробки и тащили их на берег подальше от захлестывавшей волны. В результате вода таки заливала поднятые голенища резиновых сапог, и ноги (и ватные штаны) постоянно были мокрыми, а значит — холодными. Как-то раз меня назначили ответственным за проведение одной такой выгрузки и я, вымокнув по пояс в прибойной волне, не мог покинуть участок выгрузки и оставался на берегу пару часов в мокрой амуниции. В результате я переохладился и через несколько дней, уже в Ленинграде, серьезно разболелся, сначала подхватив грипп, а затем редкое его осложнение — воспаление лицевого нерва, попал в ведомственную больницу и пробыл там чуть ли не месяц.

Вообще операции по высадке на берег для различных экспедиционных нужд были довольно частым делом. И не всегда они проходили удачно. Один раз я во время такой высадки оказался на волосок от смерти. А дело было так: на один из береговых участков в Беринговом море нам надо было высадить водомерный пост, и я вместе с несколькими членами научной группы (в частности, тремя курсантами ЛВИМУ и начальником партии — Николаем Федоровичем Третьяковым) и парой человек из судовой команды отправился на рекогносцировку. Возглавлял нашу маленькую группу второй помощник капитана — молодой неопытный парень, лишь недавно переведенный из третьих помощников. Путь наш к берегу лежал через небольшую отмель, отмеченную на карте как сомнительная. Первое, что сделал этот горе-моряк, как только попал на борт рабочего катера, это положил блок малогабаритной рации на банку. Рабочий катер — это большая шлюпка, то есть это открытое плавсредство, и тут же случилось весьма предсказуемое происшествие: ближайшая высокая волна залила пеной рацию, и мы остались без связи с судном. Плюс, как будто этого было мало, по мере приближения к берегу устойчивая дымка стала переходить в туман, пока судно совсем не пропало из нашего поля зрения. И тут показались буруны. Наш малоопытный «капитан» нет чтобы их обойти, а направил нашу посудину прямо на них. Уж не знаю, что он думал в эти секунды. Наверное, что проскочим. Тем не менее, мы «не проскочили»: катер встал килем на дно и стал заваливаться на борт, одновременно разворачиваясь лагом к волне. Наш начальник партии мгновенно приказал курсантам разобрать лежавшие на дне шлюпки весла и, упершись в дно, не давать лодке развернуться. Поздно! Борт шлюпки навалился на весла, и они одно за другим сломались, как спички. От разворота лагом к волне и переворачивания шлюпки нас удерживал лишь все еще работавший крупновский двигатель катера.

— Курсанты — в воду, одерживай шлюпку! — услышал я крик нашего начальника партии.

К счастью, молодые курсанты не спорили, а как мячики тут же попрыгали за борт в ледяную воду и стали руками удерживать нос шлюпки от разворота. Переждав очередную большую волну, механик начал обрабатывать двигателем, и шлюпка стала отдаляться от опасного места. Мы затащили за шиворот мокрых по грудь курсантов на борт и только тогда осмотрелись: наш «горе-

капитан» (второй помощник), заваривший всю эту кашу, сидел на банке ни жив ни мертв, шлюпка была до половины наполнена водой, а механик закрывал какое-то отверстие почти утопленного двигателя сорванной с головы зимней шапкой с кожаным верхом. Весел теперь не было, и, остановись двигатель, мы опять бы очутились во власти волн, а значит, до переворота шлюпки на смертельной отмели, что отделяла лагуну от открытого моря, оставались бы минуты. До берега было еще метров 200–300, расстояние, которое вплавь мы бы ни за что не преодолели. Мокрые курсанты как-то вымученно улыбались, кто-то матерно выругался: видно, стресс давал себя знать. Помощник капитана опомнился и направил катер обратно в сторону нашего судна, а механик, уже не стесняясь, матерился вполголоса и просил двигатель не останавливаться. Вскоре, на наше счастье, послышались низкие гудки парохода — звуковые сигналы, выполняемые по регламенту во время тумана. Ориентируясь по ним, нашли наш «плавающий дом» и под недоуменными взглядами коллег, поднялись на борт. Через несколько минут, сняв с себя мокрую одежду и переодевшись в сухое, я вышел на палубу. В сушилке столкнулся с начальником партии.

— Знаешь, я никогда не чувствовал себя так близко от смерти, — сказал он как будто нехотя и сам себе не веря.

— Ведь еще чуть-чуть и ... — он махнул рукой и вышел на палубу.

На следующий день туман исчез, славный мотор Круппа перебрали, шлюпку высушили и оборудовали новыми веслами, и мы таки высадились на берег, только теперь нашим «капитаном» на рабочем катере был опытный и осторожный старпом.

Второму помощнику явно не везло с высадками: прошло-то всего меньше месяца, как он опять отличился — «потерял» рабочий катер. В очередной операции на берегу он сам послал весь вспомогательный экипаж катера (матроса и моториста) на помощь береговой партии: нужна была рабочая сила для установки антенны или чего-то в этом роде — а сам остался караулить плавсредство, которое стояло, уткнувшись носом в берег. Вскоре горе-моряку надоело сидеть сторожем одному, и он отправился «прогуляться по берегу» (как потом он объяснил). Шел прилив, катер благополучно снялся и под действием ветра и течения стал самостоятельно отдаляться от берега. Хорошо, что помощник вовремя заметил «преступные действия» своего плавсредства, скинул с себя одежду и бросился в воду на его перехват. Не знаю, как он пережил шок от холодной воды (моржом-то он никогда не был), видимо, действовал стресс, но плыл он очень быстро. Минут через семь – десять он догнал катер, умудрился влезть в него, завести двигатель и довести его до берега. Кстати говоря, на катере, как всегда, оставалась судовая рация, так что в случае «убытия» катера в открытое море, нам об этом печальном происшествии и доложить на судно не удалось бы.

Потеря катера (государственное имущество!) грозило второму помощнику реальным тюремным сроком. Именно поэтому он ни минуты не медлил и бросился в холодную воду спасать доверенное ему плавсредство. И опять все сошло бравому моряку с рук. Злые языки поговаривали, что все его огрехи прикрывал наш капитан. А такое покровительство он заслужил благодаря тому, что сам выручил капитана, попавшего в весьма пикантную историю в порту Сингапура.

А дело было так: наше судно, находясь в зимнем фрахте у сторонней организации, пересекало акваторию сингапурского порта, следуя к указанному портовыми властями причалу. Да это и неважно, главное, что оно двигалось, а на вахте стоял этот самый наш моряк-«авария», тогда еще бывший третьим помощником капитана. Дело было в последних числах апреля, близился праздник 1 Мая и День Победы, и капитан судна («наш» капитан — весьма пожилой для моря человека, чуть ли не пенсионер) поднялся на мостик и стал выяснять у третьего помощника, как обстоят дела с праздничной стенгазетой, за выпуск которой тот отвечал. Узнав, что газета еще не готова, капитан послал вахтенного штурмана доделывать этот будущий перл общественной жизни команды, сам стал на вахту, а рулевого матроса послал вскипятить чайник. Утро было ясное, видимость хорошая, и ничто не предвещало никаких неприятностей. Как часто бывает, успокоенность и тут принесла свои отравленные плоды: вдруг откуда ни возьмись появился огромный, как дом, контейнеровоз. Он шел быстро и, похоже, не видел наше небольшое суденышко. А тут еще на мостик поднялся помполит и отвлек капитана досужими разговорами. Короче говоря, наше судно вдруг ощутило толчок, а громада железного борта контейнеровоза высотой с десятиэтажный дом нависла над нашим баком: мы «таранили» эту махину! В результате на борту контейнеровоза образовалась небольшая вмятина выше ватерлинии, а нос нашего славного судна стал курносым и похожим на картофелину. Контейнеровоз, похоже, ничего не заметил и

проследовал дальше к своему причалу, а на нашем судне начались разборки что да как. Вот тогда-то наш теперешний второй помощник и проявил свою преданность капитану: взял всю ответственность за столь вопиющее происшествие на себя. Думаю, что не без подсказки самого капитана: «Мол, не оставляю тебя, все образуется». Слава Богу, что обошлось без жертв, да и у судна нашего пострадал только внешний вид: пришлось ему еще пару месяцев ходить по Тихому океану «курносим» на потеху всем встречным судам. А команда контейнеровоза вообще ничего не заметила. По просьбе нашего капитана старпом пошел на борт «потерпевшего» с ящиком виски, и только от него капитан контейнеровоза узнал о случившемся. Говорят, свесился через борт, пытаюсь разглядеть вмятину, но так ничего и не увидел. «Надо же!» — сказал. И все. И пошли они со старпомом праздновать удачное завершение этого курьезного столкновения. С тех пор «наш» капитан и прикрывал молодого помощника, помог ему через какое-то время снять выговор за аварию, получить повышение по службе. А нос судну на верфи исправили так хорошо, что «картошка» исчезла.

Вахта в гидрографической рубке была делом хлопотливым и ответственным: надо было следить за координирующим оборудованием, эхолотом, вести прокладку курса, отмечать отличительные глубины на эхограммах. В распоряжении инженера на вахте был еще техник, следивший за эхолотом. Как правило, это был курсант из ЛВИМУ им. Макарова, но иногда и девушки с ленинградского предприятия. Их брали на Север не только для ознакомления с процессом получения полевого материала, но и просто подработать — где еще в Ленинграде тебе будут платить двойной оклад на всем готовом, да начислять отгулы за переработку? Бытовые условия на судах в 70-е были хорошими: суда финской постройки отличались комфортом и удобными каютами. Так что девушки и молодые женщины шли в рейсы с большой охотой, и их не смущали негативные стороны экспедиционной жизни, к которым нужно отнести и однообразное питание, и отсутствие свежих овощей и фруктов, и серая скучная погода день за днем, и качка, и отсутствие развлечений. Кино да баня — вот и все доступные удовольствия на пароходе в открытом море. Была еще небольшая судовая библиотека, но хорошим набором литературы она не отличалась: в основном старые журналы, книги русских классиков да советская скукота типа Фадеева и Тренева. Спортом на мокрой качающейся палубе не очень-то позанимаешься, кино — это два десятка бобин с 38-мм пленками старых советских фильмов, которые за три экспедиционных месяца пересматривали по несколько раз. Ведь в те далекие 70-е годы ни персональных компьютеров с играми, ни видеомagneтофонов еще не было и в помине. Так что особым веселым времяпрепровождением экспедиции не отличались. Ну оставались романы, куда уж без них. Завязывались любовные истории на судах и между членами команды, и в научной группе. В основном, конечно, это были увлечения, порой и сильные, но вызваны они были, скорее, скукой, отсутствием свежих впечатлений, судовым бытом, чем «высокими отношениями». Законы «если любишь — не можешь больше ни с кем, если не любишь — можешь с первым понравившимся» и «нет некрасивых женщин — есть мало водки» действовали в полной мере и там, в высоких широтах. Как правило, такие «служебные связи» заканчивались в одночасье, как только судно приходило в порт, но иногда приводили и к семейным трагедиям и разводам. Всякое бывало.

Любили на экспедиционных судах устраивать и всякие чемпионаты: по шашкам, шиш-бешу, домино. Карточные игры руководством запрещались, но, если любители тихонько расписывали пулю в каюте, никому никакого дела не было. Еще любили играть в волейбол на шлюпочной палубе. Там как раз имелась небольшая площадка для игры трое на трое. Мяч крепили леской к какой-нибудь снасти как можно выше, чтобы он не улетел за борт. Палуба во время качки «убегала» из-под ног, но никого это не смущало — ни игроков, ни зрителей.

Раз в неделю-дней десять старпом приглашал свободных от вахт и работ членов команды и научной группы на лепку пельменей. Кок заготавливал тесто и фарш и выставлял их в кают-компанию; приходили немногочисленные желающие поучаствовать в этом священнодействии, включали какую-нибудь веселую музыку, и лепка начиналось: кто-то скалкой раскатывал тесто, кто-то стаканом нарезал его на кружки, кто-то накладывал ложкой начинку и сворачивал пельмень. Противни с готовыми пельменями выставляли на холод. Работа под музыку и шутки-прибаутки спорилась. Так за пару часов несколько человек заготавливали несколько сотен пельменей из расчета 12–15 штук на человека. В экипаже было меньше 30 человек, так что всего 400–500 штук, не так уж и много.

Еще одним видом помощи научной группе экипажу была переборка картофеля. За месяцы пребывания в холодном трюме картофель не мог не портиться, так что время от времени надо было перебирать его вручную: выкидывать вконец испортившиеся клубни и отбирать хорошие. Проходила эта операция в судовом трюме, участники садились в кружок, ставили ящик с картофелем и ручками в нитяных перчатках начинали отделять хорошее от испортившегося. Пахло гнилью, и холод начинал пробираться до костей уже через полчаса.

Жизнь на берегу в «сухопутных» отрядах, к коим относились работники радионавигационных систем и водомерных постов, имела свои особенности. Я уже писал о них в главе о своей первой большой практике в Карских Воротах. Сейчас немного дополню эту интересную и многогранную тему. Если на пароходе и судовой, и научный состав безусловно подчинялся капитану (и начальнику экспедиции в каких-то вопросах), то есть принцип единоначалия сомнению никем не подвергался, то в автономных береговых группах такого порядка не было. Формально начальник, конечно, был, но прав и обязанностей капитана судна он официально не имел, поэтому и порядка на суше было меньше, а соблазнов — больше. Особенно это касалось работников временных водомерных постов — группы, как правило, состоявшей из двух курсантов ЛВИМУ или студентов 3–4 курсов и одного инженера (или техника) — представителя ленинградского учреждения. Работа заключалась в визуальном снятии показаний водомерной рейки, установленной неподалеку от берега за линией прибора. Днем шкалу рейки, как правило, было хорошо видно. Если нет — использовали бинокль. Ночью приходилось включать мощный ручной электрический фонарь. Все кажется просто, когда рассказываешь об этом дома в тепле уютной квартиры. На самом деле Север и простые вещи делает сложными. Так, водомерная рейка по каким-то непознаваемым законам природы чаще всего располагалась в некотором отдалении от палатки наблюдателей. Метрах так в 200–300, а то и дальше. По дороге к ней на дежурного наблюдателя набрасывались здоровенные чайки, охранявшие свои гнезда. Весь пляж был усеян ими (гнездами), и птицы насмерть отстаивали свое право на покой своих птенцов: пикировали на головы бедным наблюдателям, нарочно задевая их крыльями. А ночью опасность представляли медведи. Их же не просто заметить в темное время суток. Фонарик высвечивал только пятнышко земли под ногами, а все вокруг скрывала темнота. Вот так и бегали каждый час на рейку наблюдатели. Вахты были, как и на судне: четыре часа работы, а затем восемь часов отдыха. И вот в свободное время и студенты, и курсанты как только не чудили: то в тундру уходили за грибами-ягодами, а затем терялись, и приходилось их искать, то рыбу пытались ловить, благо что она шла на нерест чуть ли не все лето. Но ловля эта без разрешительных документов считалась браконьерством, так что тоже приходилось как-то сдерживать «добытчиков». Иногда красную рыбу и икру удавалось достать через артель рыбаков-колхозников, которые весь летний период только и занимались ее заготовкой. Причем такие артели, состоявшие из нескольких человек, жили довольно далеко от поселков и занимались только рыбалкой. Условия жизни у них были чисто спартанские: спали в балке на двухъярусных лежанках, ели раз в день что придется, неделями не мылись, только и занимались, что ловлей и обработкой рыбы. Зато сразу было видно, что ими руководила страсть добытчика: часами они возились с сетями в холодной воде протоки, шкерили рыбу, доставали икру, потом рыбу и икру солили в бочках, коптили тушки в стационарной коптильне. Зимой, как правило, эти же артельщики занимались ловлей песцов. Их охотничий дух было ничем не унять. И не всегда это был местный народ. Некоторые приезжали даже из Москвы и Ленинграда на летний или зимний сезоны и работали в этих колхозных артелях от зари до зари. Деньги они, видимо, получали немалые, но все же не в этом было дело. Может быть, лучше сказать, не только в этом. Как-то я разговорился с одним из таких «добытчиков». Мужчина лет под пятьдесят, несемейный, да еще и инвалид: на одной из рук у него не хватало двух или трех пальцев. Жил он где-то в ближнем пригороде Ленинграда и говорил, что жизнь в городе для него не жизнь: «Здесь, на Чукотке, только и отвожу душу: царская рыбалка, охота, грибы, ягоды... Нет этой городской толкотни, суеты. Здесь свобода, чистый воздух, воля! Не надо по часам на работу, начальство над душой не стоит». Но, как всегда, была и у этой рыбацкой вольницы своя «ахиллесова пята» — водка. Рыбу они еще за деньги продавали морякам, геологам, да мало ли народу кочует по тундре летом. А вот икру они не продавали, а меняли, и только на водку. За поллитровую бутылку «горькой» давали литровую банку икры. Как повезет. Но иногда случалось и совсем по-другому: царское угощение нам доставалось почти даром.

Как-то наш пароход зашел на полярную станцию, находившуюся на побережье Анадырского залива: нам нужно было договориться с полярниками о гидрометеорологических данных. Северное лето было в разгаре, работники станции разъехались в отпуска, и на полярке находились только двое парней-наблюдателей, замещающих всех своих коллег. Зная обычные просьбы полярников, мы отвезли им в виде презента немного свежих овощей и фруктов из судовых запасов да несколько краюх свежего хлеба последней выпечки. В ответ они нам показали, где в ближней протоке у них стояла сетка для ловли идущей на нерест рыбы: мол, «трясите сеть, что найдете — все ваше». И вот мы, человек пять или шесть, начали проверять каждые пятнадцать минут установленную поперек мелкой протоки сеть. Каждый раз при ее проверке в ведро летело несколько рыбешек, брюхо которых было полно икры. Самцов мы не брали, а у самок вскрывали ножом животы и вываливали гонады с икрой в эмалированный тазик, который нам дали полярники. Тушки решили отнести на пароход на камбуз, а из свежей икры сделать «пятиминутку». Это такой способ засолки икры: кладешь соли по вкусу, мешаешь - и через пять минут блюдо готово. Довольно хлопотно было очищать икру от гонад — прозрачных мешочков из естественной пленки, а затем «обсушивать» икру с помощью марли. Мало того, что мокрые руки были в икре, крови и рыбьих отходах, так и полярный гнус (мелкая мошка) досаждала невероятно, и наши лица быстро покрылись следами укусов этих кровопийцев. Но вскоре наши муки были вознаграждены: половина тазика была заполнена икрой, готовой к употреблению. Мы резали белый круглый хлеб большими ломтями, намазывали их «с горкой», не жалея икры, и поглощали с большим удовольствием. Крепкий чай, заваренный полярниками, служил прекрасным дополнением к этому импровизированному пиршеству. Конечно, сливочное масло и сто граммов коньяка были бы чудесным подарком к этому «празднику живота», но и так было весьма неплохо. Надо сказать, что это был единственный раз в жизни, когда мне удалось поесть вволю и с удовольствием свежайшей красной икры, да еще в таких экзотических условиях.

По поводу самогонварения в экспедициях, наверное, можно написать целую книгу. Я не буду уделять много места этой необъятной теме, касающейся всех полярников, в том числе и зимующих на шестом континенте. Да, да, и в Арктике находились люди, охочие до самодельной «огненной воды». По какому-то неизвестному закону природы в почти в каждую экспедицию практически всегда затесывались два-три человека, которые дня не могли прожить без чего-то спиртного, будь то водка, самогон, технический спирт, одеколон или «незамерзайка». В частности, самогон «любители» гнали и на судах, и на береговых станциях. А если не самогон, что связано с некоторыми техническими трудностями, то просто «бражку», которую, как известно, можно гнать из любого компота или сока. А уж чего-чего, а этих ингредиентов спиртного варева в трехлитровых банках всегда было полно в кладовке артельщика. Дело облегчалось еще и тем, что платить за артелку можно было по окончании экспедиции. Так вот, некоторые несознательные товарищи (особенно из низших чинов команды) накупали всяких компотов в артелке и варили бражку, пряча эти банки с пахучей жидкостью полуфабриката куда-нибудь подальше от начальства (в трюм или машинное отделение, да куда придется, лишь бы не нашли). Хотя помогало это мало: стойкий запах прокисших дрожжей просачивался откуда угодно, и обнаружение тайника было лишь вопросом времени. А вот на твердой земле (на береговых станциях) любители «заложить за воротник» ставили «доходить» бражку в схрамах, расположенных аж за несколько километров от станции. Конечно, какое-то время «самогонщикам» удавалось скрывать свой «заводик», но в тундре посторонних запахов мало, и обоняние человека так обостряется, что специфическое амбре браги порой чувствуется на большом расстоянии, особенно с попутным ветром.

Прибрежные северные поселки все одинаковые: одна-две улицы неказистых домишек, в основном обшитых досками одноэтажных бараков; грязные стекла, на окнах висят связки копченой или вяленой рыбы, серые, в трещинах стены каменных зданий, редкие пятна асфальта, грязь и лужи на дорогах, угольная пыль, бездомные собаки.

Как-то вроде в посёлке Уэлен мы с кем-то из судовой команды шли по улице к берегу, где нас ждал судовой катер. Ходили «на экскурсию» в местный магазин, да и просто размять ноги на твердой земле. В окне без занавески в одном из бараков я увидел местного юношу-подростка. Его худые узкие плечи обтягивала старенькая белая майка, ключицы выпирали; он сидел за столом и, подперев щеку кулаком, смотрел в окно. На нас — проходящих мимо его дома чужаков — он не обратил никакого внимания. Его отрешенный взгляд был направлен куда-то далеко за горизонт. Такой же отвлеченный и пустой взгляд я увидел много лет спустя у коренного индейца в Южной

Америке. Так до сих пор и мучаюсь: неужели сходные причины вызвали этот странный и неестественный образ? В этом взгляде как будто сосредоточилось все убожество и несвобода существования на краю земли, вся многовековая усталость от гегемонии белого человека и навязанного им образа жизни и представлений христианской морали, столь чуждых аборигенам.

На острове Врангеля я высаживался пару-тройку раз, но кроме нескольких разбросанных там и сям домишек полярной станции и управления заповедника, ничего примечательного не увидел. А из животного мира интерес представляют завезенное сюда стадо овцебыков да лежбище моржей. Овцебыки где-то слоняются по тундре, и увидеть их не так-то просто, да и персонал заповедника следит за покоем этих интересных зверей. Остров известен также как «родом белых медведей», поскольку несколько сот медведей производят на острове потомство каждый год. Знаменит этот затерянный в океане кусочек суши и палеонтологическими находками: здесь были обнаружены останки мамонта возрастом до 3,5 тыс. лет, т.е. эти замечательные звери жили здесь еще во времена фараонов!

Поселок Ванкарем. Очередная прогулка до магазина, на полярную станцию и почту подходила к концу. Наша группа «туристов» с парохода стояла на берегу и ждала катер, который должен был забрать нас. Молодежь, как всегда, дурачилась, находя повод для смеха во всякой ерунде. Как-то незаметно к нам подошла местная жительница-чукчанка. Одета она была, как и большинство местных женщин любого возраста, в телогрейку и непонятного цвета юбку, из-под которой выглядывали застиранные треники и резиновые сапоги до колена. На ее голове был накинута красная полушерстяная платок. Обветренное лицо и красные от холода грубые руки довершали ее не слишком презентабельный вид. «Что-то ей надо?» — подумал я, поскольку она явно направлялась к нашей компании.

«Пожалуста, по-о-жалуста... — не очень правильно по-русски обратилась она к нашему судовому электрику, стоявшему ближе всех к ней:

— Можно просить? Можно?

Парень он был отзывчивый и добрый; улыбаясь, посмотрел на женщину:

— Да, конечно. Что вы хотите?

Чукчанка была явно подшофе и стеснялась. Она как-то неловко улыбнулась и протянула ему небольшой полиэтиленовый мешок:

— Это печенье, конфеты — гостинцы для моего мужа. Вы ведь с того белого парохода?

Она махнула рукой в сторону нашего судна, стоявшего на якоре в некотором отдалении от берега, и вопросительно посмотрела на нас.

— Да, мы оттуда, — ответил наш электрик, все еще не понимая просьбы. — А как его зовут, мужа-то? Он кто на судне?

— Да нет, — чукчанка потупилась. — Он не на судне. Несколько дней назад он утонул в море; он там... далеко. Вот я и хотела ему угощение передать. Вы, когда в море пойдете, бросьте печенье и конфеты в воду — привет от меня. Он будет доволен.

Только тут до меня дошел смысл ее просьбы. Мы слышали, что несколько дней назад здесь произошла трагедия: перевернулся баркас с людьми, все погибли. Больше десяти человек. А шли они в соседний колхоз на какой-то местный праздник. Выпили, естественно, и не заметили, как в баркас стала поступать вода. Когда обратили внимание, было уже поздно: волна перевернула суденышко, потерявшее остойчивость. Муж этой чукчанки, наверное, был на борту затонувшего баркаса. А тела его, как видно, не нашли. Вот она теперь и хочет передать гостинцы его духу. Я присмотрелся к ней и понял, что она еще довольно молодая женщина. Слезы текли по ее широкому и некрасивому лицу, но в этот момент внешний вид уже не имел значения. Компания наша смолкла, веселье куда-то делось, видно, до нашей толстокожей молодёжи все же дошёл весь трагизм происходящего.

Женщина отвела мокрые глаза от горизонта и снова посмотрела на нашего электрика:

— Так возьмешь подарок-то мой? Передашь? Он больно ждёт; может быть, тогда успокоится.

Через несколько часов мы вышли в море, и под свист ветра в снастях и шипение волн, заливавших палубу, дух погибшего мужа принял подарок молодой вдовы.

Все горячие источники на Чукотке находятся на её восточном побережье. Их около десятка, но лишь несколько оборудованы для купания. Самыми доступными были Лоринские

источники. Они расположены в небольшом распадке между сопок по дороге из села Лаврентия в село Лорино. Как-то мы на судне заходили в Лорино под конец навигации, и наш начальник экспедиции М-в договорился с местным руководством об экскурсии на источники. Нам дали пару вездеходов с водителями съездить и прочувствовать самим эту местную благодать. На ключах были оборудованы два места для купания: горячий и «холодный» бассейны. Возле горячего источника в небольшом котловане стоял деревянный сарай – раздевалка, из неё же был открыт выход по воде на воздух. «Холодный» источник, на самом деле, конечно же, теплый, просто на несколько градусов прохладнее первого. Находился он чуть в стороне, и возле него не было раздевалки.

По химическому составу лоринские источники азотные, кремнистые, среднеминерализованные, хлоридные, кальциево-натриевые, нейтральные, очень слабо радиоактивные (радон). Температура вод на выходе около 60°C, в купальне около 40°C. Вода при первом заходе всегда кажется очень горячей. В воду заходишь постепенно, ойкая и айкая. Когда обывкаешься, тело расслабляется и хочется улыбаться. Это общая реакция; погружаешься в детство. Можно было бы часами купаться в воде, но для организма купание в горячих источниках свыше 20 минут не очень-то полезно. Источники всё-таки радоновые. Хотя регулярное кратковременное их посещение носит не только увеселительный характер, но и вызывает терапевтический эффект. Медики утверждают, что местные воды эффективно позволяют лечить заболевания суставов. Это все сведения из интернета.

Мы, наверное, полчаса просидели в этом естественном бассейне, благо что никого из местных не было посреди рабочей недели, потом «на берегу» отпраздновали «омовение» некоторым количеством горячительного, взятого с собой. Там-то на ключах ничего тогда не было, кроме сарая-раздевалки. День был серым, туман, прохладно - в общем, к длительному отдыху не располагал. Несколько повысив спиртным градус настроения, отправились в обратный путь, распевая «а капелла» «Город над вольной Невой».

Еще до этой прогулки на теплые ключи, накануне, наша «туристическая» группа с парохода увидела в поселке недалеко от уреза воды бригаду местных зверобоев, разделявавших тушу небольшого (метров 5–6) кита. Маленькими топориками они отделяли подкожный желтого цвета жир от темной шкуры, нарезали его кусочками размером с половину кирпича и складывали тут же на волокуши. Губы и подбородки у разделщиков лоснились от жира, так как они нет-нет да и отрезали небольшой кусочек жира и с видимым удовольствием клали его в рот. Видимо, это было очень вкусно, и чукчи, простодушные сердца, увидя рядом наших любопытствующих товарищей, наперебой стали приглашать их попробовать это экзотическое блюдо, протягивая куски жира. Маслянистые капли стекали на землю; сапоги охотников, их телогрейки и пальцы блестели, а сами люди блаженно улыбались и что-то приговаривали, типа «Холосый, осень холосый...». Несмотря на открытый берег и ветерок, стоял сильный и неприятный запах воровани. Свора худых и драных собак дралась тут же рядом за каждый брошенный им кусок шкуры морского гиганта. Одно слово — северная экзотика.

Любят за полярным кругом и «стружку» из мороженой рыбы или мяса — строганину, но это «зимняя» еда, так что попробовать это блюдо, тоже столь любимое аборигенами, мне не удалось: я бывал в Арктике только в период навигации.

Как мы искали «Челюскин»

Если делать — так по-большому!
Виктор Черномырдин

Советское судно «Челюскин» затонуло в 1934 году в Чукотском море недалеко от поселка Ванкарем. Поход этого судна под командованием известного полярного капитана Владимира Воронина и научного руководителя рейса Отто Шмидта должен был превратиться в еще одно доказательство наступления нового этапа в деле освоения Северного морского пути: появлении возможности свободного прохода обычного грузопассажирского судна от Мурманска до Владивостока за одну навигацию. И ведь чуть-чуть не получилось, ровно настолько, насколько Шмидт отказался от помощи ледореза «Литке» в конце пути. В этот момент от свободной воды «Челюскин» отделяло несколько километров. Но у природы свои законы: судно начало сносить в

глубь ледяных полей все дальше от долгожданного Берингова пролива. Уже и «Литке» не мог помочь; оставалось готовиться к худшему. Через несколько дней судно было раздавлено льдами и затонуло; погиб один человек — завхоз экспедиции. Потом был организован воздушный мост, полярники и члены команды судна были вывезены самолетами на материк. Даже упряжку собак не забыли. И вся страна с воодушевлением следила за спасением «отважных челюскинцев». Хотя была вероятность и совсем другой участи экспедиции, а именно — признание действий руководителей кампании вредительскими. Случись этот поход на несколько лет позже, в эпоху «большого террора», неизвестно, как бы сложилась судьба «челюскинцев», в особенности руководства рейса. Но сейчас мы говорим о другом.

Прошло много лет, и, хотя последние координаты затонувшего легендарного судна были известны, никто не собирался искать его, а тем более поднимать. Это было и есть экономически нецелесообразно.

Летнюю навигацию 1979 года я, как и несколько предыдущих лет, встретил в море на борту судна ГП «Максимов». Хотя я и был гидрологом экспедиции и отвечал за океанографические наблюдения, приходилось стоять и гидрографическую вахту — так называемую «детскую» — с 8 до 12 и с 20 до 24 часов. Работа гидрографа на вахте при выполнении промера заключается в руководстве движением судна на галсе, а также слежении за работой эхолота и других приборов. Но в тот августовский день моя вахта была особой: с помощью эхолотов мы искали лежащий на дне «Челюскин». Дело в том, что уже несколько дней на борту нашего судна находилось две группы спортсменов-подводников и членов каких-то исторических клубов из Магадана и Мурманска. Обе группы аквалангистов были в каком-то смысле «противоборствующими» командами, и каждая страстно желала первой прикоснуться к корпусу «Челюскина» и потревожить его сорокапятилетний покой. Почему уж рука судьбы привела их одновременно к месту упокоения невезучего «Челюскина», ума не приложу.

Итак, поиски шли по плану: галс за галсом мы «утюжили» морские волны над предполагаемым местом гибели судна. И вот наконец к концу моей вахты на бумаге эхолота четко обозначился небольшой холмик на фоне ровного дна. Мы развернули судно и перпендикулярными галсами уточнили положение этой неровности. Так приблизительно и должен выглядеть «вросший» чуть ли не за полвека в илистый грунт корпус судна. Наш «Максимов» отдал якоря и расположился над предполагаемым местом нахождения «Челюскина». Глубина залегания судна составляла чуть меньше сорока метров.

Наши аквалангисты моментально воодушевились и принялись готовиться к погружению. Теперь счет шел на секунды: «Кто первый?». На спуск пошли оба руководителя команд, приоритет открытия уступать никто не хотел. Надо сказать, что глубина уже была запредельная для аквалангистов с аквалангами, заправленными обыкновенным воздухом. Тут для более-менее длительного пребывания на дне требовались баллоны, заправленные специальной газовой смесью. Плюс, по всей вероятности, — барокамера, для постепенного снятия избыточного давления. Но ни того, ни другого у историков и водолазов-любителей не было, так что они, как всегда у нас, понадеялись на русский «авось». Авось, обойдется! И прыгнули практически одновременно в холодные волны Чукотского моря. Причем заранее договорились не спешить и не пытаться обогнать друг друга. Погода, кстати, была сносная: пасмурно, волнение небольшое, ровный ветер.

Все свободные от вахты члены команды «Максимова» и групп поисковиков столпились у борта, ожидая появления подводников. Трудно сказать, сколько прошло времени, думаю, минут пятнадцать-двадцать, как на поверхности появились большие воздушные пузыри и показались головы аквалангистов. Один из них держал в руках какую-то небольшую металлическую конструкцию. Фу-у-у-у, слава Богу, живы. Подводников быстренько вытащили на палубу и разоблачили: сняли груза, акваланги, закрытые гидрокостюмы.

Конечно, оба старались побыстрее спуститься к предполагаемому «Челюскину», в результате один из них (если не оба), как потом оказалось, получил баротравму и порвал барабанные перепонки.

Общие заключения из рассказа аквалангистов, насколько я его помню:

«При погружении сначала вода была достаточно прозрачная, но где-то на глубине двух десятков метров появилась все более интенсивная муть, гасившая свет. У самого дна на расстоянии вытянутой руки уже ничего не было видно. Даже мощные фонари помогали мало. По всей

вероятности, место, где они находились, являлось замытой илом и заросшей водорослями палубой какого-то судна, но какого? Названия не удалось прочитать. Из чего-то вещественного им удалось найти несколько болтов и гаек, а также части какой-то небольшой металлической конструкции. Времени на поиски уже не было (заканчивался воздух в баллонах аквалангов), и подводники начали подъем, прихватив то немногое, что удалось найти».

Погружение действительно было опасным, погода ухудшалась, и решено было больше не рисковать и не погружаться еще раз. Надо ли говорить, что члены обеих спортивных команд были расстроены: ведь столько времени готовились, и все зря.

Вот, пожалуй, и все мои «свидетельства». Еще можно сказать, что позже до меня дошли слухи, что поднятые со дна «конструкции» оказались частью палубного леерного ограждения и спинкой кровати, т.е. предметы, по которым никак нельзя было идентифицировать «Челюскин». Так что, было ли это судно на дне «тем самым», установить не удалось. Хранились эти «вещдоки» в помещении Магаданского клуба спортсменов-подводников, а потом куда-то пропали.

После наших поисков еще несколько экспедиций исследовали предполагаемое место гибели «Челюскина», спустились и на дно, но это уже совсем другая история, и не моя.

По-моему, достоверно так никто еще и не указал место нахождения погибшего судна, иначе по всем СМИ уже трубили бы всюду, сняли бы фильм, етс., а этого нет. Да и так ли это нужно? Ведь и поднимать судно смысла нет. Это и затратно, а главное, куда его потом ставить и на что содержать?

Рассказы коллег и всякие байки — производственные и не только

В действительности все выглядит совершенно иначе, чем на самом деле.

Ежи Лец

Рассказы П. С. Палкина о командировке в Сомали (эпизоды)

записал А. К. Платонов

Павел Степанович Палкин был опытным и заслуженным работником ГП, хорошо знающим свое дело, непьющим и «политически надежным» советским гражданином. Благодаря этим его качествам Палкина иногда посылали в заграничные командировки, что в те годы было отнюдь не частым явлением. Командировки, естественно, были в «дружественные СССР» страны.

Как-то его направили в Восточную Африку в Сомали. Это страна сейчас знаменита своими пиратами и нападениями на мирные суда в открытом море, а в те годы (70-е) Сомали занималась своими внутривосточными проблемами, имея просоветскую ориентацию. СССР, как всегда, много и неумело подсовывал свою экономическую помощь сомалийцам, в частности и в области морского судоходства. К примеру, Павла Степановича послали провести инспекцию состояния береговых маяков. Он должен был проехать несколько сот километров по океанскому берегу, осмотреть все встречавшиеся маяки и представить отчет об их техническом состоянии. Это, так сказать, вводная часть, а дальше — впечатления об увиденном, которыми П.С. поделился со мной.

В столицу страны — Могадишо — П.С. прилетел на самолете сомалийской компании. Очень его удивили стюардессы: прекрасные иссиня-черные лица с правильными чертами, точеные фигурки до... пояса; а вот ниже — форменное безобразие, никак не сочетавшееся с «верхом». Такое впечатление, что тела их составлены из двух независимых половинок: верхняя — просто загляденье и идеал женской красоты, а нижняя — бракованная деталь.

В аэропорту его встретил сомалийский переводчик, молодой парень, черный, как головешка. Переводчик прожил в Москве несколько лет, учился там и великолепно говорил по-русски; по случаю вспоминал нашу страну с такой ностальгией, что П.С. становилось его просто жалко.

Сомалийское министерство транспорта снабдило нашего коллегу, не только переводчиком, но и средством передвижения — английским внедорожником *Land Rover* (не новым) и шофером, у которого, кроме ручного насоса для шин и перочинного ножа, не было никакого инструмента для ремонта вверенного ему автомобиля. Мало того, и знаний, как это выяснилось в дороге, на эту тему у него тоже не имелось. П.С. очень беспокоился, что они встанут где-нибудь (а места им предстояло

преодолеть совершенно дикие) из-за поломки автомобиля и их съедят или ограбят аборигены. Кстати говоря, и оружия у них не было никакого. Так вот, одно из самых удивительных впечатлений, оставшихся у П.С. после этой командировки, было то обстоятельство, что старенький *Land Rover* их ни разу не подвел, хотя проехали они на нем не одну тысячу километров по жаре в 30 градусов и бездорожью. Ехали они втроем (П.С., шофер плюс переводчик) и заезжали в такие далекие от цивилизации места, где не только русского, но и вообще белого человека никогда местные жители не видели. Питаться и ночевать пытались в местных ужасных гостиницах, где даже тарелку супа повар не мог донести до столика посетителей без того, чтобы ее поверхность не покрыл...густой слой налетевших мух. Местные жители просто отодвигали их ложкой и спокойно ели суп. П.С. не мог, поэтому частенько оставался голодным, что в немалой степени не беспокоило его спутников. Они просто ничтоже сумняшеся съедали его порцию.

Видимо, поездка П.С. проходила накануне каких-то внутренних политических катаклизмов, поскольку, куда бы они ни приехали, местные жители были увлечены прослушиванием новостей местных радиостанций: у каждого крестьянина, водителя, военнослужащего под боком рядом «трындец» небольшой транзистор. Жители повсюду собирались кучками и что-то горячо обсуждали, нередко громко крича и жестикулируя. Несколько раз машину П.С. останавливали группы каких-то вооруженных людей, но, благодаря переводчику, все обходилось и их отпускали с миром. Непокойная эта командировка длилась больше месяца и доставила П.С. больше негативных эмоций, чем позитивных.

Рассказ П.М. Р-ва автору о командировке во Вьетнам (эпизоды)

П.М. был человеком уже солидного возраста, начальником экспедиции, когда ему предложили в виде предпенсионного поощрения (хорошие деньги) съездить с семьей в годичную командировку во Вьетнам. Война с США уже закончилась, и нам в СССР казалось, что в стране уже спокойно. Но в 1980-е годы антикоммунистическая политэмиграция и подполье пытались оказывать вооружённое сопротивление пришедшим к власти коммунистам, и во Вьетнаме нет-нет да и вспыхивали очаги сопротивления, так что «мирного неба над головой» не было.

Жил П.М. с семьей в закрытом районе столицы, где помещались все иностранцы и осуществлялась круглосуточная охрана. В целом бытовые условия были сносные, если не считать жару и местный экзотический животный мир. Например, в доме, где они жили, с потолка на спящего человека могла упасть вредная многоножка. Проползая по обнажённому телу человека, она оставляет розовый след какой-то выделяемой гадости типа кислоты, который начинает так болеть, что сравним разве что с ожогом. Еще было много комаров, которые разносили болезнь денге. Вообще, много всякой опасной живности, на пляже в том числе. Но недавняя война еще давала о себе знать: несколько раз им приходилось пережидать в специальном подземном бункере атаки или бомбардировки каких-то «врагов».

Вообще долгое пребывание в стране с нездоровыми климатом (жарой и высокой влажностью), видимо, ухудшило его здоровье: где-то через полтора или два года после своего возвращения Р-в, в общем-то, нестарый еще мужчина, покинул этот мир.

Мозамбик. Эпизоды. Со слов участников.

Группа наших специалистов в те годы работала еще в одной африканской стране — в Мозамбике. Специалисты с семьями жили в столице страны городе Мапуту в закрытом и охраняемом военными квартале. Женщинам особенно делать было нечего: одним в город выходить им по меньшей мере «не рекомендовалось», поэтому целые дни они проводили на площадке с бассейном около своего дома. Поездки в магазины проводились в организованном порядке. Мужчин на работу возили специальным транспортом. Бывали и командировки в довольно дикие районы страны, и это был настоящий риск. Так, в одном из подобных мест наш сотрудник П. С-в подхватил желтую лихорадку. Необходимой врачебной помощи местные врачи не смогли ему оказать. А может быть, их там и не было. Хорошо, что в тех далеких от цивилизации местах неподалеку от лагеря исследовательской группы, в которой был наш товарищ, находился пункт

интернациональной медицинской помощи ООН(?) или США(?). Специалисты этого центра и не дали умереть нашему коллеге, подняли его на ноги.

Сказ о дырявом портфеле Макиевского (со слов героя сказа записал А. К. Платонов)

Наш коллега по фамилии Макиевский — мужчина лет сорока с хвостиком, с залысинами и в квадратных очках с толстыми стеклами для близоруких людей — однажды купил себе по случаю шикарный портфель из коричневой кожи (одно время были модны такие). Может быть, даже импортный. Поскольку сей предмет ему, в общем-то, был не нужен в данное время (студенчество нашего коллеги давно окончилось), он запихнул портфель куда-то за шкаф дома и забыл о его существовании. Через несколько месяцев, может быть, через полгода, он зачем-то достал на свет божий свое модное приобретение и неожиданно обнаружил на нем дыру. Самую настоящую дыру с однокопеечную монету. Сначала он не поверил своим глазам, потом позвал жену, и она ему подтвердила, что тоже видит это откуда-то взявшееся «лишнее» отверстие. Тогда наш коллега вне себя помчался в магазин, где приобрел этот дефектный предмет обихода. Макиевский продемонстрировал директору магазина дыру на поверхности портфеля и потребовал заменить испорченную вещь. Конечно, директор не поверил нашему коллеге и отказался менять дефицитный портфель, тем более что их в продаже уже давно не было. Тогда Макиевский потребовал вернуть деньги, благо чек у него сохранился. Директор ни в какую: «Не может быть, говорит, чтобы вы не заметили дырку, нельзя же быть таким невнимательным балбесом, да и мы не могли продать вам портфель с таким явным дефектом. С неявным — могли, а с таким — нет». В общем — нашла коса на камень. Ходил наш коллега к этому директору через день чуть ли не два месяца и в конце концов доконал его: они составили акт и браке, и Макиевский получил свои деньги обратно. По его словам, он никогда не чувствовал себя таким счастливым, как в тот момент истины: «Есть правда на земле!»

Через несколько дней, ища очередную затерявшуюся в квартире вещь, он обнаружил за шкафом, в глубине, стоящие лыжи с палками, острия которых были устремлены, как взлетающие ракеты, вверх. Странно, но на одном из них болтался маленький кусочек коричневой кожи. Искреннему изумлению нашего борца с несправедливостью не было предела. И что вы думаете, вернул он директору магазина деньги за случайно продырявленный им самим злосчастный портфель?

О В. Н. Зуленине (в 50-70-е гг. специалист-гидрограф; рассказывает А. К. Платонов со слов техника ГП — Т. А. Петровой)

Венок маме после бани

В.Н., будучи настоящим экспедиционником, редко навещал свой отчий дом — деревеньку в средней полосе России. В то время, о котором ведется рассказ, он был уже человеком солидного возраста, а уж матушка его, оставшаяся в деревне, была совсем преклонных лет. Так что не было ничего удивительного в том, что однажды на его работу в Ленинград пришла телеграмма из областной больницы, извещавшая, что мать Зуленина скончалась от какой-то сердечной болезни. В больнице не знали, где проживает В. Н., но откуда-то им было известно, что он работает в ГП. Зуленина срочно вызвали из экспедиции, и через несколько дней он уже был в Ленинграде, где ему и передали похоронку. Делать нечего: надо ехать хоронить мать-старушку. Зуленин в расстроенных чувствах купил большой искусственный венок, как было принято в то время, и поездом отправился к родным пенатам. Каково же было его удивление и растерянность, когда через сутки, прибыв на место и подойдя с венком через плечо и чемоданом в руках к отчому дому, он увидел мать-старушку, идущую в белом платке с тазиком и березовым веником в руках от баньки.

— У меня, — вспоминал герой нашего рассказа, — ноги словно ватные стали — не идут.

Еще не понимая толком, что произошло, догадался он, что венок-то надо прятать, да подальше. А он большой, за спину не лезет, торчит.

— Веня, родимый, ты откуда? — разглядев сына, запричитала мать. — Аль случилось что? Говори, не томи!

А сын и объяснить свое внезапное появление, да еще с венком в руках, не может. Ну да все же выпутался, как-то отговорился: мол, по работе послали к родственникам какого-то коллеги, а сам трясущимися руками отрывает траурную ленту с надписью.

А с его матерью действительно произошла счастливая накладка: в больницу попала ее однофамилица, еще и инициалы совпали. Вот она и скончалась, а работники заведения, не проверив толком информацию, лишь бы не заботиться о похоронах, отбили по-быстрому телеграмму в Ленинград.

Траурные ленты

Зуленин умел хорошо рисовать. Хотя он нигде и не учился, рука у него была просто исключительно талантлива на всякие художества. Это качество очень ему помогало в работе с планшетами в экспедиции, а также в составлении по просьбе сотрудников отдела кадров надписей на траурных лентах похоронных венков, что раньше было весьма принято в организациях: «От... такого-то учреждения хорошему работнику..., коллеге, незабвенному отцу семейства...и т.д.» Писали на черных траурных лентах «золотой» тушью специальным пером, и процесс этот занимал немало времени. Причем иногда в одну несчастливую неделю умирали два работника, и тогда В.Н. приходилось работать «не покладая рук» несколько часов, отбросив все производственные вопросы.

В один из таких трудных моментов Зуленин все же не выдержал, пошел в отдел кадров и ничтоже сумняшеся предложил следующее: надписать траурные ленты заранее каждому работнику предприятия предпенсионного возраста и вложить их в соответствующую трудовую книжку. Но строгие кадровики не поняли черный юмор траурного рацпредложения художника, и все осталось, как было.

Удобные кровати. Письмо из вытрезвителя п. Диксон

Забавный случай, связанный с вытрезвителем, произошел с Зулениным в 60-е годы. Был он в экспедиции на Севере и застрял в непогоду в аэропорту поселка Диксон. А что делают полярники в аэропорту в плохую погоду? Выпивают, конечно. Ну вот и Зуленин выпил, да еще добавил, потом еще... В общем — перебрал, стал «выступать» и в конце концов, как ни сопротивлялся, попал в местный вытрезвитель. Там он проспался, утром его выпустили, и он спокойно улетел домой, благо погода наладилась. Но не такой человек был Зуленин, чтобы так просто оставить этот досадный случай. Дома в Ленинграде он собрался и написал кляузу в Москву в управление тех самых учреждений (вытрезвителей), что он человек высокого роста, а кровати в диксонском вытрезвителе короткие и чрезвычайно неудобные для сна, то есть не обеспечивают достаточного комфорта клиентам заведения, а штрафы администрация берет изрядные.

Через месяц-полтора Зуленина вызывают в отдел кадров на работе в Ленинграде и просят ознакомиться с официальным ответом директора вытрезвителя в Диксоне, который признает критику Зуленина правильной и приглашает его снова переночевать в известном ему учреждении, поскольку администрация хорошо подготовилась к его приему и заменила кровати на более удобные для граждан высокого роста.

Короткая история

О. Д. Чедыкалов был легендарной личностью организации. Работник он был серьезный, занимал ответственные должности как руководитель среднего звена, но отличался некоторой рассеянностью и весьма малым ростом, где-то около метра пятидесяти с кепкой, а может быть и меньше. И с этим обстоятельством были связаны некоторые забавные и не очень истории, случавшиеся с ним. Вот, например, парочка «автомобильных».

Итак, у Чедыкалова была «Волга», купленная им на честно заработанные в северных экспедициях деньги. Водил он ее сам, но из-за маленького роста, утопал на водительском сидении, и машину частенько останавливала ГАИ, так как сотрудникам этой дорожной службы казалось, что за рулем автомобиля никого нет и транспортное средство передвигается само, без водителя! Пришлось Чедыкалову в конце концов взять за правило подкладывать на сиденье объемную подушку, чтобы гаишники могли ясно видеть не только руль автомобиля, но и его голову в боковом окне.

Как-то раз летом, пребывая на отдыхе со своей супругой Л.Н. на даче, Чедыкалов дважды переехал на автомобиле ноги своей жены. И смехи грех. А случилось это так: Л.Н. по случаю солнечной погоды устроилась загорать около припаркованной на участке машины. Не подумав, она расположилась под самыми передними колесами «Волги». Тень от машины скрывала ее тело, и на солнце были выставлены только ноги. Чедыкалову же приспичило съездить в сельский магазин за чем-то, и он, не предупредив жену, сел на водительское место, повернул ключ зажигания и нажал педаль газа. Естественно, он не посмотрел при этом, нет ли под колесами машины препятствий. Из-за своего маленького роста с водительского места он не мог видеть ноги своей жены, скрытые капотом, и два раза переехал их: сначала передним колесом, а затем задним. Он так и уехал со двора, не заметив происшедшего и не слыша криков Л.В. Каково же было его удивление, когда, через некоторое время вернувшись домой, он увидел полный двор людей в форме и белых халатах: тут были и сотрудники «Скорой», и милиция (соседи вызвали все службы, услышав крики хозяйки дачи). Л.В. пришлось лечиться чуть ли не полгода, так как были раздроблены ее колени, но так до конца жизни полностью восстановить ноги ей так и не удалось.

Несколько слов о начальстве

Долгое время директором ГП был бывший военный гидрограф с польской фамилией Ж-й. Начальником он был неплохим: подчиненных не доставал мелкими придирками; порой просто по-человечески мог помочь сотруднику, попавшему в сложную жизненную ситуацию. Вот только надменен был не в меру и никогда не отвечал на приветствия работников, встречавших его в коридоре или столовой. Видимо, считал всех «ниже по званию» мелкими букашками. Однажды на общем собрании сотрудников учреждения зашла речь о невыплате валюты каким-то сотрудникам (видимо, кому-то что-то не доплатили, как всегда), так он сказал: «Да далась вам эта валюта, она у меня дома под диваном валяется!» Ну что тут скажешь! «У кого суп не густ...»

На место Ж-го (тот ушел на пенсию) пришел интеллигентный и тихий Всеволод Ильич Пересыпкин. Он оказался прекрасным руководителем, организация при нем просто расцвела. И еще: он умел сказать сотруднику «нет» так, что никто не обижался. Редкое качество для руководителя. Жаль, что не дало ему московское начальство постоять подольше у руля предприятия: перекинуло на директорство в другую (слабую) организацию. Все наши сотрудники вспоминали его добрым словом. А последующее начальство — нет, не вспоминало, и этим многое сказано: начались перестроечные веяния и закат хороших времен ГП.

Об одном партийном собрании по песне Александра Галича «Красный треугольник», где герой «загулял с племянницей тети Пашиной, и в «Пекин» ее водил, и в Сокольники» (А. К. Платонов со слов В. Н. Степанова)

Действительно, был и такой случай в ГП: один заслуженный работник, начальник геодезической партии, загулял с девицей, да еще чуть ли не моложе 18 лет. Несовершеннолетней то есть. Естественно, как это частенько происходило в советское время, его жена написала жалобу в партийный комитет ГП с просьбой разобраться и «вернуть мужа-изменщика в семью». Видимо, «изменщик» был членом партии.

Что делать? Вызвали виновника на собрание парткома для разбирательства. Секретарь зачитал письмо жены «неверного» и предложил собравшимся высказаться «по существу». Надо сказать, что сам-то «изменщик коварный» родом был из деревенских, умением «изящно глаголить» и многословием не отличался. Один из членов парткома тут же задал ему главный вопрос, ответ на который живо интересовал всех присутствующих:

— Ну, скажите, зачем вы это делали? Разве у вас нет жены или вы с ней не живете?

— Ашушения не те, — потупившись и покраснев, искренне ответил неверный семьянин.

О высадке РНС на Шпицбергене: ноу-хау по-советски (А. К. Платонов со слов В. Н. Степанова)

В тот год морская экспедиция, базировавшаяся на Архангельск, готовилась к промерным работам в районе архипелага Шпицберген, для чего необходимо было высадить на берег три радионавигационные группы со всем необходимым оборудованием. У участников уже был

негативный опыт выгрузки в тех местах: они замучились таскать тяжелые и неудобные ящики с экспедиционным грузом за линию прибоа. Для облегчения этой операции руководство и придумало в этот раз применить ноу-хау — большую высокую телегу на двух колесах почти в рост человека, попросту сказать, восточную арбу, которую изготовили в мастерских базы из подручных материалов. Казалось, что такая конструкция позволит провести погрузо-разгрузочные работы ускоренными темпами и в облегченном для экспедиционников режиме: груженная судовая баржа подходит к отмелому берегу, к ее борту подгоняется арба, и все ящики, баллоны со сжиженным газом, составные части разобранных антенн, палатки и прочее неудобное и тяжелое оборудование за несколько раз доставляется на ней за линию прибоа.

Все, в общем-то, так и произошло: усовершенствование не только помогло, но еще в немалой степени удивило и порадовало сотрудников норвежской полярной станции, находившейся поблизости. Все они высыпали на берег полюбоваться необычным зрелищем, как два десятка небритых русских мужиков в зимний треухах с кожаным верхом, ватниках и резиновых сапогах до пояса с гиканьем и матом тянут в прибойном накате эту невиданную доселе в этих местах восточную конструкцию — арбу. Часть наших экспедиционников создавали тягловую силу, впрягшись вместо верблюда в «оглобли» арбы, а другая часть руками вращала непослушные колеса, которые все время норовили увязнуть по самые ступицы в песке прибойной полосы. Насмеявшись и подивившись вдоволь невиданному доселе нашему ноу-хау, норвежцы подогнали свой небольшой тракторишко с легкими «тундровыми» грузовыми санями и где-то за две-три ходки оттащили весь наш груз до предполагаемого места базирования станции в двухстах метрах от берега.

Через несколько дней, когда радионавигационная станция уже работала и экспедиционные суда выполняли промер, члены нашей береговой группы решили навестить норвежскую станцию, чтобы отблагодарить полярников. Принесли с собой разведенный спирт и немудреную закуску: маринованные огурцы-помидоры, соленую рыбу, что-то из свежего: зеленый лук, картошку. Каково же было удивление теперь уже наших специалистов, когда они увидели, что норвежцы передвигаются по территории станции чуть ли не в тапочках, поскольку везде проложены искусственные дорожки, что живут полярники в худшем случае по двое в комнате, а большей частью жилье у всех индивидуальное, что в кают-компании есть бар со спиртным, и регистрирует в книге расходов количество выпитого алкоголя сам полярник, а зарплата начальника составляет около десяти тысяч долларов в месяц.

Как к.г.н. Д. Д. Латкин убирал снег на пл. Мира (А. Платонов со слов Г.И. Крымской)

Работал у нас с начала шестидесятых годов, может быть, даже ранее, гидролог со странным именем и фамилией (наверное, был он из семьи староверов) — Дормидонт Деевич Латкин.

Был он настоящим заслуженным полярником, но и науку не забывал: защитился, стал кандидатом географических наук. Внешность он имел весьма обыкновенную: среднего роста, полноватый, лицо, несколько обрюзгшее и с мешками под глазами. Характер имел непростой: любил настоять на своем; пользовался уважением многих сотрудников ГП (хотя и не всех).

Как-то раз его в составе группы коллег послали после снегопада чистить снег на Площадь Мира — была такая трудовая повинность у наших работников, наряду с «местными командировками» на овощные базы. И вот Дормидонт Деевич — кандидат наук и заслуженный работник Гидрометслужбы — в выданной ему затрапезной фуфайке, матерчатых рукавицах гребет широкой лопатой снежные комья слипшегося снега на тротуаре недалеко от станции метро. Мимо следует прохожий народ, и подходит к нашему герою старушка, пожалевшая «бедолагу», горестно качает головой и спрашивает:

— И за что же тебя, соколик, на пятнадцать-то суток*? Небось, натворил чего?

Наш коллега не нашёлся, что и ответить.

— Ну, ничего, время быстро идет. Терпи, раз виноват, — утешила его напоследок старушка и была такова.

*Примечание: речь идет об административном аресте, применявшемся в то время за мелкое хулиганство, за появление в пьяном виде в общественном месте и пр.; арестованные правонарушители привлекались к общественно-полезному труду.

Механик – золотые руки. Борис Фёдорович Киров

Работал у нас в организации механик, что называется, «от Бога» — Борис Фёдорович Киров. Он обслуживал несколько высокоточных механических прокладчиков — координатографов. Служило это трофейное немецкое оборудование для ручной высокоточной прокладки глубин на планшеты, т.е. цифр на бумажную основу. Киров был уже весьма пожилым человеком. В свое время он долго работал на маяках за Полярным кругом, где и набрался опыта в решении всевозможных технических задач. Даже в часах разбирался: огромные, наверное, еще дореволюционные напольные часы с боем, стоявшие в кабинете директора, были в его ведении и ходили!

Какое-то время мне пришлось довольно долго работать в одном кабинете с Борисом Федоровичем. Я с напарником наносил глубины на координатографе, Киров занимался своими делами: что-то ремонтировал, налаживал. К нему несли для ремонта всю технику учреждения — от настенных часов до механических пишущих машинок, и Борис Федорович всегда оказывал посильную помощь. Иногда он делился с нами какими-то историями из своей жизни на севере, которых у него было хоть отбавляй. Вот, например, такая.

Полярная амброзия

Как-то раз к полярникам на маяк шел трактор с грузом, в том числе и с продуктами. Уж не знаю, положено ли так было или это был частный заказ работников маяка, но среди ящиков с продуктами и мешков с мукой присутствовал бочонок какого-то дешевого портвейна типа «777». И надо было так случиться, что трактор, уже находясь поблизости от маяка, провалился под лед на небольшой речке. К счастью, люди успели выпрыгнуть из кабины и не пострадали, а вот тяжелая машина и сани с продуктами ушли под воду.

Через какое-то время полярникам, не без смекалки Бориса Федоровича, удалось вытащить утонувший трактор и поднять часть продуктов, которые не испортились от пребывания в воде: консервные банки, бутылки с подсолнечным маслом, банки с соками, а главное — бочонок с портвейном.

Каково же было удивление полярников, когда после извлечения деревянной затычки в верхней крышке ёмкости, помещение достаточно убогой столовой заполнил аромат просто-таки небесной амброзии. И на вкус первые несколько стаканов портвейна из бочонка показались полярникам райским напитком, но потом... Потом все вернулось «на круги своя»: жидкость из бочонка стала обычным «плодово-выгодным» портвейном весьма невысокого качества, да и божественный аромат напитка улетучился. Объяснение могло быть только одно: во время пребывания в холодной воде содержимое ёмкости «отстоялось» и в его верхнем слое сконцентрировалась самая вкусная, самая ароматная и легкая часть. Во всяком случае, к такому выводу пришли огорченные полярники.

А трактор Борис Федорович перебрал до винтика, починил, и тот стал работать лучше нового.

Коля из племени «настоящих людей»

Вся жизнь Бориса Федоровича была связана с маяками, подчас расположенными в очень отдаленных, что называется, «Богом забытых» местах. Но везде есть люди, и порой в этих суровых краях они так проявляют свои человеческие качества, что в пору только удивляться и «снимать шапку».

Как-то Киров, достаточно давно (видимо, в середине шестидесятых годов прошлого века) «служил» на одном из отдаленных маяков, расположенных на побережье самой далекой восточной области России — Чукотке. Рядом с маяком и маячными постройками несколько чукчанских семей разбили свои яранги, уж не знаю, жили ли они там постоянно или только остановились на какое-то время. Борис Федорович, как и все работники маяка, общался с ними и даже как-то помог справиться с какой-то хворью одному из пожилых аборигенов лекарствами из собственных запасов. Этот чукча был инвалидом и еле двигался. Несмотря на возраст, домочадцы звали его просто Коля и не очень-то жаловали. Он был уже лишним в семье. Уход за стариками не в традициях аборигенов Чукотки: раньше их вообще оставляли умирать в одиночку у костра, оставив запас дров на несколько часов, а род уходил дальше.

Между тем у Бориса Федоровича заканчивался договор, и он собирался домой на Большую землю. Как всегда, последние дни перед отъездом были суетными, наполненными всякого рода заботами: кроме сборов личных вещей, надо было передать маячное хозяйство прибывшему ему на смену специалисту. За всеми этими делами наш коллега забыл о Коле, тем более что тот давно не появлялся на территории маяка. И вот накануне своего отъезда, чуть ли не в полночь, Борис Федорович услышал, как кто-то скребется в дверь его дома, открыл ее и там у порога увидел лежащего на земле Колю. Тот что-то протягивал ему, сжатое в кулаке. Оказалось — затейливо вырезанную из моржовой кости, украшенную узорами с местными мотивами ручку для шарикового стержня — «пустяк», который только и мог сам сделать полуслепой и почти не ходивший Коля своему уезжающему навсегда русскому знакомцу. Уже какое-то время Колю не держали ноги, и, узнав, что Киров уезжает, он целый день мастерил поделку, а потом два часа полз к маяку, чтобы успеть вручить ее. Вот вам и старик Коля из племени луораветлан — «настоящих людей», как чукчи сами себя называют!

Другие миры

Ни из одного путешествия ты не вернешься
прежним — каждое меняет в чем-то твоё
представление о мире и тебя самого.

А.П.

Кубинские впечатления

Рассказ о трудовой жизни сотрудников ГП и их командировках в разные страны будет не полным без воспоминаний о пребывании моих коллег на острове Свободы, как поэтично любили называть Кубу советские СМИ. Поскольку я сам был в составе одной такой группы наших специалистов и пробыл там с семьей почти четыре года, то мне и карты в руки.

Начать с того, что командировать своих сотрудников на работу в Географический институт в Гавану руководство ГП начало в самом начале 80-х, и длилось это сотрудничество до перестройки. За это время на острове побывало около двух десятков наших специалистов с семьями. Кто задерживался там на пару лет, а кто и на все четыре, как повезет, как складывались обстоятельства.

В основном наша работа заключалась в помощи кубинским специалистам в организации исследовательской деятельности в области мореплавания: в создании морских карт и справочной литературы (лоций, морских справочников, руководств), навигационного обеспечения, океанографии и метеорологии.

Постоянно в исследовательском институте в Гаване находилось три-четыре наших специалиста; двое-трое коллег работали на базах, расположенных в провинции.

Коллектив института, состоявший из гражданских лиц, а также кадровых военных, относился к нам — советским техническим специалистам и советникам — весьма уважительно и внимательно. Многие сотрудники учились в ВУЗах и военных училищах в Советском Союзе и знали хорошо русский язык. Кроме того, эти люди, как мне кажется, невольно переносили на нас, специалистов из России, часть благодарности своим советским друзьям и однокашникам за теплое и внимательное отношение к ним самим, когда они находились в СССР. И было за что. По рассказам этих кубинцев — бывших советских студентов, учившихся в Ленинграде, Одессе, Баку и др. городах СССР, — их постоянно опекали однокашники: помогали освоить язык, водили на экскурсии, «подкармливали» домашними гостинцами, даже «разбирали» по домам на каникулы. Всех своих советских друзей кубинцы, конечно, отблагодарить не могли в пору учебы, поэтому на нас и выливался частично этот поток добрых чувств и признательности.

Другие кубинцы, не бывавшие в Союзе (так везде на Кубе называли СССР советские специалисты), видели, как много СССР и страны социалистического лагеря делают для поддержки и развития страны. Еще и Китай. Я говорю в основном об экономической помощи. Поскольку вся экономика Кубы, находившейся под санкциями Запада (США в первую очередь), была тесно связана с поставками топлива, техники, оружия и продуктов питания из стран социалистического лагеря. И, конечно, Союз играл в поддержке экономики Кубы главную роль. Даже пшеничная мука

для белого хлеба (а другого на острове и нет; черный хлеб в Западном полушарии не едят) поставлялась из СССР, хотя выращена эта пшеница была, возможно, и в Канаде. Так что практически все кубинцы тогда в той или иной степени чувствовали экономическую помощь нашей страны и были благодарны за нее.

Столица острова Свободы, по сравнению с серыми однотипными городами России конца брежневского правления, казалась нам — советским специалистам — чудесным тропическим цветком на фоне голубого моря: длинная гаванская набережная Малекон, средневековые улочки Старой Гаваны, высотные гостиницы постройки 50-х годов в центре, просторные бульвары с экзотическими растениями и яркими цветами — все это невиданное богатство красок, линий и звуков пленяло нас. Из открытых настежь окон лилась почти незнакомая нам чарующая латиноамериканская сальса. Стройные мулатки с потрясающими фигурами и походкой «от бедра» будоражили воображение наших мужчин, а кареглазые брюнеты-мужчины в снежно-белых «гуайаверах» (парадная кубинская рубашка с красивой вышивкой) пленяли наших женщин. Позже, когда мы несколько пообвыкли и обжились на острове, стали замечать и негатив: что и дома порой еле стоят и едва не валятся, и пустые прилавки магазинов, и что народ ходит голодный, а дети не знают, что такое шоколадная конфета...

Жили сотрудники нашей организации в основном в восточном пригороде Гаваны Аламаре. Каждой семье советского специалиста кубинское правительство выделяло коттедж — “*casa*” по-испански. В таком доме обычно были гостиная, совмещенная с кухней, одна или две спальни, туалет с душем, небольшой «хозблок» на улице и патио (открытая веранда). На окнах вешали сетки с мелкой ячеей против комаров, которых в определенные месяцы было с избытком. Мало того что эти противные тропические насекомые кусались, они были разносчиками весьма неприятной болезни — денге (что-то вроде гриппа). Вообще вредных насекомых, характерных для тропиков, на острове мало, так же, как и пресмыкающихся. Последних ядовитых вообще нет. Непонятно, чем это объяснить, но это так. Местные жители говорили, что на Кубе можно спокойно спать на земле — бояться нечего. Исключение составляют крокодилы, но увидеть их в природе достаточно трудно. В основном они находятся в специальных питомниках, и их шкуры идут на производство дорогостоящих предметов роскоши.

На фоне нужды и нехватки всех бытовых вещей и одежды в стране, обусловленных многолетней экономической блокадой, советские граждане жили весьма неплохо благодаря сети специальных дипломатических магазинов-распределителей, где они могли купить и вещи, и продукты питания с незначительными ограничениями. Особенно контингент советской колонии порадовал новый закон, появившийся в 1982 году: по нему советским техническим специалистам, работавшим в рамках экономической помощи Кубе, часть денежных средств стали выплачивать в американских долларах. Сумма была небольшая (что-то около 60 долларов в месяц), но она открывала нам двери в специальные гаванские магазины, предназначенные для дипломатов, моряков и немногочисленных западных туристов. На эти деньги можно было купить несколько пар джинсов, кроссовок, которые только входили в моду, трикотажные тенниски, шорты и купальники, японские зонтики и пр. Товары были в основном мексиканского, японского, панамского, сингапурского, китайского и южнокорейского производства. Скопив за несколько месяцев сумму побольше, можно было приобрести вещи и посолидней: кассетный стереомагнитофон, стереопроектор виниловых пластинок, акустические усилители и колонки, электронные и механические часы, карманный калькулятор, «фирменные» авторучки, зажигалки, сигареты «Мальборо», «Кент» и пр., а также спиртное: ром, виски, водку и пиво. Все великолепного качества. Кроме того, уже в России, на «чеки» Внешпосылторга, которые к нам попадали как часть зарплаты, в магазинах «Березка» можно было приобрести подобные товары, причем в более широком ассортименте: верхняя одежда, обувь, предметы бытовой техники (холодильники, пылесосы и пр.), духи, украшения и пр. Даже автомобили без очереди и кооперативные квартиры. Но это, последнее, доставалось в основном дипломатам и работникам торгпредств. Естественно, такое изобилие западного дефицита создавало огромный, можно сказать, определяющий стимул для советских граждан к работе за рубежом, в частности на Кубе, хотя в капстранах платили гораздо больше, но попробуй попади туда!

Надо сказать, что практически все денежные средства, получаемые советскими специалистами «сверх» некоторой минимальной части оклада, начисляемой на прежнем месте

работы в СССР, относились к разряду «командировочных», то есть впоследствии они НЕ учитывались при расчете пенсии, что ее значительно снижало.

В поселке Аламар располагался закрытый для кубинцев промтоварный и продуктовый магазин, где по специальным карточкам иностранные специалисты могли купить основные продукты питания: хлеб, молоко, консервы, мясо, рыбу, овощи и пр., а также рубашку, брюки, пару обуви. Все это ограничено и с учетом количества членов семьи. Естественно, продукты питания отличались от наших привычных. Так, черного (ржаного) хлеба не было совсем; ели мы узкие багеты, изготовленные из пшеничной муки с добавлением большой доли рисовой. В свежем виде эти «булки» были еще более-менее, но черствели они очень быстро, становясь по вкусу похожими на бумагу. Свежее молоко продавали только для детей до 14 лет. Кефира и сметаны не было, зато был йогурт, который в Союзе в то время не продавался. Говядины как таковой, не важно свежей или замороженной, не было совсем, только свинина иногда. Коров на Кубе мало, и их берегут для молока. Чаще всего ели курицу, и то нечасто. Практически не было ни свежей, ни мороженой рыбы. Уж и не знаю почему: Куба имела довольно большой рыболовный флот. Видимо, весь улов шел за границу на валюту. Спасали советские и китайские консервы. Особенно вкусной была китайская ветчина «Великая стена». Наша тушенка из смазанных машинным маслом жестяных банок тоже была хорошим подспорьем. Пили наши специалисты местный весьма приличные ром и пиво, а также свою водку и коньяк из «дипломатического» советского магазина.

Утром советских специалистов собирал служебный транспорт, а школьников — автобус от посольской школы-десятилетки. Днем наших служащих привозили домой на обед, а вечером с работы. В Аламаре был устроен летний кинотеатр под открытым небом, и по вечерам три-четыре раза в неделю (бесплатно!) демонстрировались советские художественные фильмы, естественно, на русском языке. Частенько проводились всякие собрания, политинформации и лекции под эгидой консульства или посольства. Жены специалистов занимались хозяйством, магазинами, готовкой. Поскольку стиральных машин и пылесосов не было, а магазины славились своими очередями, организация быта занимала довольно много времени.

В поселке был и оборудованный небольшой бассейн, и свой «дикий» пляж, где наши специалисты, их жены и дети любили проводить свободное время. Работало и кубинское телевидение о двух черно-белых программах. Ни о каких спутниковых тарелках в то время и разговоров не было; этой технологии еще не существовало. Передачи были достаточно скучными; фильмы, в том числе советские, показывали с титрами на испанском. Хотя надо сказать, что демонстрировали довольно много и старых фильмов из «мирового золотого фонда». В основном это были старые фильмы США (еще довоенные). Так что мне повезло: на Кубе я посмотрел много знаменитых голливудских и не только кинокартин.

По жаре ездить в город на медленных, душных, чадящих и вечно забитых автобусах (а другого городского транспорта, помимо такси, в Гаване и нет) было довольно утомительно, поэтому мы очень радовались, когда кубинцы организовывали нам поездки с семьями в различные туристические центры или просто на известные пляжи подальше от города.

Специалистам ГП жаловаться не приходилось: по долгу службы мы много ездили по острову и бывали в самых отдаленных его уголках, куда и сами-то кубинцы редко попадали. Например, там, где по заключению международной исторической комиссии сам Христофор Колумб впервые вступил на остров. Увидев окружающий чарующий пейзаж и богатство местного пернатого мира, первооткрыватель Америки сделал запись в своем дневнике, где назвал это место «райским». Мне довелось принять участие и в нескольких морских экспедициях в Карибском море, побывать в командировках и на острове Пинос (Хувентуд), и на пляжах Варадеро, и в горах Сьерры-Маэстро на самом востоке страны.

На Кубе действовала очень хорошо организованная сеть образовательных школ для взрослых. В частности, есть бесплатная школа иностранных языков имени национального героя Кубы Хосе Марти, где можно было, кстати, изучать испанский язык в течение двух лет. Меня очень интересовала богатая кубинская культура, особенно музыкальная, к тому же я хотел чувствовать себя «своим» с коллегами-кубинцами и не нуждаться в переводчике. Именно поэтому я, как и некоторые мои земляки, окончил эту школу языков и получил диплом.

Знание языка и постоянная практика в институте облегчили мне общение с кубинскими коллегами и руководством, позволили успешнее справляться с работой, свободнее себя

чувствовать, лучше узнать характер и привычки жителей острова, их культуру и традиции. Кроме того, знание испанского языка очень помогло мне впоследствии, когда уже в 90-е гг. я работал в Бразилии и «на ходу» осваивал португальский. А главное — когда я жил, работал и учился в аспирантуре в Испании уже в конце 90-х.

Так, между работой в гаванском институте, домом в Аламаре и командировками протекала жизнь наших специалистов на острове Свободы. Первые несколько месяцев все наши граждане мучились от жары (в домах у большинства кондиционеров не было), потом привыкали, и климат начинал даже нравиться. Деньги все приберегали на покупки в Союзе, поэтому на Кубе старались экономить, много не ездить и не тратить, как туристы, иначе смысл пребывания вдали от родины и близких терялся. А основная цель была все же у всех советских специалистов одна — заработать (на кооперативную квартиру, на автомобиль, на гараж и пр.) Кто-то, не умея заинтересовать себя окружающим, отчаянно скучал и топил негатив в спиртном, благо стоило оно недорого и было доступно. Кто-то находил выход в долгих морских «заплывах» по выходным: подводная охота, поиски красивых морских ракушек, других «чудес»; а затем изготовление из них экзотических сувениров занимало все свободное время. Многие семьи становились книголюбями: в СССР в то время трудно было купить хорошие книги, даже если это было собрание сочинений Дюма-отца. А в Гаване существовал великолепный книжный магазин «Максим Горький», где продавали хорошо изданную русскоязычную литературу. Конечно, магазин этот был предназначен для русскоговорящих кубинцев в первую очередь, но у них, к сожалению кубинского партийного руководства и к нашей радости, он не пользовался популярностью: кубинцы не любят читать. Так некоторые наши специалисты (или их жены) чуть не каждый день наведывались в «Максим Горький» в поисках книжного дефицита. Потом, накопив два-три десятка книг, отправляли их по почте домой в Москву на зависть всем соседям и родственникам.

У многих этих «книголюбов» собрания сочинений Куприна, Майн Рида, Конан Дойля (и других) так и стояли потом на полках не раскрытыми десятилетия, пока не пришла эра «электронной информации и литературы» и бумажные книги начали мало-помалу перемещаться на помойку.

Нечто подобное произошло и с таким старанием и упорством обработанными и приготовленными сувенирами из морских ракушек, кораллов, засушенных тропических рыбок и морских звезд. Во-первых, дома, в Союзе, родственников и знакомых почему-то совершенно не интересовали с таким трудом добытые морские сувениры: комиссионные магазины были полны этими рукотворными изделиями. Блок импортных сигарет «Мальборо», бутылка настоящего виски или флакончик французских духов были гораздо милее (как подарок из-за рубежа) сердцам наших сограждан. Во-вторых, все морские сувениры со временем теряют цвет и яркость, начинают разваливаться и в конце концов превращаются в труху. Ценятся они только людьми, нашедшими их на дне морском, вложившими труд в их изготовление, сохранение и доставку. Даже больше того: думаю, что ценятся не сами сувениры, а собственные воспоминания и чувства, связанные с ними.

Но мы же ничего этого не знали (и не только мы) и ныряли, и ныряли за этими никому потом не нужными ракушками, покупали и отправляли домой тяжеленные книги!

Надо сказать, что и с фотографиями было в то «кубинское» время как-то напряженно. Тогда черно-белые фото уступили место цветным, но обходился этот «цветной взгляд» весьма дорого. Поэтому подавляющее большинство моих соотечественников (да и я сам) выбирали более экономичный вариант цветного фото — слайды. То есть фиксация на пленку позитивного изображения. В результате снимки проявлялись в лаборатории (самому сделать это было весьма трудно, почти невозможно), а затем демонстрировались гостям в темной комнате через простой и дешевый ламповый проектор на белый экран (которым часто служила простыня, повешенная на дверь). Эта техника с успехом применялась чуть ли не больше десятка лет: с конца семидесятых по начало девяностых. Минус был в одном: тиражировать слайды было очень дорого, почти невозможно. То есть вся информация сохранялась в единственном числе, а пленки со временем терялись, слайды обесцвечивались, качество снимков снижалось катастрофически. Поэтому, как ни жаль, очень много снимков тех лет оказались безвозвратно утраченными.

Как и в любом человеческом сообществе, в советской колонии в поселке Аламар также случались неприятные чрезвычайные происшествия: люди попадали в транспортные происшествия, тонули, болели, получали ожоги от медуз или укусы агрессивных морских животных — барракуд или мурен. Акулы у берегов Кубы встречаются редко.

Одно время весьма увеличилось число квартирных краж, причем совершались они почти всегда ночью и, что было весьма странно, в присутствии хозяев дома. Воры выносили все мало-мальски представляющее ценность, вплоть до таких габаритных вещей, как телевизоры. А они в то время были ламповыми и весили около 20 кг. Поговаривали, что преступники использовали специальный усыпляющий газ, поскольку потерпевшие всю ночь спали как убитые, а наутро жаловались на страшную головную боль.

Воровство в домах и на пляжах, карманные кражи — да, это происходило, но преступлений, связанных с насилием, угрозой оружием практически не было. Даже ночью гулять по улицам Гаваны было не страшно.

Как-то в результате плохо сделанной в кубинском госпитале несложной операции умерла молодая россиянка — мать троих детей. Муж от горя чуть с ума не сошел; в скором времени его с детьми отправили на родину. Иногда наши специалисты, в том числе и работники, обслуживавшие советские заграничные организации и представительства, оказывались замешанными в какие-то махинации: покупку и продажу списанных автомобилей, каких-то дорогих вещей и драгоценностей. Но бывало это редко, а благодаря слухам реальные происшествия обрастали надуманными подробностями и свидетельствами и превращались в местную сенсацию.

В целом жизнь специалистов и их домочадцев текла довольно спокойно. Советские граждане боялись, как это ни странно может показаться, не каких-то мифических негров-бандитов, а своего начальства — руководителей групп, партторгов, не говоря уже о кураторах из «главной» для специалистов организации — Комитета по экономическому сотрудничеству ГКЭС. Именно от них, а не от кубинских коллег чаще зависело положение специалиста, продлят или нет его контракт, и с какой характеристикой он уедет на родину. Коллективы советских специалистов представляли собой СССР в миниатюре: также над всем довлела идеология: людей заставляли делать политинформации по советским газетам месячной давности, сообщения о результатах съездов КПСС, принимать участие в партийных собраниях, в спортивных соревнованиях по линии профсоюза, во всяких субботниках и воскресниках, а также в оказании «помощи кубинским товарищам» в уборке главного сырьевого продукта страны — сахарного тростника. Не могу сказать, что все вышеперечисленное как-то уж очень нас доставало, нет, но все без слов понимали, что это была своеобразная «плата» за предоставляемую нам возможность пожить в хороших климатических условиях и достатке, а также заработать весьма неплохие деньги.

За редким исключением, все жили предвкушением возвращения домой и приобретением тех или иных материальных благ. Ради чего, собственно, люди и ехали работать за границу. Во всяком случае, в социалистические страны.

Лучшим временем для меня, да и для многих советских специалистов, работавших в то время на Кубе, была поездка в Россию в отпуск. Такая возможность предоставлялась после двух лет работы на острове и при продлении контракта еще на год по меньшей мере. Авиационные и железнодорожные билеты до самого дома оплачивались всей семье специалиста, так что здесь наше государство проявляло неожиданную заботу о своих гражданах. Мы ехали в хорошем настроении, в предвкушении встречи с близкими и друзьями, везли подарки и сувениры и могли позволить чувствовать себя обеспеченными людьми, пусть и недолго.

Ирландский аэропорт Шеннон встретил нас белыми облачками овечек, пасущихся рядом со взлетным полем. Витрины бутиков *Duty Free* поразили нас разнообразием товаров; куда там гаванским валютным магазинам при отелях для иностранцев! Здесь было все и вся со всего света.

Возвращались на Кубу полные впечатлений и воспоминаний, в том числе и о богатых дефицитными товарами недрах советских чековых магазинов «Березка». Везли руководству группы (хороший тон), друзьям и коллегам «сувениры с Родины»: закатанную в килограммовые или двухкилограммовые банки селедку и краюхи черного хлеба. Привозили и уже бывшие в ходу кассеты для магнитофонов с записями модных в Союзе певцов и ВИА (в то время это была ходовая аббревиатура: вокально-инструментальный ансамбль).

Вот в несколько сокращенном виде и все мои кубинские впечатления. Думаю, что не согрешу против истины, если, подытоживая воспоминания (свои и моих коллег) о годах, проведенных на острове, скажу, что это было счастливое время исполнения наших скромных желаний и надежд, интересной работы и возможности увидеть и узнать совершенно новый и необычный для нас мир.

Ну что же, пожалуй, этим рассказом я и закончу свою «повесть временных лет» о годах правления «главного коммуниста СССР» — Леонида Ильича Брежнева, которые позже стали называть «застойными». До прихода перестройки оставалось еще несколько лет, но, как теперь видится, «лайнер под названием СССР» уже начал ложиться на бок.

Месяц в стране тысячи озер

Ура, еду в Финляндию: начальство направляет на верфь в город Раума группу специалистов на обучение, и меня тоже. Пришлось, правда, самому об этом позаботиться и сходить к руководству на поклон, аргументировать. Ну да того стоило: в «стране тысячи озер» я никогда не был, хотя много слышал о ней даже от своих родственников. А уж комедия Гайдая «За спичками» была одной из моих любимых, да и «Четвертый позвонок» Мартти Ларни (хотя к Финляндии эта книга отношение имеет только косвенное) прочитал взахлеб.

А по работе оказия была следующая: для нашей организации в Суоми строилось несколько исследовательских судов, так что надо было освоить новое импортное оборудование и приборы, может быть, внести некоторые корректировки в их расположение и комплектацию.

Ехать на верфь можно было тремя способами: по воде на круизном теплоходе, на поезде и на самолете. Мы (наша группа командированных) выбрали первое — теплоход. Тем более, что многие из нас всю свою профессиональную жизнь скитались по морям-океанам, ходили на научно-исследовательских пароходах и никогда не бывали на таких шикарных пассажирских судах. Лайнер, типа сегодняшнего паромы “*Princess Anastasia*”, действительно производил впечатление своими гигантскими размерами, комфортом, вышколенным персоналом и, конечно, магазинами *duty free*.

Жаркое лето 1990 года; белые ночи уже закончились, но длинные светлые вечера над простором Балтики еще радовали. Погода была тихая, и мы, как по озеру, за ночь дошли по Финскому заливу до Хельсинки. Лайнер пришвартовался к причалу в центре города, чуть ли не на самом проспекте Маннергейма. Нашу небольшую группу из восьми человек встречал представитель фирмы, он должен был посадить нас на междугородный автобус, идущий на верфь в Рауму. Но сначала надо было пройти таможеню. В то время всюду правила перестройка: в магазинах дефицит, валюты на руках нет, кругом «челночники» с громадными сумками - в общем, везде атмосфера рынка и желание «что-то нужное купить и что-то ненужное продать». Естественно, и мы, отправляясь в Финляндию, запаслись разрешенным к провозу через границу количеством пачек сигарет, бутылок водки, банок икры (кто смог достать) и прочего по мелочи, думая обменять это на сувениры при случае. Но один из наших коллег взял водки побольше — две бутылки сверх нормы — вдруг пригодится. Когда мы утром толпой сходили с трапа парохода, финские таможенники с ленцой изредка «выхватывали» из потока какого-нибудь пассажира и проверяли его багаж на предмет наличия запрещенных к ввозу вещей и товаров. Из наших никто досмотра не боялся, кроме товарища с «лишней» водкой. Уж не знаю, к чему это отнести — к провидению или профессиональному чутью таможенников, но они остановили именно его, перетрясли все его вещи, нашли запретную водку и изъяли. Правда, выдали бумагу, по которой он мог получить ее на границе при возвращении домой (что он и сделал потом). Весьма гуманно, надо сказать.

В се эти действия с обыском и осмотром нашего коллеги — «контрабандиста» заняли время и, как сообщил встречавший нас работник фирмы, междугородный автобус к месту нашего назначения вот-вот должен был отойти. Надо отдать должное этому финскому служащему — молодому человеку лет тридцати в ослепительно белой рубашке с короткими рукавами и мокасынах на босу ногу по тогдашней моде — он не нервничал, не кричал, что мы задерживаем рейс. Он просто вызвал два такси, нас быстро в них усадили, и через пять минут мы все были у дверей комфортабельного междугородного автобуса (а не привычного «Икаруса»). Успели! Сопровождавший нас молодец заплатил за нас девушке-кондуктору прямо в автобусе и махнул нам рукой уже с улицы: “*Lucky road!*”

Автобус покачулся, и за окнами «поплыли» городские пейзажи финской столицы. Ничего особенного из архитектуры и не запомнилось: чисто, приглядно, стиль домов похож на центр Ленинграда, то есть Петербург конца 19 века, вывески и указатели на незнакомом финском языке, много цветов на подоконниках. В предместье девушка-кассир вышла, и дальше уже водитель сам

продавал билеты входящим на остановках пассажирам. Ехали мы часа три; на одной из остановок пожилая финка вышла с первой площадки и уже прошла несколько шагов, как что-то вспомнила, повернулась и махнула водителю рукой. Тот остановился, женщина вернулась к передней двери, порылась в сумочке, достала использованный автобусный билет и как-то «со значением» опустила его в ящик для мусора, висевший у двери автобуса. Затем кивком поблагодарила водителя, повернулась и пошла по своим делам. Водитель тоже буркнул ей что-то и закрыл дверь. Автобус помчался дальше.

В Рауме поселили нас в местном отеле на втором этаже. Наши коллеги уже жили там, так что вскоре мы узнали все особенности быта в этом небольшом городке. Самой главной его «достопримечательностью» был градообразующий бумажный комбинат, находившийся поблизости. Когда ветер дул с его стороны, город заполнял весьма неприятный запах, похожий на смесь горелой резины и колбасы твердого копчения. Спрятаться от этого «амбре» не было никакой возможности. Единственный выход, как сказал нам прикрепленный к нашей группе молодой мужчина-переводчик, — это уехать отсюда или делать вид, что этого специфического запаха не существует. Половина жителей города работали на этом комбинате, и ругать его, требовать устранить эту вонь было все равно что рубить ветку, на которой сидишь. Капитализм, одно слово!

Жили мы в двухместных номерах, с телевизором, ванной комнатой с туалетом, и даже с кондиционером. Кормили нас от фирмы два раза в день: завтрак утром и ужин после рабочего дня. Третий прием пищи нам по договоренности выдавали «сухими пайком»: бутылочкой пива и пачкой американских сигарет «Мальборо». На верфи, куда нас возили каждый день, нам устраивали еще небольшой ланч, состоявший из бутерброда, пакетика сока и чашечки кофе. Нас такой режим питания вполне устраивал.

Окна моего номера находились прямо над залом ресторана, но, как ни странно, никакой кухонный запах нас не доставал. А дело было вот в чем: сама кухня была оборудована прямо в зале ресторана. Все кухонное хозяйство: огромные электрические плиты, блестящие кастрюли и сковородки разных калибров, и прочая утварь — находилось на виду за стойкой, отделяющей кухню от зала. Все пространство, занимаемое кухней, приблизительно четверть зала ресторана, была накрыта рядами вытяжек, с силой всасывающих воздух, поэтому в самом помещении запах кухни совершенно не чувствовался, как, впрочем, и дым сигарет. Повар — молодой мужчина, весьма высокого роста в белом высоком колпаке и «поварском кителе» — с достоинством и даже некоторым артистизмом управлялся с кастрюлями и сковородками, успевал помешивать там что-то и отдавать распоряжения двум своим помощникам. Чувствовалось, что ему нравится быть тут «главным кормильцем» постояльцев отеля, и он с удовольствием, широко улыбаясь, принимал наши благодарности “*Thank you, very tasty*”. Кормили просто замечательно. Конечно, это не был стол восточного падишаха, но нас меню вполне устраивало. На завтрак был шведский стол: каши с вареньем или какой-то фруктовой подливой, мюсли с молоком, яичница или омлет, вареные сосиски, жареный бекон, нарезка сыра, колбасы, разнообразные хлебцы, галеты, выпечка, три-четыре вида сока, какие-то фрукты, кофе и чай из автоматов. На раннем ужине в шесть часов вечера зал обслуживали официанты. В меню было два-три супа-пюре, второе блюдо — рыба или мясо, стакан сока или бутылочка пива. Салфетки! Какие там на столах были бумажные салфетки: на каждом стоял целый букет этих разноцветных «излишеств» всех мыслимых размеров: и синие, и красные, и желтые - всякие. Зачем был такой избыток, до сих пор не понимаю.

По пятницам и субботам ресторан работал «на всю катушку»: народ напивался, лилась живая музыка, случались и громкие выяснения отношений. Как-то из окна нашего номера мы увидели, как официант вывел весьма подвыпившего финна — тот еле стоял на ногах, так его усадили на принесенный стул, а кто-то из отеля находился с ним рядом, пока не приехали полицейские и не забрали бедолагу. Бережное такое отношение, уважительное, даже к перебравшему посетителю.

Но чаще случались более веселые события: как-то мы были свидетелями, как одной девчужке лет 11–12 справляли день рождения. Был выходной день, наверное, обеденное время. Группа ребят (человек пять-шесть), именинница (ее мы узнали по нарядному длинному платью) и несколько взрослых под руководством молодой дамы в офисном женском костюме прошли в глубину зала и расселись за приготовленным отдельным столом. Все было спланировано и проходило чинно и благородно по «мановению руки» госпожи – организаторши: тосты и подача блюд, общая песня “*Happy Birthday to you*” на английском, вручение подарков и поздравления

гостей. Торжество закончилось в точно назначенное время: дама-организатор произнесла несколько слов, гости поаплодировали, тихо встали и организованно вышли из зала. Все это действие производило впечатление хорошо отрепетированного спектакля. Все замечательно, конечно, но казенно как-то, без души. Одно слово — мероприятие.

На верфи наш день проходил в учебе и практике: специалисты различных фирм, приезжавшие из разных городов Финляндии и даже Западной Европы, читали нам лекции и вели практические занятия по исследовательским системам, приборам и графическому оборудованию, поставляемых вместе с судном. Лекции проходили на английском языке, так что лично я не всегда все с лету понимал, приходилось переспрашивать преподавателя, иногда и не один раз. Другие «курсанты», как нас называли финны с верфи, тоже испытывали трудности и с языком, и с быстрым усвоением материала, так что легкой нашу учебу было никак не назвать.

Приставленный к нам переводчик, о котором я уже писал, сопровождал нас, координировал вопросы нашего быта, питания и досуга, а также размещения в отеле, отъездов и приездов (в смысле билетов и документов), но в техническую область нашего пребывания на верфи не вмешивался. Кстати сказать, говорил он по-русски прекрасно, даром что был из русскоязычной семьи. Как его предки попали в Суоми, уж и не знаю, может быть, во время Зимней войны 1939–40 гг. Относился он к нам, как и все финны на верфи (кто в большей, кто в меньшей степени), сдержанно-вежливо. То есть внимательно, но без особого радушия, тем более без панибратства, широких улыбок, похлопывания по плечу, пожатия руки лишний раз и т.д. Вообще, финны произвели на меня впечатление сдержанных и излишне серьезных по нашим меркам людей.

В один из первых выходных мы всей группой (восемь человек) решили прогуляться пешком после завтрака и, быстро проскочив город, вышли на дорожку, шедшую вдоль основной автомобильной трассы. Может быть, это была велосипедная дорожка. И вот идем мы себе, а финны из своих машин, едущих по шоссе, глядят на нас, только что шеи не сворачивают. А ведь действительно, странно им было. Взгляд со стороны: группа из семи-восьми молодых мужчин-европейцев примерно одинакового возраста, одетых в серо-черную неспортивную одежду, без вещей и сумок, курящих на ходу, целенаправленно быстро идут вдоль шоссе в сторону, где ничего нет (в смысле магазинов или развлекательных центров) и до ближайшего населенного пункта около двадцати километров. Что им, бедным, было думать? Что это группа зеков, сбежавших из тюрьмы? Даже не знаю, что они себе представляли.

Как-то еще в первые дни нашего пребывания на верфи переводчик нас спросил, всем ли мы довольны, нет ли у нас каких-то просьб, пожеланий? Я, ничтоже сумняшеся, поблагодарил от имени всей группы «курсантов» за заботу и внимание и сказал, что все хорошо, но очень скучно по выходным и что нам всем хотелось бы посмотреть другие города Финляндии, что живем мы близко от границы в Ленинграде, а страны-соседа совсем не знаем, нет у нас такой возможности — ездить даже по ближнему зарубежью, да и денег (валюты) тоже нет. «Мы не жалуемся, — продолжал я, — но, если уж спросили...». Коллеги меня поддержали: «Было бы здорово! Действительно, ничего толком о Финляндии не знаем!» Переводчик как-то озадачился моим пожеланием и нашим общим воодушевлением. Видно, до сих пор никто из зарубежного, в частности российского, персонала на верфи не выражал желания ознакомиться с географией и историей Финляндии.

Люди вообще мало любознательны и не представляют, как могут переплестись события даже столетней давности. Не буду же я объяснять этому финну, что мой родной дедушка Михаил Платонов во время Первой мировой войны служил в Финляндии и его полк стоял в Тампере. И что у нас в семье есть фотография тех лет, где дед в военной форме сидит с полковыми товарищами в одном из фотоателье этого города (тиснёная печать на финском). А в 1918 году, после Октябрьской революции, был взят там же в плен, голодал, еле выжил и бежал в Россию: они с товарищем больше месяца пешком пробирались в Петроград; шли ночами, благо стояли белые ночи, а днем прятались: боялись, что крестьяне-финны донесут и их арестуют полицейские. А муж моей родной тетки прошел всю Зимнюю войну в Финляндии, позже погиб в Великую Отечественную. Так что мне было весьма интересно познакомиться со «страной тысячи озер» изнутри.

Надо сказать, что наше начальство в лице капитана строящегося судна Гурмистрова, жившего в нашем же отеле, мою инициативу не одобрило: «Как это ты без согласования с руководством обращаешься с такими просьбами к финской стороне?» Наверное, он был прав: финны все делали за наш счет (в счет оплаты строительства судов). Даже поговаривали, что подарок

финской стороны крестной матери судна (жене нашего главного инженера, курировавшего постройку судов) — дорогое кольцо с бриллиантом — и то было куплено на советские деньги и бедная «крестная» должна была сдать его в наше посольство в Хельсинки. Уж не знаю, правдива ли эта история или нет.

А возвращаясь к вопросу нашего переводчика, «слово — не воробей», уж раз прозвучало такое пожелание, надо было как-то реагировать. Как ни странно, финское руководство верфи прониклось нашим нескромным пожеланием и пошло навстречу: организовало три или четыре экскурсии в несколько «крупнейших» (по финским масштабам) близлежащих городов. Причем не только для нашей группы «курсантов», но и для семей советских специалистов, осуществлявших наблюдение за постройкой судов (три или четыре семьи). Так что нас, «любопытствующих», набрался почти целый автобус. Поездки по нескольким городам (если не ошибаюсь, это были сама Раума, а также Пори, Тампере и Турку) состояли не только из ознакомительных экскурсий, но и из посещения городских достопримечательностей (вращающегося ресторана на обзорной башне в Тампере, например, публичного библиотечного комплекса там же). Сейчас, конечно, мне не вспомнить точно, где и что мы видели, но какие-то моменты остались в памяти.

Удивили меня финские леса: сколько мы ни ездили — не видели из окна автобуса ни одного грибника или человека, собирающего ягоды, хотя в августе что-то можно было найти в лесу. На полях стояли круглые непривычные «рулоны» скошенной травы или чего-то другого и... никого, ни одного крестьянина.

Кстати сказать, в самой Рауме каждую пятницу на небольшой площади разворачивался частный рынок. Здесь продавали и лесные, и садовые ягоды, даже вроде грибы, ранние яблоки, свои овощи. Кроме того, были выставлены всякие «рукодельные» вещи: корзины, черенки для лопат, доски для резки овощей, вязанные из шерсти вещи, местные сувениры, а также всякое «доманенужное»: старые стулья, банки, какие-то носильные вещи и пр. Все это «торжище» длилось где-то до часу дня, причем продавцы и товар располагались за складными столами и прилавками. Затем все товары быстро сворачивали, грузили в багажники авто, и через час трудно было поверить, что здесь располагался рынок и шла оживленная торговля — все чисто, пристойно.

В Тампере на смотровой вращающейся площадке, кроме ресторана, была устроена небольшая выставка аквариумов со всякими рыбками. Там я первый раз увидел экзотических пираний — небольших «карасиков» с красноватым брюшком и острейшими зубами. Выглядели они весьма безобидно, плавали себе, легонько шевеля плавниками. Трудно было поверить, что они за несколько минут могут обглодать тушу быка. В том же городе нам показали новый библиотечный центр, построенный в форме расправившего крылья глухаря на току. Здание воплощало современную концепцию библиотеки как центра отдыха и развлечения. Сюда можно прийти всей семьей, и для каждого найдется интересное занятие. В фондах библиотеки находятся не только бумажные книги, но и пленки с кинофильмами для видеомэгафона, и музыкальный раздел с пластинками, и детский уголок с играми для детей. Здесь же можно посмотреть фильм или послушать музыку в наушниках. Кроме того, в здании расположены кинозал, конференцзал и безалкогольное кафе. Только бассейн, спортзала и сауны не хватало!

В другом каком-то городе нам устроили обед в ресторане, расположенном в бывшем здании самого настоящего завода: стены из грубого промышленного кирпича, высокие арки-пролеты и окна, темные столы и стулья в стиле лофт. Оказывается, весь завод перенесли куда-то за город, а его здания выкупил город и переделал их под нужды культурного центра. Получилось место публичного отдыха в «промышленном» стиле. Для нас подобные новшества в архитектуре (двигающиеся площадки обзора с ресторанами, библиотечные центры, где можно смотреть последние фильмы с помощью видеомэгафона, и рестораны в заводских цехах) были весьма удивительны. Что ни говори, а косность в нашем градостроительстве очень чувствовалась в те годы, и «полета «мировой архитектурной мысли» уж никак не наблюдалось. А самое интересное из новой архитектуры Ленинграда, что я видел тогда, было построенное в середине 70-х гг. здание аэропорта в Пулково.

Еще одно весьма обыденное наблюдение меня удивило и заставило позавидовать. Дело было в субботу в портовом городе Турку. Утром, часов в девять, автобус нас подвез к причалу для частных яхт и катеров и поехал на заправку. Мы, экскурсанты, устроились на травке на склоне берега, любуясь обводами яхт и мачтами, устремленными в небо. Пригревало солнце, легкая

морская зыбь тихонько поднимала и опускала словно спящие суденышки. Одним словом, евангельское «...и на земле мир, в человецех благоволение!» И вдруг, распугивая тишину и покой, к длинному причалу стали подъезжать один за другим автомобили, из них сыпались люди, чуть ли не на ходу вытаскивали из багажников ящики с пивом, большие переносные сумки-холодильники, пакеты с продуктами и всякое снаряжение для шашлыков и рыбалки. Все очень торопились, таща все это к своим катеркам, яхтам и лодочкам. Казалось, чуть ли не половина города спешит на свои плавсредства, чтобы умчатся куда-то в туманную морскую даль. Мы просто застыли, наблюдая этот внезапный старт. Как позже нам объяснил переводчик, местные жители (почти каждая семья) имеют какое-либо плавсредство и стараются все свободное время проводить на островах в заливе (коих много поблизости) охотясь, рыбача, в общем — отдыхая на природе подальше от городского шума и суеты.

Почему-то мне еще тогда пришла мысль в голову: «А почему у нас в Ленинграде иметь небольшой катер или лодку с парусом так дорого и хлопотно, что их владельцами являются лишь единицы, хотя возможностей у нас проводить свободное время на островах в Финском заливе хоть отбавляй?»

Думаю, что все упирается в комплекс официоза: лодку надо регистрировать, оформлять каждый выход в море, соответствующие службы должны следить, не нарушил ли кто границу, не уплыл ли кто к супостатам. А где хранить лодку, ремонтировать, заправлять двигатели? Так все хлопотно: организовывать всю инфраструктуру (в том числе службу спасения), учет и контроль, хранение, что проще так все затруднить, что человек и сам не захочет возиться. Плюс один — еще одна степень свободы, здоровье, спорт, интерес к жизни, меньше пьянства и наркотиков, а минусов масса, а главное — столько ненужных забот государству! Ведь жили без этого, и еще поживете. Работать надо (на благо государства и отдельных «особо равных»), а не о лучших условиях отдыха думать. Хватит с вас домино, да грибной корзины! Вот такие, наверное, мысли и были у наших вождей и иже с ними.

Как-то нам устроили автобусную экскурсию и по нашей Рауме. Оказалось, и в ней было немало интересного. Например, молодежные кварталы. Они расположены в предместьях города, и в них живут практически одни молодые семьи, причем в домах, построенных собственными руками. В одном из таких домов мы побывали: весьма благоустроенный одноэтажный коттедж из блоков то ли пенобетона, то ли еще из чего. Есть горячая вода, электричество, туалет, 3-4 комнаты, на втором этаже что-то типа мансарды. Молодые хозяева рассказали, что они взяли кредит для приобретения участка, затем по журналу(!) выбрали сборный дом, который им понравился, и заказали части дома. Когда все привезли, они позвали своих друзей и знакомых и за два дня они своими руками собрали дом почти полностью без всякой техники. Фундамент, подключение света, воды и канализации им выполнили какие-то подрядчики, а все остальное, в том числе и отделочные работы внутри дома — все это сами, своими руками, что значительно уменьшило их траты. Мы слушали этих молодоженов «открыв рты», ведь дело было в самом начале 90-х. Вот эта простота, с которой можно было построить дом (заказать документы, по журналу выбрать строение, по звонку подключить электричество и пр.), нас просто поразила. У нас бы подобное строительство тянулось несколько лет! Единственное, что вызывало озабоченность молодых хозяев — ипотека, которую надо будет выплачивать много лет. Но в стране существуют льготные для молодых семей социальные программы материальной помощи, в одну из которых они надеялись войти. У нас в те годы ипотеки еще не было, а были последние, как оказалось, жилищно-строительные кооперативы. Но и в них попасть было нелегко, даже с деньгами. Так что эти финские молодежные стройки были для нас просто чудом.

Еще в первые дни, гуляя по Рауме, мы обратили внимание на небольшие допотопные домишки, стоявшие на окраине города. Оказывается, это были старинные одноэтажные деревянные дома, которые местное правительство, стремясь сохранить городскую старину и своеобразие этого микрорайона, разрешило приобретать, но запретило перестраивать. В результате новые хозяева реставрировали и укрепили старые стены и крыши (то есть «каркас» строения), а внутри возвели современные стены. Везде в этих домах есть водопровод, отопление, душ и туалет, но внешне они выглядят, как сто лет назад. Такая забота о сохранении старинного облика даже какой-то части города казалась нам тогда странной, из области «с жиру бесятся».

В пригородах, куда мы доходили, гуляя после ужина, было много брошенных садов. Уж не знаю, приезжали ли хозяева в дачные домики, стоявшие на этих садовых участках, но ягоды с кустов явно никто не собирал: крыжовник, смородина красная и черная, садовая малина — все стояло нетронутым, частично обсыпавшимся. Мы немножко «потаскали» ягод, но лазить через заборы, даже к заброшенным кустам, нам, «взрослым дядям», было как-то не к лицу. А местные финны, по словам наших коллег с верфи, и в лес-то не ходят по грибы-ягоды, не то что в сады. Очень они опасаются экологически вредных выбросов местного бумажного комбината. Может быть, и оправданно. Вот и забросили свои садовые участки.

Как-то я переходил велосипедную дорожку у нашей гостиницы (такие дорожки со знаком уже всюду были в Финляндии в то время), задумался и чуть не попал под колеса велосипеда молодой женщины: ей пришлось резко тормозить, и машину даже чуть занесло на мокром тротуаре. А сзади, на багажнике, между прочим, у нее сидел малыш лет 7–8 в шлеме. Я аж внутренне сжался: думал, она сейчас будет ругать меня, как это принято у нас. Ан нет, мгновенно распознав во мне иностранца... она улыбнулась, и сама извинилась: "*Pardon!*" Моя привычная защитная агрессия сразу куда-то испарилась, я тоже смущенно улыбнулся и буркнул: "*I'm sorry*". И она поехала дальше, тут же, наверное, забыв рассеянного иностранца.

В Рауме, как и в других городах Финляндии, распространена сеть магазинов под общей «маркой» †. Видимо, это какое-то благотворительное католическое общество. Продаются там подержанные носильные вещи от шуб до маек. Все чистое, прошедшее специальную обработку. Цены весьма и весьма доступные. У наших командированных, да и моряков судовых команд, эти магазины пользовались завидной популярностью: каждому хотелось привезти что-то домашним, а денег подчас на это не было. Люди ведь старались купить что-то более солидное, подержанный автомобиль, например.

Как-то в таком магазине наблюдал забавную сценку: группа молодых девушек лет по 15-16 стайкой впорхнула в зал и устремилась к совсем уж дешевым женским вещам, даже не висевшим на вешалках, а сваленным в кучу на большом столе. Надо сказать, что девушки были одеты по-спортивному: шорты или леггинсы и футболки. Видимо, это была группа велосипедисток, совершавших какой-то тур со старшим руководителем. Девушки то ли не заметили нас — двух молодых мужчин в дальнем конце зала, то ли не придали значения нашему присутствию: они стаскивали с себя, видимо, грязные, футболки и шорты, и в одном белье, во всяком случае в нижней его части, искали подходящую замену в этой куче одежды. Если вещь сидела неплохо, бежали прямо в ней к продавцу и платили, а старую майку или что другое просто оставляли на полу. Все это, видимо, чтобы не стирать одежду в автоматических прачечных, поскольку по деньгам это получалось одинаково, а время на стирку и сушку экономилось.

Надо сказать, что и некоторые наши сотрудники, отягощенные многочисленным семейством, состоявшим из душ женского пола, не преминули приобрести в этих магазинах какие-то носильные вещи поприличней для своих домашних. Делали они это скрытно, стараясь не афишировать свои походы в эти магазины, как-то даже в нашей компании простаков покупка вещей там не приветствовалась.

Летом в таких небольших городках, как Раума, принято проводить различные культурные мероприятия для привлечения туристов. Мы попали на «дни рока» или что-то в этом роде. В город приехали ансамбли и молодые исполнители чуть ли не со всей Финляндии. Может быть, были певцы и из Западной Европы и Скандинавии. Концерты были бесплатные и проходили на открытом воздухе. Все выступления мы, конечно, не видели — были на верфи. Да и пели эти группы молодежи в основном на финском или шведском, что не очень-то благозвучно для нашего уха. Но как-то раз в один из выходных мы выбрались-таки посмотреть, что же это за действо такое и попали на выступление молодого финна, который пел... песни Высоцкого(!). То, что это Высоцкий мы узнали по мелодиям песен; пел-то финн на своем языке, уж не знаю, чьи были переводы. Может быть, и самого этого исполнителя. Правда, почему Высоцкий — это рок, я так и не понял.

Несколько слов о живших постоянно в Рауме представителях нашей ленинградской организации. Это были специалисты-техники, осуществлявшие контроль за постройкой судов. Присутствие представителей заказчика на верфи — обычная практика. Получали они весьма неплохие деньги в валюте, так что попасть на такое «хлебное место» было мечтой любого специалиста. Жили наши представители с семьями в предоставленных фирмой весьма

посредственных домах, очень напоминавших наши пятиэтажные хрущевки: блочные, с плохой теплоизоляцией и хорошей слышимостью, да еще и без лифта. Правда, в каждом подъезде в подвале была сауна, которой можно было пользоваться жильцам согласно расписанию. В квартирах были совмещенные санузлы (душ и туалет), причем с небольшим высоким окном, выходящим на лестничную площадку.

Как-то жена одного нашего специалиста мылась себе спокойно и вдруг обнаружила, что кто-то за ней наблюдает через это окно с лестницы. Естественно, она закричала, прибежал муж. Сообразив, в чем дело, он ринулся на лестницу и обнаружил там гражданина, который приставил к стене небольшую лесенку и любовался почем зря достоинствами его жены. Наш мужчина не стерпел и без долгих разговоров спустил нескромного наблюдателя (а это был финн) с лестницы, да так неудачно, что гражданин этот сломал то ли руку, то ли ногу. Вызвали полицию, медиков. И что вы думаете? Финское правосудие не только не осудило своего любознательного гражданина-нахала, но и заставило нашего оскорбленного мужа заплатить ему за лечение, а также какую-то «моральную компенсацию» за превышение мер обороны. Якобы обидел ни за что человека, слишком поломал. Вот она — «западная демократия и справедливость!» Как тут не вспомнить великолепный фильм Гайдая «За спичками» и обличительную речь в полиции дородного хугорянина Мулона Партанена, приехавшего свататься к Кайсе Кархутар: «Вот оно — гнездо разврата!»

У дома-хрущевки наших специалистов меня удивили длинные крытые навесы для автомобилей. Конечно, это было удобно, хотя и не гараж, но автомобиль более-менее сохраняется, защищен от солнечных лучей летом и от снега зимой. И еще очень полезная вещь: к каждому месту стоянки был подведен электрический кабель и установлена розетка. Оказывается, в холодную погоду можно подключить на всю ночь небольшой обогреватель масляного картера автомобиля, и тогда с утра машина легко заводится. Мелочь — а приятно и удобно, *friendly use*.

Наши спецы тоже сэкономили деньги, а посему отоваривались, в частности, и в китайских торговых центрах-складах, один из которых уже тогда разместился в пригороде Раумы. Еще наши служащие, быстро распознав положительные стороны работы финских учреждений потребительской кооперации, которые в Советском Союзе почему-то не были популярны, организовали кооператив и стали с большими скидками покупать оптом селедку в бочках и другую соленую рыбу, масло, муку, пиво, что-то еще. Кто-то ездил забирал товар, потом уже дома его делили по семьям; получалось очень выгодно. По магазинам, расположенным поблизости, ездили исключительно на велосипедах. И вроде в то время их (велосипеды) даже не приковывали цепями, как сейчас у нас это делают. Тогда там не было уличного воровства, уж не знаю, как сейчас обстоят дела. Если не ехали на велосипеде или на машине, то шли с сумками-тележками. У нас в то время они еще только-только приживались; люди к ним еще не привыкли.

Где-то в середине нашего пребывания в Рауме, финское руководство курсами решило устроить нам знакомство с традициями. Имелась в виду классическая финская сауна и посиделки в ней. Мы, конечно, встретили это предложение на ура, благо что и платить не надо было. Финские преподаватели тоже должны были участвовать. Один, правда, сразу извинился и заявил, что больше часа он этой встрече уделить не может — должен сидеть с ребенком дома (жена куда-то уходит). Такие у них порядки — равноправие.

И вот в одну из суббот, днем, за нами пришел автобусик и мы поехали куда-то за город в снятую администрацией верфи сауну. Место это оказалось неподалеку от города на очень красивом небольшом озере, песчаные берега которого поросли молодым сосняком. Сауна представляла собой довольно большое деревянное одноэтажное здание со стеклянными окнами во всю стену. Девушки из обслуживающего персонала встретили нас, выдали махровые полотенца, простыни, и больше мы их не видели.

Внутри здания ничего особенного: раздевалка, большой холл, из которого можно было войти в парилку с паром, в сауну, еще в какие-то помещения и в небольшой бассейн. В холле в холодильниках было пиво в банках, минеральная вода и коктейли (тоже в банках). Как пояснили финны, чтобы не смущать женский персонал, коктейли для сауны теперь выпускают уже готовые в банках, смешивать ничего не надо. Кроме того, на столах стояла немудреная закуска: орешки, сухарики, картофель-фри. И веселье началось: мы сидели в сауне, потом бежали по дорожке к озеру и, разгоряченные, сбрасывали простыни, благо женщин среди нас не было, и бросались в воду. Чистая, прозрачная и достаточно прохладная вода весьма бодрила и приводила тело в состояние

невесомости. Наплававшись, бежали опять в сауну, теперь уже греться. И так туда и обратно у кого насколько хватало сил.

Подував, собрались за большим столом уже с банками пива в руках. Пытались рассказывать анекдоты, как-то шутить, но получалось не очень: все же незнание языка — это большой стопор в общении. Английский технический тоже не очень-то помогал — не больно-то на нем пошутить. Ну да где-то жестами, где-то улыбками все же справлялись с разговором, искали общие темы. Выяснилось, что, к сожалению, не так их и много: фильмы они смотрели другие, книги читали свои, да и музыкальные пристрастия весьма разные у нас были. Но никто не напился, не подрался. Так что можно считать, что встреча удалась.

Переводчик поделился своей «бедой»: с появлением кредитных банковских карт (а у нас дома их тогда и не было совсем) он начал в отпуске тратить денег чуть ли не в два раза больше, чем обычно. Раньше, говорит, возьмешь сколько-то марок наличными, ну и тратишь, пока не кончатся. А сейчас и то хочется, и другое, и дети просят «купи, купи» всякую ерунду ненужную, а надо-то только, что достать карточку. Вот и приезжаешь из отпуска в долгах как в шелках. Мы его тогда слушали, открыв рот: такой поворот нам и в голову не приходил. Мучения с кредитными банковскими карточками были еще у России впереди.

Однажды техник-финн обратился к нам с вопросом, нет ли среди нас желающих купить подержанные автомобили в приличном состоянии. Его родственник продавал парочку и якобы за довольно умеренную цену, но ехать смотреть их надо было довольно далеко — километров сто пятьдесят. Многие из наших уже купили какие-то авто, благо что стоянка-магазин подержанных машин находилась совсем недалеко от города. Но желающие посмотреть предлагаемые автомобили все же нашлись.

Один из потенциальных покупателей попросил поехать на просмотр и меня, как уже имеющего машину и разбирающегося в тонкостях ее ремонта. Действительно, кое-какой опыт у меня уже был: пару лет назад я купил подержанный «Жигуль», и все эти два года только и занимался по выходным, что его ремонтом.

В один из ближайших выходных компания из четырех человек наших «курсантов» и финн-техник отправились на его машине смотреть предлагаемую технику. Дороги в Финляндии — просто загляденье: ровные, без накатов и выбоин, разметка и знаки видны отлично, катись себе хоть со скоростью сто пятьдесят километров в час. Минус единственный: в передвижении с таким комфортом внимание водителя притупляется и его начинает тянуть ко сну. Мы об этом знали и старались занять нашего водителя как могли: пели, рассказывали ему анекдоты, расспрашивали о жизни в стране. На английском, разумеется. Родственник нашего знакомого жил с семьей на каком-то хуторе или в кемпинге на лесном озере и занимался сдачей в аренду лодок, палаток и всякого инвентаря для рыбалки туристам. Ехать к нему надо было прилично, поскольку место это предназначалось как раз для отдыха от цивилизации и городской жизни.

Часа через два наконец-то добрались. Хутор представлял собой несколько домишек, пару ангаров для лодок, гараж. В домиках все удобства: свет, туалет, кухня и газ. Сам хозяин с семьей жил в двухэтажном деревянном доме довольно угрюмого вида. Надо сказать, что и члены его семьи (жена лет сорока и двое детей-подростков) тоже улыбчивостью не отличались, а хозяин — высокий сутуловатый хуторянин с иссеченным ветром и непогодой лицом, небритый — так вообще только и буркал что-то себе под нос. Но, может быть, все это от робости, внутренней застенчивости, поскольку они людей вообще мало видят, а уж иностранцев подавно. Во всяком случае, прежде чем говорить о деле, хозяева пригласили нас в дом, предложили кофе и... мороженое. Да еще спросили, какое предпочитаем. Было сливочное, шоколадное, еще какое-то. Для нас это было в диковинку. Как это, так далеко от цивилизации - и мороженое? Откуда? Видя наше удивление, хозяйка пожала плечами и открыла дверцы двух огромных холодильников, стоявших на кухне: они были полностью заполнены всякой снедью. «Да мы раз в две недели ездим за покупками, все набиваем», — объяснила финка. Электричество от работающего на солярке генератора, так что холодильники исправно работают.

Присели за низкий столик в холле рядом с кухней, пьем кофе. Хозяин по-английски не говорил, так что нам переводили дети. Видимо, они учили язык в школе. Похоже, дела на хуторе шли неважно: разгар сезона, а мы так ни одного постояльца и не увидели. Не торопясь, посидели за кофе, между вопросами и ответами стали повисать паузы, наконец поблагодарили хозяев и вышли

на улицу. Машин было три или четыре. На две показал хозяин: «Вот эти продаются». Автомобили выглядели вполне прилично, хотя, конечно, и ржавчину было видно, и прочее возрастное. Одна была светлым трехдверным Фиат-1, вторая — «Лада» из первых моделей. Фиат был на ходу, и мой коллега сразу в нее «вцепился», а у «Лады» были какие-то проблемы с двигателем, но и денег хозяин просил за нее совсем мало. Осмотрев Фиат, я посоветовал коллеге взять его: отношение цена-качество было весьма разумным. Со вторым автомобилем было больше проблем, но это была уже не моя забота.

Участок леса, где мы находились, был совсем диким. Стоило пройти несколько шагов, как ты оказывался среди сосен мачтовой высоты, кочек мха, округлых камней, что принес еще, наверное, ледник. Заметив, что меня «потянуло» в лес, сын хозяина поманил меня за собой: «Пойдем, что покажу». Он, опередив меня, заглянул в дом и тут же выскочил, держа в руках... винтовку-мелкашку. Махнул мне рукой: «Пойдем, постреляем». Ну как тут удержишься! Мы отошли сотню метров в сторону от жилья, паренек показал мне висящую шишку на елке, клацнул затвором, навел ствол: «Бах!» — и шишка свалилась. Сунул мне винтовку: «Давай ты теперь». Хорошо, что я когда-то стрелял в клубе, тоже передернул затвор, вставил патрон, выстрелил и... конечно, промахнулся! Паренек засмеялся. Наверное, подумал, что дядя хоть и взрослый, а стрелять-то не умеет, слабак! Рассказал мне, что частенько ходит с винтовкой в лес, но палит в основном по воронам.

А в доме вовсю уже шел торг: обсуждали цены на машины, приводили разные доводы и соображения. Хозяева, поняв, что у нас есть серьезные намерения купить что-то, несколько «оттаяли», чаще улыбались, рассказали о своем житье-бытье в лесу. Особенно трудно зимой: туристов мало, холодно, а главное — скучно, хотя и телевизор (спутниковая тарелка) уже был в доме. В конце концов договорились и о цене, и о том, что хозяин пригонит на буксире машину с неисправным мотором прямо к парому в порт Хельсинки в день нашего отъезда.

Последние недели на верфи пролетели совсем незаметно. Вот и день отъезда: прощаемся с остающимися коллегами, и с небольшими приключениями доезжаем на нескольких «трофейных», то есть купленных подержанных авто, из Раумы в порт в столицу. Раннее утро, лайнер готовится к отходу, а мы стоим на причале в ожидании хозяина лесного кемпинга и «Лады» с неработающим двигателем — ведь обещал доставить вовремя! До отправления нашего парохода еще час, и мы пока не очень беспокоимся. Но проходит десять минут, двадцать, остается полчаса, а ни хозяина, ни машины так и нет. Наш коллега-покупатель весь уже извелся: ходит по причалу взад и вперед, поглядывая на часы каждую минуту и чуть ли не подпрыгивает. Наконец, появляется наш знакомец, на жесткой сцепке за его машиной следуют злополучные «Жигули». «Вы волнуетесь? — то ли спрашивая, то ли утверждая, глаголет на худом английском лесной человек. — Еще полчаса, все успеем!» Действительно, поставить печать на купчей в полиции, расположенной тут же за углом, и загнать автомобиль в грузовой трюм успеваем, хоть и в последний момент. Так что зря мы так волновались, но в нашем порту мы ни за что бы не успели все это повернуть. А русские, так и остались для нашего финского «лесного брата» слишком нервными и торопливыми людьми, наверное.

На следующее утро мы были уже у причала в пассажирской гавани Васильевского острова. Старый *Fiat* моего товарища, за рулем которой я сидел, таможенники проверяли чуть ли не два часа: даже загнали на эстакаду и отвернули выхлопную трубу. Правда, потом чуть ли не час приворачивали ее обратно — все ведь в ржавчине, старое. Что они там искали, я так и не понял. Ну а потом наконец-то долгожданная встреча с близкими и друзьями: хорошо в гостях, а дома лучше. Сувениры: в частности, пара блоков сигарет «Мальборо», бутылка настоящей кока-колы и спелый ананас из хельсинского супермаркета — все это было в новинку в то время и порадовало домачадцев.

В памяти Финляндия осталась как обустроенная, обихоженная и «прибранная к приходу гостей» страна. Так все приглядно, чисто, удобно для жителей устроено. Трудно найти в Хельсинки здание с потрескавшимися стенами и отваливающейся штукатуркой; нет «пустой» земли — все засеяно травой или лежит асфальт, поэтому в городе и пыли меньше. Думалось: «Но почему, почему Ленинград не может быть так обихожен, как столица этого маленького государства?»

Кстати сказать, на одной из улиц Хельсинки с удивлением наблюдал, как два рабочих шутя ворочают оранжевую трубу большого диаметра. Оказалась, она пластмассовая, а значит, и

управляться с ней легче, чем с железной, и не ржавеет. Почему у нас такие не ставят? И еще: там же первый раз увидел «мобильный» телефон в руках у прохожего — по моде небритого молодого мужчины в мятых брюках и летней рубашке-гавайке. Правда, этот аппарат был размером с коробку для обуви, и из него торчала полуметровая антенна. В начале девяностых трудно было предположить, что через несколько лет эти телефоны станут размером с пачку сигарет и будут в руках у школьников.

По поводу отношения к нам финнов: только один раз я почувствовал действительно негативное отношение. Это было в пригороде Раумы. Мы гуляли после ужина, и проезжавший мимо на велосипеде мужчина средних лет с помятым лицом крикнул нам что-то, видимо, обидное и пытался изобразить какой-то неприличный жест одной рукой. В общем, мы толком ничего и не поняли. В остальном это было всегда внимательное, но несколько настороженное отношение. Они, как мне показалось, просто не знали, как им с нами себя вести. И их, и наш английский были так себе, а без языка далеко не уедешь. Потом, нам совсем не известно, как у них (финнов) трактуют события Зимней войны 1939–1940 гг. У нас же эта тема была полузасекречена, официально о ней вспоминали очень редко, а в школе на уроках истории, по-моему, вообще ничего не говорили. Так что, может быть, эти весьма печальные исторические события накладывают некоторый негативный отпечаток на отношение к России даже простых финнов. Хотя, насколько я понимаю, Советский Союз своими заказами и экономическим содействием весьма помог «стране тысячи озер» поднять уровень жизни населения до среднего по Скандинавии. Вряд ли без нашей помощи финны смогли бы достичь такого результата. В Европе они не больно-то кому были нужны; Финляндия для нее — медвежий угол, задворки.

А постройка трех новых пароходов для нашей организации вскоре была завершена, и эти суда много лет с успехом работали в Арктике; до сих пор они в строю.

Можно было бы вспомнить еще какие-то смешные и не очень, но всегда правдивые (и не совсем) истории из жизни ГП семидесятых – начала восьмидесятых годов прошлого века, но когда-то все равно надо ставить точку. Итак, благодарю за внимание, дорогой читатель!

Санкт-Петербург, 2021

Иллюстративный блок

Большая перемена

Гидрографическое судно финской постройки. Иллюминаторы каюты курсантов находились чуть выше ватерлинии. 1973 год.

Студент-практикант А. Платонов — слева. Курсант ЛВИМУ В. Исаков — справа. Архангельск, Саломбала. Лето, 1973 год.

Редкое затишье. Тундра и береговой откос острова Вайгач. Карские Ворота. 1973 год. Фото из интернета.

Одна из наших станций РНС на берегу. Видны радиомачта, жилая палатка, «моторка» в стороне.

Очередная высадка на берег; погрузка имущества станции на судовую баржу. Автор — крайний слева. Крайний справа — начальник ИВЦ ГП В.З. Миролюбов. Карское море, 1973 год.

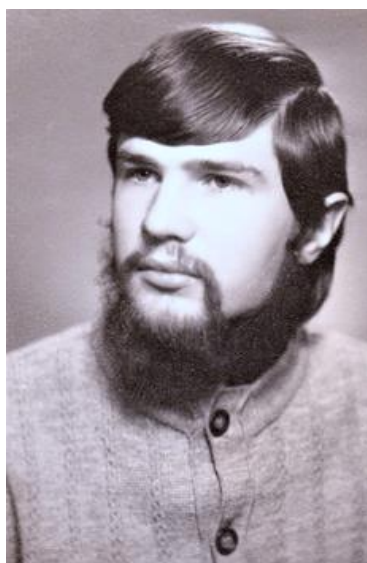
Автор на Диксоне сразу после окончания экспедиции в Карских Воротах. 1973 год.

У памятника норвежскому полярнику Тессему. Слева – направо: В. Исаков, А. Платонов, А. Мягков. Пос. Диксон., 1973 год.

У памятника первопроходцу Н.А.Бегичеву. Слева – направо: В. Исаков, А. Мягков, А. Платонов. Диксон, 1973 год.

Автор после своей первой экспедиции на Север в Карское море. Ленинград, Ноябрь, 1973 год.

Люди, море, судьбы

Карточный домик

Сотрудники гидрологической группы, где работал автор.
Слева-направо: Г.И. Крымская (руководитель), Т. Линецкая,
Е.С. Минкина, Е. Зыкова. Фото ок. 1980 г.

Тот самый «Индийский» со слоном.

Молодёжный актив ГП. Слева-направо верхний ряд: С. Геращенко, А. Зыков, Т. Трофимов, В. Золотарёв, И. Помогаева, В. Харитонов?, Т. Линецкая?, Годовиков, Л. Алексеева, Н. Оленина, ?, Т. Антонова, Т. Эхитейн, В. Коробейников, ?, С. Березкин, И. Жуковская, В. Медведев; нижний ряд: Е. Зыкова, Р. Блинова, Л. Довженко, А. Архангельский, Т. Скобелева, П. Староверов, Алимova, В. Мезенцева, Р. Васильева1

Опять на краю света. Чукотка

Поселок Провидения. На переднем плане порт. Весна, начало 80-х. Фото О.Е. Кривошеева.

Автор на вахте в гидрографической рубке. Г/с «Георгий Максимов», 1980 год.

Пикник на сопке с коллегами по экспедиции. Внизу — бухта Провидения. 1977 год. Слева — направо: Рита Васильева, Надя Осипова, автор.

Пикник на сопке. Внизу — бухта Провидения. 1977 год. Автор в позе прыгуна с трамплина

Пикник на сопке с коллегами по экспедиции. 1977 год ? Слева — направо: Е.Зайцев, В.Ермаков, Мандрыкин, О.Ф.Михеев, Р. Васильева, Н.Осипова, Т.Эхштейн, Я.Гоноровский.

Автор на очередной высадке на берег. Вдалеке видно наше экспедиционное судно. Чукотка, 1980 год.

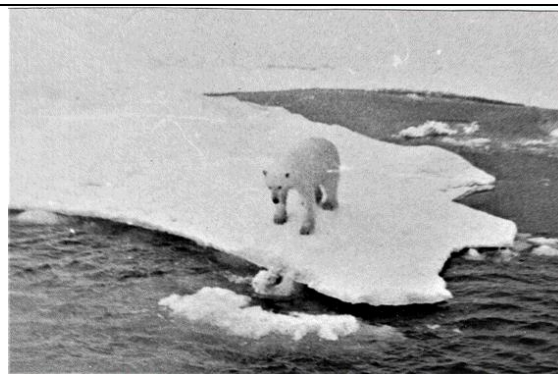

Фото с борта судна. Неожиданная встреча. Чукотское море, 1980 год

Кубинские впечатления

Район Старой Гаваны, современная Куба.
Фото из интернета.

С коллегами из ГП. Филиал Кубинского института гидрографии в Регле (Гавана). Слева-направо В. Степанов, Пабло Рамос, автор, Г.Худолеев. 1984 год.

Маяк в крепости Эль Моро, Гавана. Слева-направо: В. Степанов, кубинец — смотритель маяка, автор, переводчик М. Кастрин. 1983 год.

Автор с кубинскими специалистами. Метеостанция на о. Пинос, Куба. 1983 год.

Месяц в стране тысячи озер

Одно из новых гидрографических судов для ГП строившихся на верфи в Рауме в то время.
Фото из интернета